

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
№ 1-20
СИБИРСКАГО КАЗАЧЬЯГО
ЕРМАКА ТИМОФЕЕВА
П О Л К А.

Цѣна 75 коп.

ОМСКЪ.
Типогр. Штаба Омск. в. окр.
1907.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
№ 1-20
СИБИРСКАГО КАЗАЧЬЯГО
ЕРМАКА ТИМОФЕЕВА
П О Л К А.

Цѣна 75 коп.

ОМСКЪ.
Типогр. Штаба Омск. в. окр.
1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Казачьи полки вѣками комплектуются изъ однѣхъ и тѣхъ же станицъ, даже изъ однихъ домовъ, почему каждое событіе въ жизни полка, у многихъ станичниковъ, часто связано со службой сына, брата, отца или дѣда, а иногда и цѣлыхъ станичныхъ обществъ. Благодаря этимъ особенностямъ отбыванія военной службы, казаки, какъ въ полку, такъ и въ станицахъ, всегда интересуются прошлымъ своего Войска и полка; но не многіе его знаютъ и это потому, что въ Сибирскомъ войскѣ до сихъ поръ нѣтъ въ печати ни Войсковой, ни полковыхъ исторій.

Это обстоятельство и желаніе хотя сколько нибудь познакомить станичниковъ съ ихъ далекимъ прошлымъ, побудили меня приступить къ составленію „Краткой Исторіи № 1 Сибирскаго казачьяго Ермака Тимофеева полка“ и тутъ же отмѣтить главнѣйшіе періоды трехвѣковой службы Сибирскаго войска, которое въ прошломъ году праздновало этотъ юбилей, а въ нынѣшнемъ, 1907 году, исполнится 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ 1-й полкъ носитъ имя славнаго завоевателя Сибири атамана Ермака Тимофеевича.

Изъ всѣхъ полковъ Сибирскаго войска вѣковая служба 1-го полка обращаетъ на себя особенное вниманіе. За это говоритъ уже одинъ перечень мѣстностей, въ которыхъ побывали казаки его въ мирное и военное время, въ составѣ отрядовъ или отдѣльныхъ командъ. Въ Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ нѣтъ, кажется, уголка, который не былъ бы имъ извѣстенъ; они по всѣмъ направленіямъ извѣздили Сыръ-Дарь-

инскую, Самаркандскую и Ферганскую области; побывали въ Кызылкумской пустынѣ, на Аму-Дарьѣ, въ Хивѣ и въ Туркменскихъ степяхъ у самой границы Персіи; были и въ Бухарѣ, на Алаѣ, въ Кашгарѣ и даже проникали въ нагорный Каферистанъ. Въ послѣднее время они изучили нашу границу съ западнымъ Китаемъ и не разъ паходились въ пограничныхъ провинціяхъ Китайской имперіи. Наконецъ въ 1904—1905 годахъ въ составѣ командъ, высланныхъ изъ Войска для пополненія убыли въ 4-мъ и 7-мъ полкахъ Сибирской казачьей дивизіи, казаки 1-го полка участвовали въ Русско-Японской войнѣ.

Этотъ перечень походовъ, стоянокъ и разнаго рода командировокъ казаковъ Ермака Тимофеева полка служилъ мнѣ, между прочимъ, и программой при составленіи его Исторіи.

Вѣроятно не многимъ станичникамъ извѣстно и то, что до послѣдняго времени Сибирское войско точно не знало своего служебнаго старшинства. Нѣкоторые полагали, что его надлежитъ считать съ того времени, когда Сибирскіе казаки окончательно осѣли на нынѣ занимаемой ими территоріи, т. е. съ 1716 года, когда была заложена Омская крѣпость при устьѣ рѣки Оми на правомъ берегу Иртыша, гдѣ теперь городъ Омскъ.

Между тѣмъ историческія данныя о Сибири указывали на болѣе продолжительную службу Сибирскихъ казаковъ своимъ Царямъ и Россіи.

На это обстоятельство въ 1901 году обратилъ вниманіе бывшій Войсковой Наказной Атаманъ генераль-лейтенантъ Сухотинъ, и тогда же поручилъ генераль-маіору Катанаеву составить историческую записку о службѣ казаковъ Сибирскаго войска. Генераль Катанаевъ представилъ „Краткій историческій очеркъ службы Сибирскаго войска“ и привелъ въ немъ выписки изъ такихъ архив-

ныхъ документовъ, которые давали ему право сказать, что „нынѣшнее Сибирское казачье войско есть плоть отъ плоти и кровь отъ крови тѣхъ изъ Сибирскихъ казаковъ, которые болѣе 300 лѣтъ тому назадъ, во главѣ съ атаманомъ Ермакомъ Тимофеевымъ прибыли въ Сибирь и начали ея покореніе“.

Трудъ генерала Катанаева былъ представленъ Военному Министру съ особымъ заключеніемъ генерала Сухотина, который ходатайствовалъ о признаніи за Сибирскимъ войскомъ трехвѣковой службы.

Съ неменьшимъ сочувствіемъ отнесся къ этому представленію и бывший Военный Министръ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. По его распоряженію „Историческій очеркъ службы Сибирскаго войска“ былъ переданъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета Главнаго Штаба и тамъ вполне присоединились къ заключенію генерала Катанаева.

Когда такимъ образомъ установлено было, что нынѣшніе казаки Сибирскаго войска потомки сподвижниковъ завоевателя Сибири атамана Ермака Тимофеева, Государь Императоръ, 6-го декабря 1903 года, пожаловалъ войску Войсковое Георгіевское знамя, съ означеніемъ на немъ годовъ „1582—1903“ и тѣмъ самымъ закрѣпилъ за Сибирскимъ войскомъ служебное старшинство съ 1582 г.

Несомнѣнно не многимъ извѣстенъ и другой не менѣе важный актъ въ жизни Сибирскаго войска, совершившійся въ 1904 году по такъ называемому вопросу о „десятиверетной полосѣ“, которая тянется по лѣвому берегу Иртыша и вдоль Прѣсногорьковской линіи.

Установленіе 10-веретной полосы относится къ 1765 году, когда начальникъ пограничныхъ линій въ Сибири, генералъ-поручикъ Шпрингеръ, предписалъ комендантамъ крѣпостей на Иртышской и Прѣсногорьковской линіяхъ „отнюдь не допускать киргизъ кочевать ближе десяти или, по крайней мѣрѣ, пяти верстъ отъ линіи“. Затѣмъ

въ 1839 году, въ виду частыхъ споровъ между казаками и киргизами изъ-за пользованія землями этой полосы, бывший генераль-губернаторъ Западной Сибири, князь Горчаковъ, приказалъ фактически отмежевать вѣдущую грань 10-верстной полосы, за которую не переходили-бы киргизы, что и было исполнено топографомъ Кокоулинымъ.

Съ тѣхъ поръ земли 10-верстной полосы, въ количествѣ до 13500 квадратныхъ верстъ, находились во временномъ пользованіи Сибирскаго казачьяго войска. Но въ послѣднее время возникъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли передать ихъ въ казну, о чемъ особенно настаивали представители министерствъ Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ. И здѣсь генераль Катанаевъ отстаивалъ интересы родного ему Войска; онъ доказалъ, что земли 10-верстной полосы принадлежатъ Сибирскому войску по праву. Его горячо поддержалъ бывший Войсковой Наказной Атаманъ генераль Сухотинъ.

Результатомъ этихъ докладовъ было то, что Государственный Совѣтъ призналъ справедливымъ оставить за Сибирскимъ войскомъ большую часть земель этой полосы, о чемъ объявлено въ 1904 году и подтверждено особой Высочайшей грамотой, данной Сибирскому казачьему войску 23 апрѣля 1906 года.

При составленіи „Краткой исторіи Ермака Тимофеева полка“ я пользовался источниками, которые указаны въ особомъ приложеніи.

А. Симоховъ.

1 января 1907 года.
г. Омскъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
I—VI. Высочайшія грамоты Сибирскому казачьему войску, его полкамъ и сотнямъ.	
I. Трехсотлѣтіе Сибирскаго казачьяго войска . . .	1
II. Образованіе пограничныхъ линій и станицъ . . .	10
III. Служба и воинская повинность	21
IV. Въ Киргизской степи и на Средне-Азіатской окраинѣ	37
V. Въ Хивинскомъ походѣ	48
VI. Въ Сыръ-Дарьинской области	62
VII. Въ Коканскомъ походѣ	74
VIII. Въ зимнемъ походѣ	86
IX. Въ Джамскомъ походѣ	97
X. Въ Кульджинскомъ походѣ	106
XI. Въ оккупационномъ отрядѣ	117
XII. На Китайской границѣ	126
XIII. Посѣщеніе Войска Августѣйшимъ Атаманомъ	137
XIV. Пѣсни Сибирскаго казачьяго войска и его Ермака Тимофеева полка	150
На смерть Ермака: Ревѣла буря, дождь шумѣлъ	4
Выпьемъ первый бокаль	6
Ой на гори да жени жнутъ	13
Рапо утромъ весной	26
Напутствіе казачки	34
Что вы, братцы, приуныли	44
Шашка: Не грусти моя родная	46
Мы давно жились съ степями	60
Гдѣ мой конь вороной	73
На штурмъ Андижана: Ну-ка пѣсенку споемъ	84

Про Коканскій походъ: Слышно бьютъ тревогу.	96
Про Коканскій походъ: Полуночь наступаетъ, луна горитъ свѣтло	104
О боѣ подѣ Махрамомъ: Вспомнимъ братцы про бывшее	113
Припѣвокъ: Расхожая, разѣзжая	114
Трубочка: Здорово, братъ, служивый	124
Прощаніе съ полкомъ: Вѣрно службу мы слу- жили	135
Засвистали казаченьки	143
Маршъ станичники домой	144
Продолженіе пѣсни: Рано утромъ весной	150
Дикарь: Какъ въ ковеной клеткѣ	157
Иртышъ: Пѣвецъ молодой	158
Настала священная брань на враговъ	159
Казакъ: Разъ полуночной порою	160
Въ рѣкѣ бѣжитъ могучій валъ	162
Проявился въ Сибири славный—крѣпкій казакъ	163

Источники.

Опечатки.

**БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ, МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ**

и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕМУ Сибирскому Линейному казачьему войску.

Отправляемья при семъ для десяти Сибирскаго Линейнаго казачьяго войска полковъ Знамена, въ каждый полкъ по одному, по прочтеніи сего рескрипта въ присутствіи войсковаго Атамана и паличныхъ старшинъ, освятить и употреблять на службу НАМЪ и Отечеству съ ревностію, усердіемъ и храбростію, единому Россійскому воинству свойственными.

Въ Санктпетербургѣ Апрѣля 14-го 1809 года.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Военный Министръ, Генералъ-Адъютантъ *Сухозанетъ*.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕЙ 1-й сотнѣ 1-го коннаго полка Сибирскаго казачьяго войска.

Въ ознаменованіе особеннаго **М о н а р ш а г о** благоволенія **НАШЕГО**, за оказанные подвиги мужества и храбрости 1-ю сотнею 1-го коннаго полка Сибирскаго казачьяго войска, во время Коканскаго похода, при штурмѣ города Андижана 1-го Октября 1875 года, **Всемилостивѣйше** жалуемъ сотнѣ сей знаки на папахѣ съ надписью „за штурмъ г. Андижана 1-го Октября 1875 года“. **Повелѣваемъ:** знаки сѣи носить по установленію.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Варшавѣ,
26-го Августа 1876 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕЙ 2-й сотнѣ 1-го коннаго полка Сибирскаго казачьяго войска.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія НАШЕГО, за оказанныя подвиги мужества и храбрости 2-ю сотнею 1-го коннаго полка Сибирскаго казачьяго войска, во время Коканскаго похода, при штурмѣ г. Андижана 1-го Октября 1875 года, Всемилостивѣйше жалуюемъ сотнѣ сей знаки на папахи съ надписью „за штурмъ г. Андижана 1-го Октября 1875 года“. Повелѣваемъ: знаки сіи носить по уставновленію.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Варшавѣ,
26-го Августа 1876 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финландскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕЙ 4-й сотнѣ 1-го коннаго полка Сибирскаго казачьяго войска.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія НАШЕГО, за оказанныя подвиги мужества и храбрости 4-ю сотнею 1-го коннаго полка Сибирскаго казачьяго войска, во время Коканскаго похода, въ дѣлѣ противъ непріятели въ ночь съ 4-го на 5-е октября 1875 года при селеніи Хакы-Хавать, Всемилостивѣйше жалуемъ сотнѣ сей Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: „за дѣло при селеніи Хакы-Хавать въ 1875 году“. Повелеваемъ: трубы сіи употреблять на службу НАМЪ и Отечеству съ вѣрностію и усердіемъ, Россійскому воинству свойственными.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Варшавѣ,
26-го Августа 1876 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕМУ Сибирскому казачьему войску.

Въ 1882 году исполнилось 300 лѣтъ съ того достопамятнаго для Государства Россійскаго дня, когда Сибирская Ермакова вольница прощена Московскимъ Царемъ и признана Царскою служилою ратью, получившей впослѣдствіи наименованіе Сибирскаго казачьяго войска. За весь этотъ болѣе чѣмъ трехсотлѣтній періодъ Сибирскіе казаки вѣрою и правдою служили Всероссійскому Престолу и расширяли и охраняли границы Государства Россійскаго въ Сибири. Нынѣ, въ ознаменованіе трехвѣковой доблестной службы Сибирскихъ казаковъ, Всемилостивѣйше жалуюемъ вѣрнолюбезному Сибирскому казачьему войску **НАШЕМУ** войсковое Георгіевское знамя, съ надписью вокругъ знамя: „Доблестному Сибирскому казачьему войску, за отлично усердную, боевыми подвигами ознаменованную службу“, съ означеніемъ на знамени годовъ „1582—1903“ и съ присоединеніемъ къ сему знамени орденской Александровской ленты. Да свидѣтельствуеть потомству сія священная хоругвь о трехвѣковой доблестной службѣ Сибирскихъ казаковъ и о неизмѣнномъ къ нимъ благоволеніи **НАШЕМЪ**, которое они стяжали себѣ горячею преданностью Престолу и Отечеству.

„**НИКОЛАЙ**“.

Въ Царскомъ Селѣ 6-го Декабря 1903 года.

Военный Министръ, Генераль-Адъютантъ *Куропаткинъ*.

Въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ записана подь № 492.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕМУ вѣрнолюбезному и доблестному Сибирскому казачьему войску.

Съ того славнаго для Государства Россійскаго времени, когда Сибирская дружина Ермака, покоривъ Сибирское царство, была признана Царскою служилою ратью, Сибирскіе казаки въ продолженіи слѣдующихъ трехъ столѣтій ревностно и беззавѣтно преданно служили своимъ Царямъ и Отечеству.

Являясь на Восточной окраинѣ Царства Русскаго надежнымъ и грознымъ оплотомъ противъ хищническихъ набѣговъ азіатскихъ народовъ, Сибирскіе казаки со славою участвовали также въ наступательныхъ движеніяхъ нашихъ войскъ въ Средней Азій.

И нынѣ, въ непосланныхъ волею Всевышняго Отечеству Нашему тяжкихъ испытаній войны съ Японіей, Сибирскіе казаки, свято внемля завѣту своихъ славныхъ предковъ, продолжаютъ служить вѣрою и правдою Царю и Родинѣ.

За столь самоотверженную, неутомимую и вѣрную службу объявляемъ доблестному Нашему Сибирскому казачьему войску особое Монаршее Наше благоволеніе и подтверждаемъ Императорскимъ словомъ нашимъ непорочимостью настоящаго образа его служенія, стяжавшаго сему войску историческую славу и благодарность Отечества.

Озабочиваясь же нынѣ укрѣпленіемъ за Сибирскимъ войскомъ предоставленныхъ ему земель, долженствующихъ служить въ будущемъ источникомъ для поддержанія и развитія войскового благосостоянія, Мы признали за

благо, въ виду особыхъ заслугъ войска передъ Престоломъ и Отечествомъ, пожаловать Сибирскому войску настоящую Нашу грамоту на укрѣпленіе въ вѣчное его владѣніе указанныхъ земель въ безспорныхъ ихъ границахъ, сохранивъ въ силѣ ограниченія въ пользованіи ихъ нѣдрами, по отношенію земель, отведенныхъ изъ состава Государственныхъ, установленныя въ § 136 положенія о войскѣ 5-го марта 1861 года и ст. 204 устава горнаго, изд. 1893 года, а по отношенію земель, отведенныхъ и нынѣ отводимыхъ изъ предѣловъ Алтайскаго округа, вѣдомства Кабинета Нашего — установленныя положеніемъ о предѣлахъ правъ Кабинета Нашего на Нерчинскій округъ 10-го апрѣля 1899 года, и съ тѣмъ, чтобы по отношенію киргизовъ, имѣющихъ зимовыя стойбища въ предѣлахъ десятиверстной полосы, впредь до окончательнаго ихъ устройства, было сохранено въ силѣ утвержденное 31-го декабря 1904 года мнѣніе Государственнаго Совѣта и чтобы какъ существующіе, такъ и могущіе впредь возникнуть споры о владѣніи войскамъ землѣ подлежали разсмотрѣнію въ общемъ установленномъ порядкѣ.

Въ ознаменованіе сего, и пребывая къ Сибирскому казачьему войску Императорскою милостію Нашею неизмѣнно благосклонны, благоволили Мы сію грамоту Собственною Нашею рукою подписать и Государственной печатью утвердить повелѣли.

Дано въ Царскомъ Селѣ въ дѣто отъ Рождества Христова въ тысяча девятьсотъ шестое, Царствованія же Нашего двѣнадцатое.

„НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ,
23-го Апрѣля 1906 года.

I.

Трехсотлѣтіе Сибирскаго казачьяго войска.

Въ 1882 г. исполнилось 300 лѣтъ съ того времени, какъ знаменитый атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ покоришь Сибирское Царство. Въ воспоминаніе этого событія и для увѣковѣченія имени славнаго завоевателя Сибири, Императоръ Александръ III, 12 декабря 1882 г., повелѣлъ № 1 полкъ Сибирскаго казачьяго войска наименовать: „*Сибирскимъ казачьимъ Ермака Тимофеева полкомъ*“. ¹⁾

Трехсотлѣтіе само по себѣ знаменательное событіе, а въ жизни Войска и полка въ особенности. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ полной исторіи Ермака. Мы даже не знаемъ, кто былъ Ермакъ; съ этимъ вопросомъ до сихъ поръ не разобрались историки. Намъ только извѣстно, что Ермакъ былъ на Волгѣ, откуда направился въ Сибирь съ партіей казаковъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорить одна изъ старинныхъ пѣсенъ и даже объясняетъ причину этого похода:

Аи вы гой еси, братцы, атаманы казачіе!
Не корыстна у насъ шутка зашучена;
И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
Въ Астрахани—жить нельзя,
На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
Подъ Казань идти—грозенъ Царь стоитъ...
Въ Москву идти—перехватаннымъ быть...
Пойдемте мы въ усолья къ Строгановымъ...

Это предложеніе Ермака было принято казаками волжско-камской вольницы, которая въ концѣ XVI вѣка, наводила страхъ на все Поволжье своими разбоями. Казаки двинулись вверхъ по р. Камѣ, въ предѣлы нынѣшней Пермской губерніи, гдѣ ихъ ласково приняли именитые бояре Строгановы. Они же посовѣтовали Ермаку оставить разбой и послужить Россіи въ честныхъ бояхъ, чѣмъ и загладить свои вины передъ Богомъ и Царемъ.

Въ то время Сибирскій царь Кучумъ часто производилъ набѣги на наши восточныя окраины. Строгановы указали Ермаку на возможность завоеванія Сибири.

Эта мысль понравилась атаману и онъ быстро снарядилъ дружину изъ 500 казаковъ и 300 разночинцевъ, съ которыми, 1 сентября 1581 г., пустился на лодкахъ вверхъ по р. Чусовой. Переваливъ Уральскія горы и спустивъ лодки въ р. Журавли, казаки достигли р. Туры. Здѣсь была первая встрѣча съ татарами, которыхъ дружинники обратили въ бѣгство.

Продолжая слѣдовать дальше, дружинники вышли въ р. Тоболъ, гдѣ татары устроили засаду: они перегородили рѣку толстыми бревнами и скрѣпили ихъ желѣзными цѣпями.

Чтобы пройти это мѣсто, Ермакъ высадилъ часть казаковъ на берегъ, а на каждый досчанникъ поставилъ по нѣскольку крестовинъ и накинулъ на нихъ казацкіе кафтаны съ папахами.

Когда въ такомъ видѣ лодки съ частью дружинниковъ подошли къ преградѣ, татары изъ засады осыпали ихъ стрѣлами. Но въ это время казаки, предводимые Ермакомъ, по лѣсу обошли татаръ и снова разсѣяли ихъ ружейнымъ огнемъ.

Такъ дружина Ермака одержала еще нѣсколько побѣдъ надъ многотысячными скопищами татаръ и другихъ

инородцевъ, вооруженныхъ стрѣлами и копьями. Наконецъ она достигла р. Иртыша и овладѣла столицей Кучума Искеромъ.

Отсюда Ермакъ отправилъ посольство въ Москву съ дарами и письмомъ къ Царю Ивану Васильевичу. „Бѣдные опальные люди“,— писалъ онъ Царю, — „шли на смерть и присоединили къ Россіи великую державу во имя Христа и Великаго Государя; теперь казаки ждутъ указа и воеводъ, чтобы сдать имъ царство Сибирское, а сами готовы умереть хоть на плахъ, какъ ему, Государю, будетъ угодно“.

Но когда послы съ атаманомъ Кольцо прибыли въ Москву, Царь не только простилъ казакамъ всѣ вины ихъ прежней вольности, которыя они искупили своею кровью, но еще пожаловалъ Ермаку титулъ князя Сибирскаго и послалъ ему въ даръ два дорогихъ панцыря, серебряный ковшъ, да съ плечъ своихъ шубу.

Сознавая невозможность побѣдить Ермака въ открытомъ бою, Кучумъ началъ искать случая заманить его въ засаду, что и удалось ему исполнить. Онъ распустилъ слухъ, что татары задержали купеческій караванъ, шедшій къ Ермаку съ подарками. Чтобы провести купцовъ въ Искеръ, Ермакъ съ частью казаковъ пустился на лодкахъ по Иртышу, но, проѣздивъ весь день, никого не встрѣтилъ. На ночь казаки вышли на берегъ и расположились въ шатрахъ. Въ эту роковую для нихъ ночь поднялся сильный вѣтеръ съ проливнымъ дождемъ. Казаки, утомленные дневной работой съ веслами, крѣпко заснули. Но въ эту бурю не спалъ ихъ чуткій врагъ. Татары скрытно подобрались къ шатрамъ и всѣхъ сонныхъ дружинниковъ перерѣзали. Остался въ живыхъ только одинъ казакъ, который и принесъ печальную вѣсть въ Искеръ.

При видѣ страшной рѣзни, Ермакъ было бросился въ во-

ду, но неистово бушевавшій Иртышъ не далъ ему добратъ-ся до лодокъ и онъ утонулъ въ ночь на 5 августа 1584 г. ³⁾

Память о безвременно погибшемъ атаманѣ Ермакѣ Тимофеевичѣ, до сихъ поръ жива въ населеніи Сибири, а у казаковъ Ермака Тимофеева полка онъ воспѣва-ется въ ихъ любимой пѣснѣ:

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молніи летали;
Безпрерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали....
Кто славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали средь дубравы.
«О, спите, спите», мнилъ герой,
«Друзья, подъ бурей ревущей!
«Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
«На славу, иль на смерть зовущій!

«Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ

«И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;

«Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ

«И силу ратниковъ удвоитъ.

«Кто жизни не щадилъ своей

«Въ разбояхъ, злато добывая,

«Тотъ думать будетъ-ли о ней,

«За Русь святую погибая?

«Своей и вражеѣй кровью смывъ

«Всѣ преступленія буйной жизни,

«И за побѣды заслуживъ

«Благословенія отчизны—

«Намъ смерть не можетъ быть страшна,
«Свое мы дѣло совершили:
«Сибирь царю покорена
«И мы не праздно въ мѣрѣ жили!»

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ,
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.
Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молніи летали;
Безпрерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ берегахъ;
Вздымались съдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ
Бія о брегъ казачьи чѣлны.
Съ вождемъ покой въ объятіяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала.

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный;
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ—
И окровавилась долина,
И пала, грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ меча дружина...

Ермакъ воспрянулъ ото сна
И гибель зря, стремится въ волны;
Душа отвагою полна,
Но далеко отъ берега чѣлны!
Иртышъ волнуется сильнѣй...
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ—

И мощною рукой своей
Валы съдые разсѣкаетъ...
Плыветъ... ужъ близко чёлнока—
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.

Послѣ смерти Ермака, казаки подъ начальствомъ атамана Мещарика, оставили Искеръ. Только въ слѣдующемъ году они, вмѣстѣ съ войсками, высланными изъ Москвы, довершили завоеваніе Сибири и съ тѣхъ поръ началось заселеніе этой обширной страны, которая теперь привлекаетъ къ себѣ вниманіе всего свѣта.

Высочайшее повелѣніе о наименованіи 1 полка Сибирскаго войска полкомъ Ермака Тимофеева было получено въ Кульджѣ 15 декабря 1882 года. Здѣсь полкъ находился въ составѣ отряда, сформированнаго по случаю передачи китайцамъ Кульджинскаго края, временно занятаго нами въ 1871 году.

На другой день послѣ молебна и парада, всѣ офицеры отряда и казаки собрались въ обширномъ баракѣ одной изъ сотенъ. Какъ когда-то Ермакъ неразлученъ былъ со своей славной дружиной, ѣлъ и пилъ съ ней изъ одного котла, такъ и въ этотъ достопамятный день для полка, офицеры и казаки были вмѣстѣ. Это была одна братски дружная семья, ежеминутно готовая постоять за честь и славу Россіи и ея Верховнаго Вождя.

Когда начались здравицы за Царя, Царицу и Наслѣдника—Августѣйшаго атамана казаковъ, одинъ изъ сотенныхъ запѣвалъ выдвинулся впередъ и звучнымъ баритономъ запѣлъ:

Выпьемъ первый бокаль
За здоровье Царя!
Онъ, родимый, удалъ
И свѣтлѣй, чѣмъ заря.
Ура! Ура! Ура!

А второй-то бокаль
За хозяйку его,
Чтобы Богъ ниспослалъ
Ей на счастье всего.

Ура! Ура! Ура!

А ужъ третій бокаль
За сынка молодца,
Чтобы росъ, да мужалъ
Цѣлый вѣкъ безъ конца.

Ура! Ура! Ура!

А четвертый бокаль
Наливай черезъ край,
Будемъ пить до конца
За родимый нашъ край.

Ура! Ура! Ура!

Эта пѣсня, подхваченная офицерами и казаками, каждый разъ вызывала потрясающее „ура“ въ честь того, кого величалъ запѣвало.

Въ томъ же году Березовскіе казаки, потомки сподвижниковъ Ермака, подарили Сибирскому войску знамя, принадлежавшее дружинѣ покорителя Сибири, которое они, какъ святыню, хранили въ своемъ храмѣ въ гор. Березовѣ.

Это знамя, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Св. Димитрія Солунскаго и на другой—Михаила Архангела, теперь находится въ г. Омскѣ. въ Войсковомъ Никольскомъ соборѣ. ³⁾

Въ 1903 году Императоръ Николай II, при особой Высочайшей грамотѣ, пожаловалъ войску Войсковое Георгіевское знамя съ орденской Александровской лентой и съ надписью: *„Доблестному Сибирскому кавачьему войску, за отличную боевыми подвигами ознаменованную службу“*, съ означеніемъ на знамени годовъ „1582—1903“.

Этой Высочайшей грамотой была признана трехвѣковая вѣрная служба казаковъ Сибирскаго войска своимъ Государямъ и Отечеству. 4)

Прибивка Войскового Георгіевскаго знамени состоялась 14 іюня 1906 года во дворцѣ Войскового Наказнаго Атамана, въ присутствіи наличныхъ войсковыхъ чиновъ и выборщиковъ отъ всѣхъ станицъ Войска, съѣхавшихся въ г. Омскѣ для выбора перваго депутата въ Государственную Думу отъ Сибирскаго казачьяго войска.

На другой день, послѣ торжественнаго архіерейскаго богослуженія въ Войсковомъ Никольскомъ соборѣ, знамя было освящено на площади передъ соборомъ и передъ фронтомъ войсковыхъ частей. Въ церемоніалѣ принимали участіе: войсковой атаманъ, предсѣдатель съ чинами войскового правленія, начальникъ штаба съ адъютантами казачьяго отдѣленія, атаманы отдѣловъ, выборщики депутата въ Государственную Думу, хоръ войсковыхъ музыкантовъ, 5 и 6 сотни № 3 Сибирскаго казачьяго полка, двѣ казачьихъ пулеметныхъ команды 1 и 2 отдѣловъ, полусотня молодыхъ казаковъ и полусотня льготныхъ 2 отдѣла, команда нестроевыхъ казаковъ, кадеты Сибирскаго корпуса и по взводу отъ всѣхъ пѣхотныхъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ частей, находившихся въ гор. Омскѣ. Сюда же были вынесены: знамя дружины Ермака, наличныя знамена льготныхъ полковъ и древнее знамя царей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей, принадлежавшее первымъ Сибирскимъ казакамъ.

Освященное знамя войсковой атаманъ вручилъ предсѣдателю войскового правленія, генералъ маіору Катанаеву, а послѣдній знаменщику—кавалеру всѣхъ степеней знаковъ отличія военнаго ордена, вахмистру 2 отдѣла Лебяженской станицы Георгію Сергѣеву, участни-

ку Русско-Японской войны, въ которой онъ заслужилъ эти боевыя отличія.

Послѣ прочтенія генераломъ Катанаевымъ грамоты о пожалованіи войску Георгіевскаго знамени, оно было обнесено по фронту всѣхъ частей, участвовавшихъ въ парадѣ; его сопровождали Войсковой Наказный Атаманъ и старшіе представители войска.

На этомъ же торжествѣ Войсковой Наказный Атаманъ объявилъ новую милость Государя Императора, оказанную Сибирскому казачьему войску пожалованіемъ, грамоты *на укрѣпленіе въ вѣчное владѣніе земель, находящихся съ безспорномъ владѣніи войска.* ⁵⁾

Эта грамота была лично передана Государемъ Императоромъ депутаціи отъ войска, представлявшей Его Величеству въ Новомъ Петергофѣ, въ составѣ Войскового Наказнаго Атамана, генераль-лейтенанта Надарова, генераль-маіора Катанаева и войскового старшины Ефтина.

Въ тотъ же день по телеграфу было донесено Государю Императору о вѣрноподданническихъ чувствахъ казаковъ Сибирскаго войска, выраженныхъ по случаю освященія Войскового Георгіевскаго знамени и пожалованія войску грамоты на закрѣпленіе за нимъ его земель. На это Всеподданнѣйшее донесеніе, Войсковой Наказной Атаманъ удостоенъ былъ слѣдующимъ отвѣтомъ Его Величества: *„Сердечно тронутъ чувствами одушевляющими Сибирскихъ казаковъ и благодарю отъ имени Атамана и семьи моей за ихъ молитвы. Твердо вѣрю, что доблестное Сибирское казачье войско и впредь будетъ преданно и самоотверженно служить по призыву предковъ Престолу и великой Родинѣ.“* «Николай».

II.

Образованіе пограничныхъ линій и станицъ.

Когда послѣ смерти Ермака, уцѣлѣвшіе сподвижники его съ атаманомъ Мещарякомъ оставили Искеръ и спустились внизъ по Иртышу, къ нимъ подошла подмога, высланная изъ Москвы, подъ начальствомъ воеводы Мансурова; съ ней они зазимовали въ *Обскомъ* городкѣ.

Весной къ Мансурову еще подошелъ небольшой отрядъ. Эти соединенныя силы снова овладѣли Искеромъ и неподалеку отъ него въ 1587 году заложили *Тобольскій* городокъ и *Тюменскій* острожекъ. Затѣмъ въ 1593 году они основали *Березовскій*, *Сургутскій* и *Пелымскій* острожки; въ 1594 году — *Тарскій*; въ 1596 году — *Нарымскій* и *Канскій*; въ 1600 году — *Мангазейскій* и *Туринскій* и въ 1604 году — *Томскій* городокъ.

Во всѣхъ этихъ городкахъ и острожкахъ осѣли казаки, сподвижники Ермака и разныхъ наименованій служилые люди, большая часть которыхъ, вмѣстѣ съ казаками, были переименованы въ „*городовыхъ казаковъ*“, по названіямъ тѣхъ городовъ и острожковъ, въ которыхъ они были поселены. Такъ казаки Тобольскаго городка именовались „*Тобольскими городовыми казаками*“; Березовскаго острожка — „*Березовскими городовыми казаками*“ и т. д.¹⁾

Въ началѣ XVIII вѣка на югѣ нынѣшнихъ Семипалатинской и Акмолинской областей, появились калмыки, а затѣмъ и киргизы. Эти послѣдніе начали быстро подаваться на сѣверъ, гдѣ тогда только что зарождались русскія поселенія у возведенныхъ городковъ. Чтобы оградить ихъ отъ набѣговъ этихъ смѣлыхъ и хищныхъ набѣдниковъ, были выдвинуты впередъ отряды городовыхъ казаковъ, которые образовали новую линію ост-

рожковъ по рѣкамъ Ишиму, Иртышу и Тоболу. Здѣсь быи заложены: *Чернолучій, Усть-Тарскій, Абацкій, Иковскій, Утяцкій, Царево-городище* и др. острожки, гдѣ теперъ большія села Тобольской губерніи и города Ишимъ и Курганъ. Эта дугообразная линія укрѣпленій получила названіе *Ишимской*. ²⁾

Въ началѣ-же XVIII вѣка Великій Преобразователь Россіи, Императоръ Петръ I, повелѣлъ снарядить экспедицію въ верховья рѣки Иртыша. Этимъ путемъ онъ предполагалъ завязать торговыя сношенія съ Китаемъ и проникнуть въ Индію, которая особенно привлекала его вниманіе своими огромными богатствами. Для изслѣдованія верховьевъ Иртыша былъ сформированъ отрядъ въ 3000 человекъ служилыхъ людей и казаковъ, которые, въ 1715 году, выступили изъ Тобольска на 32 досчанникахъ и 27 лодкахъ, подъ начальствомъ подполковника Бухгольца. Этотъ отрядъ, дойдя до Ямышевскихъ озеръ, построилъ на Иртышѣ Ямышевскую крѣпость, которая скоро была осаждена 10,000 джунгаръ калмакыи. Потерявъ много людей отъ повальныхъ болѣзней, убитыми и взятыми въ плѣнъ, Бухголецъ вынужденъ былъ скрыть укрѣпленія и отступить къ устью рѣки Оми; здѣсь, въ 1716 году, онъ заложилъ *Омскую* крѣпость, теперъ областной городъ съ пригородной станицей и резиденціей Войскового Наказнаго Атамана Сибирскаго войска. ³⁾

Въ Омской крѣпости отрядъ былъ усиленъ казаками изъ Тары, Тобольска и Тюмени. Въ слѣдующемъ году отрядъ снова направился вверхъ по Иртышу, гдѣ заложилъ *Жельзинскую* крѣпость и возобновилъ *Ямышевскую*. Въ 1718 году онъ построилъ *Семипалатинскую*, а въ 1819 году— *Устькаменогорскую* и *Долонскую* крѣпости. ⁴⁾ Все это теперъ станицы, а Семипалатинскъ и Устькаменогорскъ города съ пригородными станицами.

Спустя нѣкоторое время были заложены укрѣпленія на *Колывано-Кузнецкой* теперь *Бійской* линіи, которая прикрывала русскія поселенія со стороны Алтая.

Въ то же время признано было необходимымъ спрyamить и выдвинуть впередъ Ишимскую линію. Здѣсь въ 1752 году заложены крѣпости: *Петропавловская, Покровская, Николаевская, Лебяжья, Полуденная, Становая, Пръсновская и Пръсногорьковская*. Эта новая линія, примыкая къ укрѣпленіямъ Оренбургскаго казачьяго войска, получила названіе *Пръсногорьковской*. ⁵⁾ Такое названіе ей дано отъ множества прѣсныхъ и горько-соленыхъ озеръ въ этой мѣстности.

Названіе „крѣпость“ тогда означало простое поселеніе, огороженное бревенчатымъ частоколомъ съ канавой, обнесенной рогатками. Только въ послѣдствіи эти поселенія стали обносить насыпями и окапывать рвами, слѣды которыхъ до сихъ поръ сохранились во многихъ мѣстахъ.

Для связи крѣпостей, на всѣхъ линіяхъ были возведены редуты, форпосты, маяки и станцы, которые также обносились рвами и насыпями.

Всѣ эти укрѣпленія занимали служилые люди разныхъ наименованій и городовые казаки „годовальщики“, т. е. выходившіе на линію на годовую службу. ⁶⁾

Съ половины XVIII вѣка въ Сибирь начали прибывать изъ Россіи пѣхотные и драгунскіе полки, казаки съ Дона и Урала, башкиры и мещаряки. Эти казачьи и инородческія команды высылались на линію тоже на годовую службу, а затѣмъ замѣнялись новыми.

Тогда-же у всѣхъ крѣпостей, редутовъ и форпостовъ были образованы слободы, въ которыхъ селились казачьи семьи, отставные нижніе чины и „выписные казаки“. Эти послѣдніе назначались изъ крестьянъ по выбору своихъ обществъ и командировались на пограничную линію для несенія службы вмѣстѣ съ городо-

ми казаками, часть которыхъ, съ этого-же времени, стала именоваться „крѣпостными“ 7)

Кромѣ крестьянъ въ казаки зачислялись боярскія и солдатскія дѣти, служилые и „гулящіе“ люди, татары, ссыльные съ Дона и Урала, плѣнные поляки, литовцы, нѣмцы и французы. Въ 1619 году зачислены въ пѣшіе казаки 40 запорожскихъ черкасъ, а въ 1770 году—137 запорожцевъ изъ партіи знаменитыхъ Желѣзняка и Гонты, захваченныхъ въ Польшѣ, гдѣ они, во имя православной вѣры и русскаго народа, безпощадно истребляли все, что имъ понадалось на глаза. Эти послѣдніе запорожцы были поселены преимущественно на Прѣсногорьковской линіи 8). Они до сихъ поръ вспоминаются у казаковъ малороссовъ въ извѣстной пѣснѣ:

Ой на гори да женци жнуть,
А по пидь горою,
По пидь зеленою,
Козаки йдуть.

Гей! Козаки йдуть.
По переду Дорошенко
Веде свое войско,
Веде Запоризске
Хорошенько.

Гей! Хорошенько.
По середины панъ хорунжіи,
Пидь нымъ коныченько,
Пидь нымъ вороненькій
Сильно дужій.

Гей! сильно дужій.
А позаду Сагайдачный,
Що проминявъ жинку
На тютюнь, та люльку
Необачный.

Гей! Необачный.

Мыни зъ жинкою не возыться,
А тютюнь, та люлька
Козаку въ дорози
Знадобиться!

Гей! Знадобиться!

Въ 1808 году утверждены первые штаты и положеніе о *Сибирскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ*, въ составъ котораго входили всѣ городовые, крѣпостные и выписные казаки, находившіеся на Прѣсногорьковской, Иртышской и Бійской линіяхъ. Во главѣ Войска поставленъ Войсковой Атаманъ ⁹⁾. Первымъ войсковымъ атаманомъ, былъ атаманъ Желѣзенской крѣпости Анцыферовъ. ¹⁰⁾

Тогда же драгунскіе и пѣхотные полки, находившіеся на линіи въ крѣпостяхъ, были выведены въ Европейскую Россію и съ этого времени Сибирское линейное казачье войско, оставаясь единственной кавалеріей въ Сибири, является вмѣстѣ съ тѣмъ главной силой въ рукахъ правительства для расширенія и закрѣпленія нашихъ владѣній въ киргизской степи. ¹¹⁾

Первое положеніе объ управленіи киргизами утверждено въ 1822 году; на основаніи его была образована Омская область. Она дѣлилась на внутренніе и внѣшніе округа; къ внутреннимъ округамъ принадлежали ближайшія къ пограничнымъ линіямъ киргизскія волости, которыя входили въ составъ Петропавловскаго, Омскаго, Семипалатинскаго и Устькаменогорскаго округовъ. Внѣшніе округа причислялись къ области по мѣрѣ открытія ихъ.

Это положеніе съ большой торжественностью было объявлено киргизамъ 13-ю небольшими казачьими отрядами, выступившими ранней весной 1824 года съ Прѣсногорьковской и Иртышской линій.

Въ томъ же году были открыты *Кокчетавскій* и *Кар-*

каралинскій внѣшніе округа, гдѣ теперь города и пригородныя станицы тѣхъ-же названій. Ихъ zaloжили казачьи отряды, высланные изъ крѣпости Петропавловской и форпоста Семіярскаго.

Въ 1830 году казачьи отряды, высланные изъ крѣпостей Петропавловской, Николаевской и форпоста Коряковскаго, открыли еще три внѣшнихъ округа, гдѣ теперь городъ съ пригородной станицей *Акмолинскъ* и станицы *Котуркульская* и *Баянаульская*. Форпостъ-же Коряковскій переименованъ въ станицу и городъ *Павлодаръ*.

Затѣмъ были открыты Кокпектинскій и Аягузскій округа, теперь *Кокпектинская* станица Сибирскаго войска и станица и городъ *Сергіополь* Семирѣченскаго войска.

Въ 1846 году казачьи отряды съ Прѣсногорьковской линіи zaloжили *Атбасарскую* и *Улутавскую* станицы; казаки этой послѣдней переселились въ верховья рѣки Джабайки и въ 1861 году образовали *Сандыктавскую* станицу. Тогда-же упразднена Улутавская. ¹²⁾

Въ томъ же году вышло новое положеніе о Сибирскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ. Этимъ положеніемъ войсковыя земли раздѣлены на 9 полковыхъ округовъ и въ составъ Войска зачислены 42 крестьянскихъ деревни, примыкавшія къ Прѣсногорьковской линіи, со стороны Тобольской губерніи и на Бійской линіи.

Въ 1847 году заложено укрѣпленіе *Капаль*, теперь станица и городъ Семирѣченскаго войска.

Въ слѣдующемъ году образованы *Зерендинская*, *Лобановская*, *Арыкбалыкская*, *Аканбурлукская* станицы и поселокъ *Щучинскій*, теперь переименованный въ станицу. ¹³⁾ Всѣ эти 11 большихъ поселеній заселены крестьянами изъ внутреннихъ губерній и казаками бывшаго малороссійскаго войска. Какъ въ эти станицы,

такъ въ деревни, причисленныя къ Войску въ 1846 году, были переведены съ Прѣсногорьковской линіи по нѣскольку урядниковъ и казаковъ для обученія крестьянъ строевой службѣ и казачьему обиходу.

Въ 1854 году заложено укрѣпленіе *Вѣрное*, гдѣ теперь областной городъ Семирѣченской области и пригородная *Алматинская* станица Семирѣченскаго войска.

Въ 1861 году издано положеніе о Сибирскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ, которое съ этого времени именуется „*Сибирскимъ казачьимъ войскомъ*“. Этимъ положеніемъ Войсковыя земли раздѣлены на 12 полковыхъ округовъ, а всѣ крѣпости, редуты, форпосты, маяки и деревни переименованы въ поселки, изъ которыхъ образованы *станции* и во главѣ ихъ поставлены станичные и поселковые атаманы.

Въ 1867 году образованъ Туркестантскій военный округъ изъ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областей. Въ составъ Семирѣченской области вошли 9-й и 10-й полковые округа съ городами Сергіополь, Капаль и Вѣрный, войсковое населеніе которыхъ послужило ядромъ для образованія „*Семирѣченскаго казачьяго войска*“.

Тогда-же упразднены Тобольскій и Томскій полковые округа, казаки которыхъ зачислены въ податное состояніе за исключеніемъ трехъ командъ Березовской, Сургутской и Нарымской. Эти послѣднія упразднены въ 1880 году.

Въ 1868 году въ верховьяхъ рѣки Иртыша и на рѣкѣ Джемени заложень *Зайсанскій постъ*, теперь городъ и станица того-же наименованія¹⁴⁾.

Такъ создавалось и развивалось Сибирское казачье войско, пока окончательно не осыло на нынѣ занимаемой имъ территоріи. Въ настоящее время Войсковыя земли тянутся узкой полосой отъ границы Орен

бургскаго войска до г. Омска на протяженіи 500 верстѣ. Отсюда онѣ поворачиваютъ къ юго-востоку и идутъ вверхъ по рѣкѣ Иртышу до впаденія въ него рѣки Нарымъ, въ 1100 верстахъ отъ г. Омска.

Бійская линія начинается отъ г. Устькаменогорска и тянется на 390 верстѣ. Тутъ-же идетъ боковая цѣпь казачьихъ поселеній по рѣкѣ Бухгармѣ, гдѣ раскинулась Алтайская станица, находящаяся въ 100 верстахъ отъ пограничнаго съ Китаемъ знака „Уланъ-Дабо“. Еще ближе къ Китаю, всего верстахъ въ 30 и 25 отъ озера Зайсана расположена Зайсанская станица.

Всѣ степныя станицы значительно удалены отъ Прѣсногорьковской и Иртышскій линій, этой главной сплошной полосы Войсковыхъ земель.

Общая площадь земель Сибирскаго казачьяго войска теперь достигаетъ 5 милліоновъ десятинъ, изъ которыхъ 2,926153 десятины находятся въ юртовыхъ надѣлахъ 176 казачьихъ поселеній, 593720 десятинъ въ потомственномъ владѣніи офицеровъ и чиновниковъ Войска взаменъ пенсій и до 1,480127 десятинъ въ Войсковомъ запасѣ.

Населеніе Войска состоитъ изъ 127150 душъ обоюго пола.¹⁵⁾

Въ 1869 году Войско раздѣлено на 4 военныхъ отдѣла, управленія которыхъ назначены: 1-го отдѣла въ станицѣ Кокчетавской, 2-го—въ городѣ Омскѣ, 3-го—въ городѣ Павлодарѣ и 4-го въ городѣ Устькаменогорскѣ. Черезъ 2 года 3-й отдѣлъ былъ упраздненъ, а 4-й преобразованъ въ 3-й. Во главѣ каждаго отдѣла поставленъ агаманъ отдѣла.¹⁶⁾

Станицы 1-го отдѣла, комплектующаго 1-й полкъ, чрезвычайно разбросаны. Станица Кокчетавская находится въ 180 верстахъ къ югу отъ города Петропавловска, съ которымъ она связана почтовымъ трактомъ

и телеграфомъ. Прѣсновская станица удалена отъ Кокчетавской на 310 верстъ, а крайній «Сибирскій» поселокъ Прѣсногорьковской станицы, которая граничитъ съ Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ, на 425 верстъ по почтовому тракту. Станицы Атбасарская и Акмолинская, связанныя также почтовымъ трактомъ и телеграфомъ съ Кокчетавомъ, находятся отъ него первая въ 180 и вторая въ 425 верстахъ. Остальныя 8 станицъ болѣе или менѣе сгруппированы, но и онѣ разбросаны по тремъ направлѣнιάмъ: Зерендинская и Сандыктавская находятся по Атбасарско-Акмолинскому тракту, первая въ 44, а вторая въ 80 верстахъ отъ Кокчетава. Западнѣе ихъ и внѣ почтоваго тракта расположены Лобановская, Арыкбалыкская и Аканбурлукская станицы; первая изъ нихъ удалена отъ Кокчетава на 70, а вторая на 110 и третья на 160 верстъ. Наконецъ на востокъ отъ Кокчетава и въ 70—80 верстахъ расположены Щучинская и Котуркульская станицы.

Мѣстоположеніе Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ представляетъ равнину со множествомъ горько-соленыхъ и прѣсныхъ озеръ. Грунтъ земли здѣсь черноземно-глинистый и мѣстами солонцеватый. Растительность состоитъ изъ рошъ березы, часто перемѣшанной съ осиною и тальникомъ. Сѣнокосы всюду по берегамъ озеръ и возлѣ лѣсовъ.

Станицы Атбасарская и Акмолинская находятся въ южной части степи, которая представляетъ скучную безлѣсную равнину съ солонцевато-глинистымъ грунтомъ.

Остальныя станицы разбросаны въ долинахъ горныхъ кряжей, густо покрытыхъ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ; всѣ онѣ хорошо орошены степными рѣчками и большими озерами съ прекрасной водой. Вся эта мѣстность пользуется отличнымъ горнымъ воздухомъ и чрезвычайно живописна.

Хороши особенно окрестности Имантава, Арыкбалыка, Якшіянгистава, Сандыктава, Зеренды, Котуркуля и Щучьяго. Эта послѣдняя станица широко раскинулась у юго-восточной оконечности Кокчетавскихъ горъ, возлѣ озера овальной формы, имѣющаго въ длину до 6½ верстѣ. Вода здѣсь превосходна и настолько чиста что на глубинѣ 15 аршинъ можно видѣть песчаное дно, усыпанное мелкимъ щебнемъ. Щучинское озеро окружено съ трехъ сторонъ горами, густо покрытыми сосновымъ лѣсомъ.

Верстахъ въ 10 отъ Щучьяго къ востоку, лежитъ не менѣ живописное озеро Котуркуль, гдѣ расположена станица того же названія. Озеро это также имѣетъ до 6 верстѣ длины и окружено сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. Но особую прелесть его составляетъ такъ называемая «релка». Она въ видѣ прямой панели, покрытой вѣковыми соснами, тянется версты на полторы поперекъ озера и раздѣляетъ его на двѣ неравныя части,

Въ 18 верстахъ отъ Котуркуля и въ такомъ же разстояніи отъ Щучьяго находится небольшое озеро Боровое, также окаймленное со всѣхъ сторонъ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. Сѣверный берегъ Борового примыкаетъ къ горамъ, гдѣ нагромождена громада скаль, въ щеляхъ которыхъ гнѣздятся кусты ивы, черемухи, боярочника, вишни, смородины, малины. На этомъ же берегу находятся красавица сопка Окъ-Джакпесъ, сопки, называемыя сахарной головой, коровой и наконецъ сопка, напоминающая птичью голову.

Боровское озеро шумнымъ протокомъ, сажень въ 300 длиною, вливается въ большое озеро Чебачинское. Это послѣднее лежитъ сажень на 6 ниже перваго и потому протокъ, подъ названіемъ рѣчки Громовой, представляетъ живописный водопадъ, по теченію котораго поставлено нѣсколько казачьихъ мельницъ. Здѣсь-же

на небольшой площадкѣ, окруженной хвойнымъ и листовеннымъ лѣсомъ, построено нѣсколько казачьихъ домиковъ, дачь и бараконъ.

Едва-ли во всей киргизской степи найдется такая живописная и богатая разнообразными дарами природы мѣстность, какую представляетъ Котуркуль—Щучье—Боровое. Въ этомъ небольшомъ участкѣ горные утесы-напоминающіе Кавказъ и Алтай, вошли въ чудное сочетаніе со стихіей водъ, въ видѣ крупныхъ и мелкихъ озеръ съ водою прозрачною, какъ кристалль. Поразительно чудную картину представляетъ это сочетаніе суши и воды лѣтомъ во время восхода солнца, когда переливы свѣта отражаются отъ поверхности голубыхъ водъ, а солнечные лучи разсыпаются въ радужные отливы въ кварцевыхъ кристаллахъ гранита, изъ котораго сложены баррикады береговыхъ скалъ. Съ любого холма можно видѣть то необъятныя степныя пространства, то роскошныя нивы лучшихъ пшениць, то зеркальную поверхность чудныхъ озеръ, то окутанныя густой сѣверной хвоей гранитныя горы. Воздухъ чистъ и ароматиченъ, дышется легко, во всю грудь. Въ полдень камни нагрѣты какъ раскаленная печь, а рядомъ озера даютъ освѣжающую влагу, поэтому растительность здѣсь отличается сочностью и свѣжестью.

Котуркуль—Щучье—Боровое давно извѣстны какъ превосходные курорты. Сюда съѣзжаются на лѣто пользоваться превосходнымъ воздухомъ и кумысомъ, который здѣсь, благодаря прекраснымъ пастбищамъ, отличается высокими качествами.

Такъ поэтически и правдиво описываетъ этотъ уголокъ степи, одинъ изъ первыхъ ея изслѣдователей, И. Я. Словцовъ.

III.

Служба и воинская повинность.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ всѣ военно-служащіе въ Сибири вообще именовались „служилыми людьми“. Они подраздѣлялись на дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, служилыхъ татаръ и городскихъ казаковъ разныхъ наименованій. Казаки дѣлились на *пѣшихъ* и *конныхъ*. Ермакъ и его дружинники всѣ были пѣшими; но необходимость погони за коннымъ непріателемъ, скоро заставила большинство казаковъ окончиться. Кромѣ того они именовались по роду относимой ими службы; такъ „пушкарями“ назывались тѣ, которые служили при пушкахъ; „затинщиками“ и „воротниками“,—которые наблюдали за исправностью и охраною острожныхъ и крѣпостныхъ воротъ, тына и насыпей. Въ каждомъ городкѣ и острожкѣ были свои конные и пѣшіе казаки, свои пушкари, затинщики и воротники; были и „стружники“ для управленія рѣчными судами и „лыжники“ для зимнихъ развѣдокъ.

Всѣ казаки служили до глубокой старости. Это видно изъ челобитной бывшихъ сподвижниковъ Ермака поселенныхъ въ Тобольскѣ, подъ названіемъ казаковъ „старой сотни“. Они жаловались Царю Михаилу Ѳедоровичу на назначеніе къ нимъ начальникомъ боярскаго сына, вмѣсто бывшаго у нихъ «въ атаманахъ» казака Гаврилы Ильина. „Служили мы,—писалось въ челобитной,—въ Сибири, въ Тобольскѣ отъ Ермакова взятія лѣтъ по 40 и по 50 съ атаманами, а не съ головами“.... Далѣе ходатайствовалось о назначеніи къ нимъ атамана. Эта челобитная была уважена оставленіемъ «въ атаманахъ» Гаврилы Ильина. Другая челобитная была подана Тюменскимъ коннымъ казакомъ Гаврилой Ивановымъ, на которую послѣдовалъ указъ Царя Михаила Ѳедоровича

отъ 27-го февраля 1623 г. „Служилъ онъ, Ивановъ, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу, и Царю Ѳедору Ивановичу, и Царю Борису Ѳедоровичу, и Царю Василію Ивановичу, и Намъ, Великому Государю въ Сибири, 42 года, а прежде того служилъ онъ Намъ на полѣ 20 лѣтъ у Ермака въ станицѣ и съ иными атаманами“. Затѣмъ въ указѣ излагается, какъ Ивановъ съ Ермакомъ Сибирь взялъ и царя Кучума съ куреня сбилъ и что теперъ у конныхъ казаковъ нѣтъ атамана. Царь и эту просьбу уважилъ, назначивъ Гаврилу Иванова атаманомъ Тюменскихъ конныхъ казаковъ. ¹⁾

Много лишеній и боевыхъ тревогъ пришлось вынести сподвижникамъ Ермака при заложении первыхъ укрѣпленій въ снѣжныхъ и лѣсныхъ тундрахъ сѣверной Сибири, а затѣмъ въ столкновеніяхъ съ многочисленнымъ непріателемъ. Березовскіе казаки два мѣсяца отсиживались въ своемъ острожкѣ отъ окружившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ инородцевъ; казаки Томскаго городка, въ 1609 году, отбили осаду татаръ, вогуловъ и остяковъ, а Пелымскіе отстояли свой острожекъ отъ поджога, при нападеніи остяковъ; Тобольскій и Тарскій городки не разъ были въ большой опасности.

Въ началѣ XVIII вѣка казаки столкнулись съ калмаками и киргизами, которые появились у вновь образованныхъ Ишимской, Иртышской и Колывано-Кузнецкой, нынѣ Бійской линій. Набѣги киргизъ иногда простирались до Тюменскаго городка, гдѣ тогда только что зарождались русскія поселенія. Въ этой борьбѣ казаки несли большія потери, какъ на линіи укрѣпленій, такъ и въ степи, при преслѣдованіи грабительскихъ партій. Въ одной изъ такихъ погонь погибъ казачій отрядъ Шульгина въ 300 человекъ, преслѣдовавшій киргизъ, послѣ ихъ набѣга на Туруханскій острогъ. Въ то время киргизы не были тѣми мирными кочевниками, какими

мы ихъ видимъ теперь; ихъ главное ремесло состояло въ разбоѣ, грабежѣ и захватѣ плѣнныхъ, которыхъ они продавали въ Ташкентъ, Бухару и Хиву. ²⁾

Столкновеніе казаковъ съ калмыками, какъ уже извѣстно изъ предыдущей главы, происходило при заложеніи крѣпостей въ верховьяхъ рѣки Иртыша.

Въ цѣляхъ наилучшей охраны пограничныхъ линій, часть городовыхъ казаковъ, расположенныхъ на линіи, была обращена въ драгунъ и нѣкоторые изъ казацкихъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ и пятидесятниковъ переименованы въ полковники, маіоры, капитаны, сержанты и капралы.

Эти новоявленные драгуны съ казаками, находившимися на пограничныхъ линіяхъ, принимали участіе въ усмиреніи башкиръ въ предѣлахъ нынѣшнихъ Оренбургской и Уфимской губерній и въ подавленіи Пугачевского бунта, охватившаго крестьянскія селенія сѣверо-западной Сибири.

Съ успѣхомъ охраняя пограничную линію, казаки не разъ пускались и въ дальнія развѣдки, не безопасныя въ то время отъ постоянно рыскавшихъ по степи грабительскихъ партій татаръ, калмыковъ и киргизъ. Къ числу такихъ смѣлыхъ „доѣздовъ“ относится поискъ казака Петлина, который въ 1618 году пробрался черезъ пустыню Гоби во внутренній Китай. Въ 1694 году казаки Скибинъ и Трошинъ проѣхали степью въ городъ Туркестанъ, побывали въ Бухарѣ и Хивѣ, заглянули на Уралъ и Волгу и затѣмъ, черезъ Уфу, вернуться въ Tobольскъ. Какъ Петлинъ, такъ Скибинъ и Трошинъ доставили описанія своихъ развѣдокъ. Эти записки, особенно Петлина, до настоящаго времени представляютъ глубокій интересъ. Такихъ поисковъ со стороны казаковъ было нѣсколько и въ послѣдствіи³⁾.

Съ водвореніемъ казаковъ на Прѣсногорьковской

линии, начались болѣе подробныя изысканія въ киргизской степи. Съ этой цѣлью, въ 1815 году выступилъ изъ крѣпости Прѣсногорьковской командиръ 1-го полка полковникъ Набоковъ съ 150 казаками. За время пятимѣсячной развѣдки, онъ осмотрѣлъ живописныя мѣстности Аиртава, Имантава, Якшіянгистава, Сандыктава, Зеренды и даже побывалъ на рѣкѣ Нурѣ и въ Улутаевскихъ горахъ.⁴⁾

По положенію 1808 года Сибирское линейное казачье войско выставляло 10 конныхъ полковъ пятисотеннаго состава и двѣ конно-артиллерійскихъ роты по 12 орудій въ каждой.

Въ томъ же году всѣмъ 10 полкамъ были пожалованы знамена при рескриптѣ Императора Александра I.⁵⁾ Съ этими знаменами теперь служатъ первоочередные и льготные полки.

Въ 1823 году полки сведены въ 4 бригады, причемъ 1-й и 2-й полки, имѣя полковья штабъ квартиры въ крѣпостяхъ Прѣсногорьковской и Прѣсновской, составляли 1-ю бригаду.

На основаніи этого положенія всѣ казаки жили по домамъ; они призывались на службу съ 17-ти лѣтняго возраста и оставались въ строю „доколь въ силахъ“; въ отставку увольнялись только за старостью и совершенной неспособностью къ службѣ. Въ казаки могъ каждый приписаться, но выходить изъ войска ни кто не имѣлъ права.

Не легка была служба въ тѣ времена: охраняя линію укрупленій отъ набѣговъ киргизъ, казаки обрабатывали казенныя пашни, заготовляли сѣно для строевыхъ лошадей и возили дрова, содержали почтовую гоньбу, развозили письма и посылки по редутамъ и форпостамъ, наряжались на работы по сооруженію и исправленію крѣпостей и содержали развѣзды по линіи.

Часы служебныхъ занятій строго распредѣлялись; если казаки не ходили въ отряды, то обыкновенно съ 1-го апрѣля и до появленія подножнаго корма они обучались ружейнымъ приемамъ, рубкѣ, фланкировкѣ пикой, маршировкѣ, шереножному и взводымъ пѣшимъ и коннымъ ученьямъ. Около 25-го апрѣля лошади выпускались на траву, а казаки шли на казенныя пашни. Въ началѣ іюня они собирались въ лагерь, гдѣ оставались до 15-го іюля въ составѣ полка. Возвращаясь обратно въ дома и снова выпуская лошадей на траву, казаки выходили на покось. Въ августѣ они дѣлились на партіи: одни продолжали заготовлять сѣно, другіе убирали хлѣбъ съ казенныхъ пашенъ, а третьи приготавливали поля подъ посѣвы на будущій годъ.

Съ 15-го сентября начиналась молотьба хлѣба и только въ концѣ октября часть казаковъ отпускалась для своихъ домашнихъ работъ. Затѣмъ съ 1-го февраля снова начинались строевыя занятія⁶⁾.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ казаки посѣщали часовни и церкви, а послѣ богослуженія собирались для слушанія чтеній изъ воинскихъ и уголовныхъ уставовъ. Малолѣтки, обучавшіеся въ школахъ молитвамъ, грамотѣ и ариѳметикѣ, обязательно выводились на строевыя занятія, для чего въ каждой школѣ были деревянныя ружья, такія же шашки и укороченныя пики.

Такъ все способное къ труду населеніе было на службѣ или у служебнаго дѣла, а для домашнихъ работъ оставались только престарѣлые казаки, да женщины съ дѣтьми.

Но несмотря на всѣ трудности службы, Сибирскіе линейные казаки отличались замѣчательной способностью легко переносить труды и лишения. Въ 1808 году генералъ Глазенапъ, которому было подчинено Сибирское

войско, доносилъ въ сенатъ: „Люди въ Войскѣ превосходятны; честность, доброта, вѣрность своему долгу вмѣстѣ съ казачьей удаleyю и расторопностью сохранились неприкосновенно отъ первобытныхъ временъ. Семейная жизнь казаковъ со стороны нравственной стоитъ на высокой степени“. Спустя 20 лѣтъ, генераль-губернаторъ Западной Сибири, князь Горчаковъ писалъ военному министру: „Отдавая должную справедливость вообще воинскому духу и выправкѣ казаковъ, взрослыхъ такъ сказать съ оружіемъ въ рукахъ, любясь найденною между ними подчиненностью, готовностью къ перенесенію трудовъ и образованностью урядниковъ и многихъ казаковъ, я долженъ сознаться, что нынѣ это Войско составляетъ въ Сибири истинную силу правительства“⁷⁾.

Къ этому періоду службы линейныхъ казаковъ относится пѣсня, распространенная въ Сибирскомъ войскѣ:

Рано утромъ весной
На редуть крѣпостной
Разъ поднялся пушкарь посѣдѣлый.
Брякнулъ сабли кольцомъ,
Дернулъ сивымъ усомъ
И раздулъ свой фитиль догорѣлый.
Онъ у пушки стоитъ,
Самъ на крѣпость глядитъ
Сквозь прозрачныя волны тумана.
Вдругъ мелькнулъ бѣлый флагъ
У высокихъ палатъ
Удальца, молодца атамана.
И съ веселымъ лицомъ,
Осѣнившись крестомъ
Онъ надъ мѣдною пушкой склонился.
Свѣтъ изъ пушки струей...
Дымъ разлился волной
И по крѣпости гулъ прокатился.

Чу! съ редуга палятъ!
Знать сбираться велятъ?
Кзаки казакамъ закричали.
Сабли вмигъ на ремень,
Кивера на бекрень,—
И на площадь бѣгомъ побѣжали.
«Что ребята, палятъ?
«Не видно-ль супостать?
«Не въ походъ-ли идти заставляють?»
«Наши сабли остры,
«Наши кони лихи,
«Наши ружья въ мишень попадаютъ.
Нашъ начальникъ отецъ,
Атаманъ молодець
Поведетъ насъ своей головою.
Съ нимъ и въ зиму весна,
Съ нимъ и смерть намъ красна,—
Кзаки межъ собой говорили».
«Тише!... стройся въ ряды!
«Онъ поѣхалъ сюды!»
Кзакамъ такъ хорунжій вѣщаетъ.
Какъ сибирскій буранъ
Прискакалъ атаманъ,
А за нимъ есаулы лихіе.
Онъ на бѣломъ конѣ,
Карабинъ на спинѣ,
Въ торокахъ пистолеты двойные.
На немъ каска съ перомъ,
Грудь горитъ серебромъ,
Закаленная сабля булата.
Онъ коня осадилъ,
Черный усъ закрутилъ
И сказалъ всѣмъ: «здорово ребята!»

•Завтра солнце въ восходъ,
•Собирайтесь въ походъ
•У степныхъ дикарей жечь аулы.
    «И на эту орду
    «Я васъ самъ поведу,
    «А за мною пойдутъ есаулы».
Вдругъ — „Ура! Атаманы!“
Пронеслось по рядамъ
И казацкая кровь закипѣла ...

.....

.....

Въ XVIII вѣкѣ одежда казаковъ состояла изъ длинныхъ кафтановъ произвольныхъ матерій, широкихъ шароваръ, заправленныхъ въ сапоги и высокихъ папахъ съ остроконечнымъ верхомъ, преимущественно краснаго цвѣта. Вооруженіе было крайне разнообразно: одни имѣли фитильныя и кремневая ружья, а другіе пистолеты съ шашкой или дротикомъ⁸).

Первые образцы форменнаго обмундированія и снаряженія казаковъ Сибирскаго войска утверждены въ 1808 году. Ихъ лично одобрилъ Императоръ Александръ I, при представленіи ему въ Петербургѣ урядника и казака, обмундированныхъ и снаряженныхъ по этимъ образцамъ. Казаки имѣли мундиръ темносиняго сукна на крючкахъ съ красными суконными погонами, и темносиняго-же сукна длинные рейтузы съ красными лампасами и кожанными крагами до колѣнъ. Киверъ лакированной кожи съ помпономъ изъ бѣлой шерсти. Лядунка на 24 патрона. Сапоги короткіе съ желѣзными шпорами. Сѣдло кавалерійскаго образца съ суконнымъ вальтрапомъ и съ желѣзнымъ мундштукомъ. Вооруженіе состояло изъ сабли въ желѣзныхъ ножнахъ, кремневыхъ пистолета и карабина и пики съ флюгеромъ. Офицеры имѣли такой-же мундиръ съ эполетами, но изъ тонкаго сукна

и рейтузы безъ крагъ. Они были вооружены саблей и пистолетомъ.

Въ 1829 году киверъ замѣненъ мерлушчатой шапкой съ помпономъ и краснымъ суконнымъ верхомъ, который, въ видѣ лопасти, спускался на правую сторону. Мундиръ—курткой на крючкахъ⁹⁾.

Въ 1846 году вышло новое положеніе, по которому Войско выставляло 9 конныхъ полковъ шестисотеннаго состава, конно-артиллерійскую бригаду, резервныя при полкахъ команды и команду войсковыхъ мастеровыхъ.

Всѣ полки оставались въ составѣ 4-хъ же бригадъ, причемъ штабъ-квартира 1-го полка перенесена въ крѣпость Прѣсновскую.

Этимъ положеніемъ на Войско возлагалось: охранять пограничную линію на всемъ протяженіи войсковой территоріи; содержать таможенную стражу на рубежѣ киргизской степи; защищать внѣшніе округа отъ набѣговъ киргизъ; содержать въ степи посты и составлять резервы; выставлять отряды на Томскіе пріиски для полицейскаго порядка; комплектовать жандармскія команды Западно-Сибирскаго округа; заселять вновь учреждаемыя линіи и выходить на службу, куда назначено будетъ.

Тогда же срокъ службы въ полкахъ былъ сокращенъ до 20-ти лѣтъ, послѣ чего казаки перечислялись на 10 лѣтъ въ резервъ.

Служба резервныхъ казаковъ состояла въ томъ, что они помогали строевымъ на работахъ, заготовляли сѣно для почтовыхъ лошадей, отправляли почтовую и земскую гоньбу на линіи и въ степи по пикетамъ; содержали караулы въ крѣпостяхъ, исправляли дороги и производили всѣ войсковыя хозяйственныя работы.

Этимъ же положеніемъ объявлены нѣкоторыя измѣненія въ обмундированіи и снаряженіи казаковъ: куртка замѣнена чекменемъ съ шароварами безъ крагъ и изъ

темнозеленаго сукна; лядунка—патронтажемъ; сабля—шашкой въ деревянныхъ, обтянутыхъ кожей ножнахъ; карабинъ—драгунскимъ кремневымъ ружьемъ безъ штыка и пика безъ флюгера. Сѣдло казачьяго образца¹⁰).

Въ 1861 году число выставляемыхъ Войскомъ частей было увеличено, но служба казаковъ значительно облегчена. По положенію этого года Войско выставляло: 12 шестисотенныхъ конныхъ полковъ, 3 пѣшихъ полубаталіона со стрѣлковыми полуротами, конно-артиллерійскую бригаду и команду войсковыхъ мастеровыхъ.

Тогда же штабъ-квартира 1-го полка перенесена въ станицу Кочетавскую.

Этимъ положеніемъ отмѣнялась постоянная служба казаковъ по станицамъ и оставалась только по нарядамъ; отмѣнены были и наряды резервныхъ казаковъ на разнаго рода работы въ войсковыхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ. Съ этого же времени Сибирскіе казаки начали пользоваться періодическими льготами для своихъ домашнихъ работъ; льготы состояли въ томъ, что за время 20 лѣтняго пребыванія въ строевомъ составѣ, казаки должны были выходить на службу на 2 года послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ своихъ домахъ¹¹).

Нужно замѣтить, что съ 1808 по 1861 годъ всѣ казаки строевого состава имѣли обмундированіе, снаряженіе и строевыхъ лошадей отъ Войска и получали провіантскіе пайки за время нахождения въ своихъ домахъ. Съ предоставленіемъ же льготъ, ихъ лишили этихъ пайковъ и обязали выходить на службу съ собственнымъ обмундированіемъ, снаряженіемъ и на своихъ лошадяхъ.

Постоянная служба на полномъ снаряженіи и съ отпускомъ провіанта за время пребыванія въ домахъ, въ первое время, не могла не отразиться на трудовой правоспособности большинства казаковъ, когда они полу-

чили желанную льготу, для веденія своихъ домашнихъ дѣлъ. Ихъ небольшое хозяйство тогда состояло, главнымъ образомъ, въ степномъ коневодствѣ и скотоводствѣ, мало требующемъ личнаго труда. Земледѣлія они не признавали и относились къ нему съ полнымъ пренебреженіемъ, какъ не къ казачьему дѣлу, хотя много лѣтъ обрабатывали казенныя пашни. Но и въ степномъ хозяйствѣ не повезло казакамъ: частые падежи лошадей отъ Сибирской язвы, а рогатаго скота отъ чумы, окончательно подорвали ихъ благосостояніе. Казаки зажили хуже, чѣмъ жили при постоянной и поголовной службѣ.

Все это неблагопріятно отражалось и на службѣ казаковъ. Собственное обмундированіе и снаряженіе ихъ не отличалось исправностью; казаки часто одинъ другому передавали заношенные мундиры, шинели и старыя сѣдла, а собственныя лошади у большинства станичниковъ были ниже всякой посредственности. Такъ это шло около 15 лѣтъ.

Въ 1871 году вышло новое положеніе, на основаніи котораго Войско выставляло въ военное время 9, а въ мирное 3 шестисотенныхъ конныхъ полка, учебную сотню въ городѣ Омскѣ, 30 казаковъ Л.-гв. въ конногренадерскомъ полку и нѣсколько командъ для полицейской службы въ городахъ и на золотыхъ приискахъ Алтайскаго горнаго округа¹²⁾.

Этимъ положеніемъ, вмѣсто прежней поголовной службы, установленъ *полевой разрядъ* въ 8200 человекъ. Всѣ малолѣтки, съ 19-лѣтняго возраста, призывались на службу и кому выпадалъ жребій служить, зачислялись въ полевой разрядъ на 15 лѣтъ и затѣмъ на 7 лѣтъ въ разрядъ *внутренно-служащихъ*. Малолѣтки, оставшіеся сверхъ комплекта, освобождались отъ службы и перечислялись въ *неслужильный разрядъ*, платя за это

Войску въ продолженіи 22 лѣтъ по 10 рублей ежегодно. Казаки полевого разряда должны были выходить на службу также на 2 года послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ своихъ домахъ¹³⁾.

Но всѣ эти періодическія льготы, благодаря отдаленному расположенію отрядовъ отъ линіи, сокращали пребываніе казаковъ въ своихъ домахъ иногда до 2¹/₂ лѣтъ.

Такъ это было въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, когда казаки Прѣсногорьковской линіи и изъ степныхъ станицъ направлялись на службу въ Туркестанъ черезъ города: Петропавловскъ, Омскъ, Семипалатинскъ, Сергіополь, Капаль, Вѣрный, Аулиеата, Чимкентъ, Ташкентъ, а иногда и далѣе до Самарканда. Этимъ же путемъ, около 3000 верстъ, по грунтовымъ дорогамъ, они возвращались и обратно со службы.

Тогда же бывали случаи, что казаки задерживались на лишній годъ службы въ отрядахъ, между тѣмъ какъ очередные, не ожидая прибытія смѣнныхъ, ранней весной выступали изъ Войска. Въ это время станицы пустѣли; во многихъ домахъ оставались одни старики или семьи безъ мужа, да казаки 1-й очереди—все не работники: старики отъ старости, жены—отъ непосильнаго для женщинъ труда, а очередные казаки—отъ крѣпкой неотвязчивой думы: на что снарядиться къ отряду, какъ прокормить за время отлучки семью.

Но нужно отдать справедливость нашимъ казачкамъ: онѣ хорошо управлялись съ хозяйствомъ; ихъ дѣти всегда были сыты, одѣты однимъ попеченіемъ матери; нищенства нѣтъ среди казаковъ. Управляя всѣмъ домомъ, казачки нерѣдко исполняли и повинности службы; какъ напр. верхомъ отвозили „летучки“ въ сосѣднія станицы или за ямщика управляли земскими парами.

Въ 1880 году издано нынѣ дѣйствующее положеніе, на основаніи котораго Войско выставляетъ 9 шести-сотенныхъ конныхъ полковъ и 3 запасныхъ сотни. Полки 1-й, 4-й, 7-й и 1-я запасная сотня формируются изъ населенія 1-го отдѣла; полки 2-й, 5-й, 8-й и 2-я запасная сотня—изъ населенія 2-го отдѣла и полки 3-й, 6-й, 9-й и 3-я запасная сотня—3-мъ отдѣломъ.

Полки 1-й, 2-й и 3-й на службѣ постоянно, причемъ первые два сведены въ бригаду, которая именуется: „*Западно-Сибирской казачьей бригадой*“.

Остальные полки и запасныя сотни находятся на льготѣ; они призываются на службу каждыи разъ по особому Высочайшему повелѣнію. Въ военное время изъ 4, 7, 5 и 8 полковъ формируется отдѣльная „*Сибирская казачья дивизія*“, причемъ первые два полка составляютъ 1-ю, а вторые—2-ю бригаду.

Сибирская казачья дивизія впервые была сформирована въ 1900 году по случаю осложненій на Дальнемъ Востока, когда китайцы осадили г. Благовѣщенскъ и завладѣли линіей Манчжурской желѣзной дороги, тогда только что строившейся. Дивизія подъ командой генералъ-маіора Симонова, прибыла въ Забайкальскую область въ половинѣ августа и была направлена въ Маньчжурію. Уже головной 5-й полкъ подходилъ къ рѣкѣ Сунгари, а штабъ дивизіи находился у города Цицикара, какъ послѣдовало распоряженіе, за прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, дивизіи вернуться обратно.

Вторично дивизія была мобилизована въ 1904 году, одновременно съ объявленіемъ Русско-Японской войны. На этотъ разъ она приняла участіе почти во всѣхъ главнѣйшихъ дѣлахъ этой трудной кампаніи, разыгравшейся на поляхъ далекой Маньчжуріи. Начиная съ мелкихъ стычекъ у Вафаньяня, полки дивизіи подъ командой генералъ-лейтенанта Самсонова были въ слѣдую-

ющихъ бояхъ: подъ Вафангоу, Кайджоу и Дашичао, на рѣкѣ Тайцзыхэ, подъ Ляояномъ, при Янтаѣ, у Тумынцзы, на рѣкѣ Шахэ, на Тумынлинскомъ, Бейлингоузскомъ, Тхайгоузскомъ и Сыдалинскомъ перевалахъ и подъ Мукденомъ.

За эти бои, въ которыхъ много было проявлено геройскихъ подвиговъ, какъ г.г. офицерами, такъ и казаками, всѣмъ полкамъ дивизіи пожалованы *Георгіевскія знамена*, съ надписью: „*За отличіе въ войну съ Японіей 1904 и 1905 годовъ*“.

Провожая полки дивизіи на Дальній Востокъ, одна изъ Сибирскихъ казачекъ напутствовала ихъ слѣдующими словами:

Благословенъ вашъ путь далекій,
Герои наши, казаки!
Давно ужъ ждетъ васъ врагъ жестокій...
Труды вамъ будутъ велики.

Призвалъ васъ Государь Великій
Врага—разбойника сразить;
Его ночной поступокъ дикій
Своею кровью отомстить.

И вотъ всѣ жены, дѣти, ваши
Съ слезами провожаютъ васъ.
«Услышь, Творецъ, молитвы наши
И береги родныхъ для насъ!»

Нѣтъ, не прольется кровь родная:
Молитва къ Господу дойдетъ,
И слезка дѣтская, святая,
У Бога милости найдетъ.

Кто въ средней Азіи не знаетъ,
Какъ силенъ ловокъ, смѣлъ казакъ?
Какихъ враговъ онъ не пугаетъ,
Безъ всякихъ хитростныхъ атакъ!

Казачья «беззавѣтна храбрость»,—
Вошла въ пословицу у насъ.
Казачья сила, смѣтка, смѣлость,
Страшны, японцы, и для васъ!
Господь же будетъ имъ защитой,
Отъ пуль враговъ ихъ сохранить,
И съ брани, кровію залитой,
Ихъ невредимыхъ возвратить.

Въ этой войнѣ, въ рядахъ 4-го и 7-го полковъ, принимали участіе казаки 1-й очереди, которые, по возвращеніи дивизіи въ Войско, въ 1906 году были командированы на службу въ 1-й полкъ.

Въ этомъ же году сформированъ „Л.-гв. сводно-казачій полкъ“ въ составѣ: по одной сотнѣ отъ Уральскаго и Оренбургскаго казачьихъ войскъ, по полусотнѣ отъ Сибирскаго и Забайкальскаго, по взводу отъ Астраханскаго, Семирѣченскаго, Амурскаго и Уссурійскаго казачьихъ войскъ.

Полусотня казаковъ съ 4 офицерами отъ Сибирскаго войска, со взводомъ Семирѣченцевъ и взводомъ Астраханцевъ составляютъ 3 сотню этого 4-хъ сотеннаго полка, командовать которой опредѣлено есаулу Сибирскаго войска.

Первымъ командиромъ сводно-казачьяго полка назначенъ бывший командиръ Гвардейской Уральской сотни полковникъ Жигалинъ, а командиромъ 3-ей сотни войсковой старшина И. С. Евтинъ.

Выше приведенное положеніе 1880 года кореннымъ образомъ измѣнило службу казаковъ. Теперь служилый составъ Войска дѣлится на *три* разряда: *приготовительный*, срокъ нахождения въ которомъ 2 года; *строевой*—12 лѣтъ и *запасный*—5 лѣтъ, послѣ чего казаки увольняются въ отставку. Въ подготовительный разрядъ зачисляются всѣ малолѣтки съ 19-лѣтняго возраста и въ эти

2 года готовятъ необходимое для службы обмундированіе и снаряженіе, а также обучаются строю въ станицахъ и лагеряхъ; для чего собираются отъ 3 хъ до 5-ти разъ, всего на 8 недѣль. На 21 году казаки зачисляются въ строевой разрядъ и командированы на службу въ полки 1-й очереди. Прослуживъ въ нихъ 4 года, казаки возвращаются въ свои станицы и перечисляются въ полки 2-й, а черезъ слѣдующіе 4 года въ полки 3-й очереди. За время состоянія въ полкахъ 2-й и 3-й очередей, казаки призываются въ лагеря, первые на 3, а вторые на 1 сборъ и каждый разъ на 3 недѣли.

Казаки запаснаго разряда освобождаются отъ лагерныхъ сборовъ и призываются на пополненіе строевыхъ частей только при мобилизаціи льготныхъ полковъ.

При такомъ порядкѣ отбыванія воинской повинности, казаки въ мирное время возвращаются домой въ полномъ разцвѣтѣ силъ, вполне увѣренные, что на службу ихъ вызовутъ только въ исключительныхъ обстоятельствахъ и по особому Высочайшему повелѣнію.

IV.

Въ Киргизской степи и на Средне-Азіатской окраинѣ.

Съ образованіемъ въ 1824 году Кокчетавскаго и Каркалинскаго внѣшнихъ округовъ, началась высылка въ степь казачьихъ отрядовъ для защиты киргизъ, принявшихъ подданство Россіи, отъ набѣговъ ихъ же единоплеменниковъ, непризнававшихъ новаго порядка управленія степью.

Такіе отряды были высланы съ Ирѣсногорьковской линіи на урочища Аманъ-Қарагай, Учъ-Булакъ, Акмолы, Ақтавъ, на р. Куланъ-Утмесъ и съ Иртышской линіи въ горы Баянауль и на урочище Кара-Аксу.

Во главѣ недовольныхъ русскимъ управленіемъ находились султаны Валихановъ, Сараджанъ, Қасимовъ и Сарпай Ченгисовъ, которые не замедлили открыть враждебныя дѣйствія противъ высланныхъ въ степь казачьихъ отрядовъ.

Въ этой борьбѣ на долю казаковъ Сибирскаго войска выпала крайне трудная, но и почтенная роль умиротворенія степи и приведеніе въ подданство Россіи непокорныхъ киргизскихъ родовъ').

Изъ цѣлаго ряда поисковъ и стычекъ казаковъ съ киргизами и коканцами въ этомъ періодѣ, здѣсь будутъ кратко отмѣчены военныя дѣйствія только тѣхъ отрядовъ, казаки которыхъ высылались съ Ирѣсногорьковской линіи и впоследствии вошли въ составъ 1-го отдѣла, комплектующаго № 1-й Сибирскій казачій Ермака Тимофеева полкъ.

Къ наиболѣе смѣлымъ набѣгамъ надлежитъ отнести поискъ сотника Чирикова, небольшой отрядъ котораго въ 1826 году захватилъ мятежнаго султана Сарпая и доставилъ его въ Омскую крѣпость.

Въ 1832 году такой же отрядъ съ 1 коннымъ ору-

діемъ, подъ командой есаула Симонова, былъ высланъ съ р. Куланъ-Утмеса для развѣдки ауловъ султана Сарыджана. Подойдя къ верховьямъ рѣки Сырысу, казаки напали на слѣдъ этихъ ауловъ, но киргизы спѣшно откочевали на югъ, оставивъ на мѣстѣ до 4000 лошадей, 300 ворблюдовъ и до 40,000 барановъ. Отправивъ эту добычу къ отряду на Куланъ-Утмесь, Симоновъ направился дальше и на урочище Караджаръ встрѣтилъ небольшой отрядъ коканцевъ, построившихъ здѣсь укрѣпленіе. Послѣ незначительнаго сопротивленія коканцы сдались. Разрушивъ укрѣпленіе, отрядъ выступилъ внизъ по рѣкѣ Сырысу и въ 160 верстахъ отъ Караджара открылъ второе укрѣпленіе, возведенное коканцами на урочищѣ Дюртъ-Куланъ; овладѣвъ и этимъ укрѣпленіемъ, отрядъ двинулся къ рѣкѣ Белеуты, гдѣ, наконецъ, и настигъ мятежныя волости. Но и здѣсь киргизы уклонились отъ схватки съ казаками; они партіями разошлись по степи, оставивъ отряду 330 лошадей и 278 верблюдовъ²⁾.

Спустя 2 года коканцы и киргизы, въ числѣ 8000 человекъ, предводимые Сарыджаномъ, двинулись къ Улутавскимъ горамъ, гдѣ и заложили небольшое укрѣпленіе. Противъ этого скопища былъ сформированъ отрядъ изъ 850 казаковъ съ 6 конными орудіями и 2 ротами пѣхоты. Этотъ отрядъ, сформированный въ крѣпости Петропавловской, ускореннымъ маршемъ двинулся къ Улутаву, гдѣ, послѣ слабаго сопротивленія, взялъ укрѣпленіе, вмѣстѣ съ его гарнизономъ, но большая часть коканцевъ и киргизъ успѣла отступить за рѣку Чу.

Въ 1836 году султанъ Сарыджанъ былъ убитъ коканцами въ Ауліеатахъ. Ему на смѣну явился младшій братъ его, Кенисара Касимовъ, заклятый врагъ русскихъ. Возмущая киргизъ, онъ добивался образовать независимое ханство отъ Россіи и Кокана. Черезвычайно

смѣлый наѣздникъ, Кенисара скоро окружилъ себя отборными джигитами въ нѣсколько сотъ человѣкъ, съ которыми началъ производить набѣги, прежде всего на киргизъ, присягнувшихъ Россіи. Налетая какъ вихрь на аулы, онъ все истреблялъ, а слышавъ о приближеніи казачьихъ отрядовъ, съ такой же быстротой исчезалъ въ безпредѣльной степи. Этотъ пріемъ доставилъ ему среди всѣхъ киргизъ имя непобѣдимаго, и потому всѣ головорѣзы степи охотно шли подъ его знамена.

Первая встрѣча казаковъ съ Кенисарой произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ ноябрѣ 1827 года полусотня казаковъ, подъ командой хорунжаго Рытова, вышла изъ крѣпости Петропавловской сопровождать торговый караванъ, слѣдовавшій въ Ташкентъ. Пройдя верстъ 200 за Актавское укрѣпленіе, Рытовъ оставилъ часть обоза при 20 казакахъ. Этой оплошностью воспользовался Кенисара, — онъ налетѣлъ на обозъ и, послѣ отчаянной схватки, перерѣзалъ всѣхъ казаковъ.

На обратномъ пути Кенисара атаковалъ и Рытова. Три дня онъ отбивался отъ киргизъ, которые прикрываясь турами изъ хвороста, днемъ и ночью надвигались на казаковъ со всѣхъ сторонъ. Потерявъ своего командира убитымъ и сознавая безпомощность положенія, казаки рѣшились на послѣднюю отчаянную схватку. На свѣту 7-го декабря они бросились въ рукопашную съ такой стремительностью, что киргизы раздвинули свое кольцо. Въ это время вдаль показались скачущіе казаки Актавскаго отряда и остатки полусотни Рытова были спасены.

Въ этомъ трехдневномъ бою, кромѣ хорунжаго Рытова, были убиты 3 урядника, 1 казакъ и ранены 1 урядникъ и 21 казакъ. За это молодецкое дѣло Государь

Императоръ пожаловалъ полусотнѣ 7 знаковъ отличія военнаго ордена³).

Въ слѣдующемъ году Кенисара осадилъ Акмолинское укрѣпленіе, гдѣ находился небольшой казачій отрядъ подъ командой войскового старшины Чирикова. Всѣ натиски Кенисары были отражены казаками, но кенисаринцамъ удалось отогнать у нашихъ киргизъ до 12000 головъ скота. Въ это же время шайки Кенисары напали на Актавское укрѣпленіе но и здѣсь не имѣли успѣха; казаки отразили ихъ атаки и только потеряли, принадлежащій офицерамъ и казакамъ, небольшой табунъ лошадей и рогатаго скота, пасшійся вблизи укрѣпленія.

Чтобы предотвратить дальнѣйшіе успѣхи Кенисары, начали высылать въ степь болѣе сильныя отряды. Такъ ранней весной 1839 года, около крѣпости Петропавловской, былъ сформированъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Горскаго, въ составѣ 8 офицеровъ, 655 казаковъ, 2 конныхъ орудій и одной роты пѣхоты. Этотъ отрядъ выступилъ на урочище Джаргаинъ-Агачъ и на правомъ берегу р. Ишима, верстахъ въ 100 отъ нынѣшняго Атбасара, устроилъ опорный пунктъ.

Послѣ непродолжительнаго отдыха, Горскій выступилъ съ казаками въ направленіи рѣчекъ Тургай, гдѣ скоро открылъ кочевья мятежныхъ киргизъ и захватилъ у нихъ 2300 лошадей, 420 головъ рогатаго скота, до 200 верблюдовъ и до 10000 барановъ.

Вернувшись съ добычей въ Джаргаинъ, отрядъ вторично выступилъ въ томъ же направленіи и на этотъ разъ встрѣтился съ Кенисарой, во главѣ 5000 его приверженцевъ. Произошла жѣзкая схватка, во время которой кенисаринцы потеряли много убитыми и ранеными. Отсюда Горскій продвинулся къ Улутавскимъ горамъ, но, не найдя на своемъ пути мятежныхъ волостей,

повернулъ обратно. Между тѣмъ Кенисара бросился къ Джаргаину, гдѣ оставались рота пѣхоты и небольшая команда казаковъ. Здѣсь онъ отхватилъ казачьихъ вьючныхъ лошадей, пасшихся неподалеку отъ укрѣпленія и увлекъ за собой нѣсколько преданныхъ намъ ауловъ.

Горскій снова кинулся въ погоню и близъ озера Сабакты настигъ кенисаринцевъ, гдѣ они, послѣ стычки съ казаками, потеряли 300 кибитокъ и до 2000 головъ разнаго скота.

Съ этой добычей казаки вернулись въ Джаргаинъ, но получивъ свѣдѣнія, что мятежныя волости опять появились на рѣкѣ Каракингиръ, они сейчасъ же двинулись на встрѣчу имъ. На этотъ разъ кенисаринцы поспѣшили уйти въ голодную степь Бекъ-пакъ-дала, куда Горскій по недостатку продовольствія въ отрядѣ и сильному изнуренію лошадей не рѣшился идти. Въ этомъ 23 дневномъ набѣгѣ казаки прошли около 1000 верстъ, причемъ были переходы отъ 60 до 120 верстъ, преимущественно по ночамъ⁴).

Такой же набѣгъ сдѣлали казаки Джаргаинскаго отряда въ 1840 году подъ начальствомъ сотника Волкова, который, преслѣдуя мятежныя волости, углубился въ степь Бекъ-пакъ-дала и здѣсь нанесъ киргизамъ поражение.

Въ этомъ же году Кенисара съ партией въ 600 человекъ направился было къ Акмоламъ, но казаки подъ начальствомъ сотника Леденева, не только разсѣяли его партію, но еще захватили племянника Кенисары, султана Себекина.

Въ 1844 году аулы Кенисары снова прикочевали на Каракингиръ. Имъ на встрѣчу выступилъ отрядъ съ озера Кургальжина. Къ нему присоединились до 200 преданныхъ намъ киргизъ, которые, съ распущенными значками, шли впереди казаковъ. Подъ этой завѣсой ка-

заки ни свѣту подошли къ ауламъ кенисаринцевъ, которые приняли передовыхъ киргизъ за своихъ, но были страшно озадачены, когда открылась ружейная стрѣльба по кибиткамъ. Здѣсь бѣгство мятежниковъ было настолько поспѣшно, что даже юрты родственниковъ Кенисары съ его старшей женой и 23 женщинами остались на мѣстѣ.

Этимъ рядомъ поисковъ и набѣговъ, казаки отбили у мятежныхъ киргизъ множество скота и имущества и заставили Кенисару бѣжать въ Оренбургскую степь.

Отбитый скотъ раздавался вѣрноподаннымъ киргизамъ, которые подвергались набѣгамъ мятежниковъ и частью выдавался отряднымъ казакамъ, а остальной продавался. Въ одномъ 1839 году продано такого скота на 117000 рублей, которые пошли на пополненіе издержекъ казны, по снаряженію степныхъ экспедицій.

Всѣ эти поиски, набѣги и дѣла съ киргизами и коканцами, Высочайше повелѣно считать за кампанію⁵⁾.

Спустя нѣсколько лѣтъ казакамъ еще разъ представился случай имѣть дѣло съ коканцами на югѣ киргизской степи. Это происходило въ 1856 году, когда киргизы, кочевавшіе подъ Акмолами, по случаю глубокихъ снѣговъ и гололедицы, вынуждены были отойти въ долину рѣки Чу. Этимъ воспользовались туркестанскіе киргизы и, при помощи коканцевъ, угнали у нашихъ до 15000 скота.

Возвратить отбитый скотъ, было выслано два отряда изъ Актава и Караджара, подъ командой есаула Котыбаева и штабсъ-капитана Соловцева. Эти отряды, каждый въ составѣ 250 казаковъ при 2-хъ конныхъ орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ, 19 го августа прибыли на рѣку Чу. Дорогой къ нимъ присоединилось до 400 Акмолинскихъ киргизъ, которые пустились на поискъ въ Каратаевскія горы, гдѣ и отхватили у Турке-

станскихъ киргизъ болѣе 30000 головъ разнаго скота.

Между тѣмъ отряды, перейдя рѣку Чу, атаковали небольшое Коканское укрѣпленіе Савда-Кентъ и всѣхъ его защитниковъ истребили.

Когда эти вѣсти дошли до коканцевъ, они выслали конную партію въ 4000 человекъ, которые, на разсвѣтъ 6-го сентября, внезапно атаковали авангардъ отряда, уже перешедшаго рѣку Чу обратно. Поддержать авангардъ кишулся Соловцевъ съ нѣсколькими казаками, ѣхавшими съ нимъ въ сторонѣ отъ отряда, но всѣ они были изрублены коканцами, прежде чѣмъ успѣли оказать помощь авангарду. Въ этомъ дѣлѣ Котыбаевъ проявилъ много мужества и распорядительности; онъ не только разбилъ коканцевъ, но еще захватилъ у нихъ 7 маленькихъ пушекъ, 32 верблюда съ продовольствіемъ, 4 мѣдныхъ трубы, 10 значковъ и много ручного оружія. За это дѣло онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4 степени съ мечами и бантомъ, а казаки 6 знаками отличія военного ордена.

Съ неменьшимъ успѣхомъ дѣйствовали казачьи отряды, высланные съ Иртышской линіи въ предѣлахъ нынѣшнихъ Семипалатинской области, а затѣмъ въ сѣверной части Семирѣченской⁶⁾.

Съ занятіемъ Семирѣчья, казаки 1-го отдѣла и 1-го полка являются видными участниками почти всѣхъ средне-азиатскихъ войнъ, происходившихъ во второй половинѣ XIX вѣка. Они были одни изъ первыхъ колонизаторовъ вновь образованной Семирѣченской области. Когда же, въ 1863 году, былъ одобренъ планъ военныхъ дѣйствій для занятія городовъ Пишпека, Аулиеата и Чимкента, казаки Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ вошли въ составъ этого отряда, ввѣреннаго полковнику Черняеву. Они участвовали и при взятіи города Ташкента.

Въ 1871 году внезапно открылись военныя дѣйствія на границѣ съ Кульджинскимъ краемъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ дунгане и таранчи вырѣзали китайцевъ и образовали отдѣльное ханство.

Скоро Кульджинскій ханъ началъ производить набѣги въ предѣлы Семирѣченской области и задерживать русскихъ купцовъ. Это побудило генерала Кауфмана разрѣшить генералу Колпаковскому открыть военныя дѣйствія. Послѣдній быстро двинулся въ Кульджинскій край и въ нѣсколько дней разсѣялъ скопища таранчей и дунганъ подъ Кетменемъ, Алимту, Чинчиходзи и Суйдуномъ. Кульджа слалась безъ выстрѣла.

Въ этомъ, такъ называемомъ, „Кульджинскомъ походѣ 1871 г.“, принимала участіе сотня казаковъ 1-го отдѣла, сформированная изъ степныхъ станицъ. За боевыя подвиги она получила 6 знаковъ отличія военнаго ордена.

Этотъ походъ казаки вспоминаютъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Что вы, братцы, приуныли,
Нынче праздничный денекъ,
Насъ за пѣсни все хвалили
Соберемтея въ кружекъ.
Грянемъ пѣсню про былое,
Сердцу будетъ веселѣй,
Вспомнимъ время золотое
Какъ смирили таранчей.

Это дѣло такъ случилось:
Возлѣ насъ была Кульджа,
Она долго всѣмъ хвалилась,
Что побить ее нельзя.

Услыхалъ про эти вѣсти
Колпаковскій генералъ;
Онъ собралъ отрядъ весь вмѣстѣ
И повелъ на перевалъ.

Когда всѣ войска прибыли
На позицію Таджи,
Намъ молебень тамъ служили,—
Веселились казаки...

Тогда дѣло разыграли
Подъ мѣстечкомъ Алимты,—
Здѣсь мы лагерь штурмомъ взяли
И разбили всѣ толпы.

Въ первое время, по образованіи Туркестанскаго округа, казаки Сибирскаго войска туда выходили на службу въ составѣ отдѣльныхъ сотенъ, которыя по преимуществу располагались по фортамъ и укрѣпленіямъ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей. Здѣсь онѣ содержали гарнизонные караулы, сопровождали почту, войсковые транспорты, выставляли пикеты на почтовыхъ станціяхъ и конвоировали арестантовъ отъ одного города или укрѣпленія до другого. Все это поглощало такъ много казаковъ, что нѣкоторые сотенные командиры видѣли свои сотни въ сборѣ только два раза за всю двухлѣтнюю службу,—когда сотня съ похода вступала въ укрѣпленіе и когда она возвращалась обратно въ войско. Строевыя занятія не имѣли системы и велись урывками.

Такая служба тяжело отзывалась и на жизни офицеровъ. У нихъ не было ни библіотекъ, ни газетъ, за исключеніемъ „Русскаго Инвалида“, который обязательно выписывался въ сотняхъ, но и онъ получался одинъ—два раза въ недѣлю, черезъ 2—3 мѣсяца послѣ выхода въ свѣтъ. Единственнымъ развлеченіемъ офицерамъ служили ихъ взаимныя посѣщенія на вечерній чаекъ съ неизбѣжной закускочкой; здѣсь они дѣлились полученными извѣстіями съ родины, или разказами словоохотливаго проѣзжающаго о новостяхъ областного города. Его разказы повторялись, пока не наскучили, или не

появлялось новое лицо съ новыми вѣстями. Такъ, безъ дѣла и безъ общества, проводили время офицеры отдаленныхъ укрѣпленій Туркестана въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтїя. Но между казачьими офицерами находились и такіе, которые, испытавъ отрядную службу въ киргизской степи, часто говорили: «А въ Караджарѣ еще было хуже».

Совсѣмъ въ иныхъ условїяхъ находились казачьи сотни, входившія въ составъ „конныхъ резервовъ“, предназначенныхъ для боевыхъ цѣлей; эти сотни были постоянно въ сборѣ Въ Сыръ-Дарьинской области многимъ была памятна № 9 Сибирская сотня, не разъ бросавшаяся у Чиназа и Ходжента вплавь черезъ Сыръ-Дарью во время преслѣдованія грабительскихъ шаекъ, часто появлявшихся на линїи укрѣпленій. Этой сотней, сформированной изъ казаковъ Ирѣсновской и Ирѣсногорьковской станицъ, командовалъ М. Д. Скобелевъ въ числѣ штабсъ-ротмистра Л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка. Всегда верхомъ, и въ гости и на службу, онъ почти ежедневно выѣзжалъ со своей сотней на ученя или проѣздки и загѣмъ обязательно возвращался съ пѣснями. Вотъ одна изъ его любимыхъ пѣсенъ, которая была также любима и въ Ермака Тимофеева полку.

Не грусти моя родная
Въ черныхъ траурныхъ ножнахъ.
Скоро искрами сверкая,
Загорись ты въ рукахъ.
Тамъ за темной, синей далью,
Есть старинные враги.
Не скучай же ты печалью,
Жди, надѣйся и терпи.
И когда мгновенно грянетъ
Грохоть пушки боевой,
Православный Царь возстанетъ,

Гнѣвомъ праведнымъ грозой.
Послужи ему, родная,
И по вражьимъ головамъ,
Ты скачи, крутясь, сверкая,
Въ честь прошедшимъ временамъ.
За Царя, за Русь, за вѣру,
Силой, правдой послужи
И по старому примѣру,
Дерзкихъ грозно накажи.
Тогда серебромъ и златомъ
Я украшу рукоять.
А теперь, пока, родная
Спи, покойся, отдыхай
И, о будущемъ мечтая,
Славной брани ожидай!

Въ Хивинскомъ походѣ 1873 года.

На Хиву было нѣсколько походовъ. Первыми ходили уральцы; они около 1600 г. взяли Хиву, но на обратномъ пути почти всѣ погибли въ отчаянномъ бою съ хивинцами, которые преслѣдовали ихъ до Сыръ-Дарьи. Въ 1714 году Хиву занялъ отрядъ князя Бековича-Черкаскаго, но скоро весь былъ вырѣзанъ хивинцами. Въ 1839 году снова былъ высланъ отрядъ, подъ командой графа Перовскаго, но онъ не дошелъ до Хивы, потерявъ въ пути половину людей отъ страшныхъ лишеній.

Всѣ эти неудачи вселили въ хивинцахъ увѣренность, что они непобѣдимы и ихъ ханство недоступно для русскихъ и потому постоянно производили набѣги въ наши предѣлы и уводили въ плѣнъ много русскихъ людей.

Только въ 1873 году удалось побѣдить хивинцевъ. Тогда подъ Хиву было отправлено 4 отряда: по одному изъ Туркестана и Оренбурга и два съ Кавказа, подъ общей командой генерала фонъ-Кауфмана.

Хивинскій походъ не былъ блестящъ боевыми дѣлами; онъ представлялъ неимоверныя трудности, въ смыслѣ перенесенныхъ войсками лишеній отъ страшной жары, сыпучести грунта и недостатка воды, а на послѣднихъ переходахъ въ Кызылкумахъ и отъ недостатка продовольствія.

Съ войсками Туркестанскаго отряда выступили въ походъ 2 офицера и 70 казаковъ 3 Сибирской сотни, которая въ 1873 году вошла въ составъ 1 Сибирскаго полка. Эти казаки находились въ конвойной сотнѣ Кауфмана, въ конвоѣ начальника отряда Головачева и въ ракетной батарее, сформированной изъ 2-хъ Сибирскихъ, 2-хъ Оренбургскихъ и 4-хъ Уральскихъ станковъ. Офи-

церы: хорунжіиъ Симоновъ командовалъ Сибирскими станками, а хорунжіиъ Трошковъ находился въ прикомандированіи къ 3-й Уральской сотнѣ').

Въ полдень 1-го марта изъ Ташкента выступилъ 1-й эшелонъ, въ которомъ слѣдовала ракетная батарея. Весь городъ провожалъ войска; знакомые и незнакомые прощались съ офицерами, солдатами и казаками, какъ бы обрекая всѣхъ на смерть.

Не успѣлъ отрядъ вытянуться изъ города, какъ начался дождь, который превратилъ дорогу въ сплошную массу липкой грязи. Отрядный обозъ былъ исключительно выючный; тарантасы имѣлъ только Кауфманъ, но и онъ ни разу имъ не пользовался за все время похода. Для больныхъ и раненыхъ были устроены носилки, приспособленныя для выючки на верблюдовъ. Верблюды, еще не оправившіеся отъ скуднаго корма зимой, съ трудомъ выдерживали 8-ми пудовый грузъ, а растворившаяся глина отъ ежедневныхъ дождей, окончательно надрывала ихъ слабыя силы; они безпрестанно скользили и падали.

Къ 10-му марта Туркестанскій отрядъ сосредоточился у города Джузака въ числѣ 3500 человекъ. Отсюда 1-й эшелонъ, подъ начальствомъ начальника кавалеріи отряда подполковника Главацкаго, 13-го числа выступилъ вдоль Нуратинскихъ горъ. Не отошелъ эшелонъ и 10 верстъ, какъ начался холодный вѣтеръ съ дождемъ, а затѣмъ задула такая мятель, каковая на рѣдкость бываетъ въ этой мѣстности и зимой. Вначалѣ верблюды еще кое-какъ шли, а съ появленіемъ снѣжной метели, они окончательно стали. Казаки прибавили ходу и первыми прибыли на мѣсто ночлега. Здѣсь они нашли нѣсколько плохонькихъ киргизскихъ юртъ. Мятель помѣшала населенію выставить ихъ больше и заготовить для войскъ топливо и фуражъ. Казаки имѣли при себѣ суточную дачу яч-

меня для лошадей, чай, сухари и по куску жареной говядины. Все остальное: кухни, подстилочная кошма, палатки, осталось въ обозѣ. Чтобы сохранить здоровье людей, когда они всѣ промокли, а холодный вѣтеръ сковалъ ихъ шинели въ ледяную кору, офицеры все время заставляли казаковъ быть на ногахъ, для чего уставляли игры, борьбу.

Черезъ 2 дня эшелонъ выступилъ дальше и на третьемъ переходѣ получилъ свѣдѣнія, что на встрѣчу отряду идетъ партія хивинскихъ киргизъ подъ начальствомъ Садыка, сына знаменитаго султана Кенисары Касимова; и что эти киргизы имѣютъ цѣлью засыпать колодцы, по которымъ предстояло идти отряду. Чтобы помѣшать Садыку выполнить свое намѣреніе, Главацкій высланъ былъ впередъ съ 1 Уральской, 1 Оренбургской сотнями и ракетной батареей.

Отсюда начиналась песчаная Кызылкумская степь, покрытая жесткой полынью и колючкой; эти травы составляли единственный кормъ для верблюдовъ, а лошадямъ онѣ замѣняли сѣно и въ то же время служили топливомъ для варки пищи людямъ. Здѣсь дороги идутъ по колодцамъ въ большинствѣ съ горько-соленой водой, а мѣстами и съ тухло-сѣрнистымъ запахомъ. Только на Аякѣ, Аристанбелѣ, Манамджаслѣ и въ Халаата вода съ незначительной примѣсью солей. Глубина колодцевъ иногда доходила до 35 аршинъ, что очень затрудняло добываніе воды.

До Халаата, въ 700 верстахъ отъ Ташкента, войска прошли сравнительно безъ особыхъ лишеній и только убыль въ верблюдахъ, упальми, увеличивалась съ каждымъ днемъ. Жара настала съ Аристанбеля; отсюда же рѣзко измѣнился и характеръ мѣстности: начались бугристые пески, которые чрезвычайно затрудняли движеніе войскъ.

Отъ Аристанбеля до Халаата шли впереди всѣ 6 сотенъ съ ракетной батареей. Въ Халаата отрядъ сосредоточился для постройки укрѣпленія и необходимыхъ приготовленій къ выходу на Аму-Дарью, черезъ послѣдній 100—120 верстный участокъ Кызылкумской пустыни. Было извѣстно, что впереди имѣются колодцы Адамъ-Кырылганъ; ихъ расчистить, если окажутся засыпанными, были посланы, съ запасомъ воды, 2 роты съ 2 горными орудіями и полусотней казаковъ отъ конвойной сотни Кауфмана. Этотъ отрядъ выступилъ подъ вечеръ 27-го апрѣля, а въ 2 часа ночи были подняты по тревогѣ 3 сотни съ ракетной батареей. Ихъ вызвали по случаю нападенія туркменъ на высланную впередъ колонну, въ которой были ранены 2 штабъ-офицера, 4 казака и 1 джигитъ, неосторожно удалившіеся отъ отряда.

Въ 18 верстахъ отъ Халаата казаки нашли отрядъ, стоявшій на мѣстѣ. Отправивъ раненыхъ обратно и осмотрѣвъ окрестные барханы, Главацкій выступилъ къ Адамъ-Кырылгану. Здѣсь, въ 40 верстахъ отъ Халаата, онъ настигъ хивинцевъ, но послѣдніе быстро удалились въ пески.

Трудно представить что либо безотраднѣе той мѣстности, какая окружаетъ колодцы Адамъ-Кырылганъ. Это дѣйствительно «страна смерти», какъ назвалъ ее Вамбери. Онъ писалъ: „Пусть читатель вообразитъ себѣ необозримое море песку: съ одной стороны высокіе холмы, какъ волны, взбитыя на эту высоту страшными бурями; съ другой тѣ же волны, разбѣжавшіяся мелкой зыбью, точно тихое озеро рябитъ вѣтеръ. Въ воздухѣ ни птицы, на землѣ ни растенія, ни насѣкомаго, только мѣстами слѣды разрушенной, уничтоженной жизни въ видѣ бѣлѣющихъ костей людей и животныхъ... И надъ этимъ страшнымъ песчанымъ моремъ южное жгучее солнце ... Въ іюнѣ

и июль эта мѣстность еще ужаснѣе. Она не даромъ носитъ названіе «Адамъ-Кырылганъ», что означаетъ гибель человѣка²).

Здѣсь оказалось нѣсколько неглубокихъ, но многоводныхъ колодцевъ. Пока стрѣлки подходили, казаки успѣли выкормить и напоить лошадей. Въ ночь они вернулись въ Халаата.

30-го апрѣля выступили остальные войска къ Адамъ-Кырылгану, оставивъ въ укрѣпленіи небольшой гарнизонъ и всѣ казачьи согни съ ракетной батареей.

Дальнѣйшее движеніе отряда предполагалось сдѣлать въ такомъ порядкѣ: на Адамъ-Кырылганѣ забрать запасы воды, хорошо напоить животныхъ и затѣмъ въ одинъ переходъ съ нѣсколькими привалами перейти безводную пустыню. Казаки должны были выступить изъ Халаата съ такимъ расчетомъ, чтобы соединиться съ отрядомъ на послѣднемъ переходѣ къ Аму-Дарьѣ, гдѣ, по слухамъ, собрались хивинцы, чтобы не допустить русскихъ до воды.

Въ ночь на 2-е мая казаки выступили на Адамъ-Кырылганъ, куда прибыли рано утромъ. Хорошо выкормивъ и напоивъ лошадей, они въ тотъ же день подъ вечеръ направились дальше. Путь отъ колодцевъ становился все труднѣе и труднѣе; на каждой верстѣ приходилось переходить высокіе барханы песку. Между тѣмъ солнце быстро садилось и затѣмъ какъ-то сразу исчезло въ песчаныхъ холмахъ. Настала темная ночь, какія бываютъ только на югѣ и въ это время впереди блеснулъ огонекъ. Скоро огни показались яснѣе, ихъ стало больше и наконецъ совершенно неожиданно, верстахъ въ двадцати отъ Кырылгана, казаки настигли отрядъ, освѣщенный кострами съ разныхъ сторонъ. Здѣсь войска уничтожали все, что не могли поднять обезсиленные верблюды. Въ кострахъ пылали палатки, офицерскіе

мундиры, чемоданы даже, стеариновые свѣчи — все бросалось въ огонь, а что неподдавалось ему, ломалось и зарывалось въ песокъ. Но серьезнѣе всего было то, что запасы воды истощались; ее уже выдавали порціями, по нѣскольку чарокъ на человѣка.

При такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ казаки достигли отрядъ. Но еще болѣе печальную картину представлялъ бивакъ съ восходомъ солнца, когда жгучіе лучи его нестерпимо накаляли песокъ. Люди, томимыя жаждой, бродили какъ тѣни, а лошади положительно бросались на каждый боченокъ съ водой, проносимый около нихъ. Всюду виднѣлись потухающіе костры, разбросанные вьюки, между которыми лежали обезсиленные верблюды. Въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія; только по временамъ налетали страшной силы вихри, которые срывали на своемъ пути палатки, перевортывали походную утварь, а загѣмъ опять наступало то же затишье и тѣ же жгучіе лучи солнца безпощадно накаляли воздухъ.

Отсюда войска перешли на колодцы Алты-Кудукъ, отысканные джигитами въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дороги. Здѣсь оказалось 3 очень глубокихъ колодца, которые могли снабдить водой только людей. На этомъ основаніи всѣ лошади и верблюды были отправлены обратно на Адамъ-Кырылганъ подъ охраною казаковъ и нѣсколькихъ ротъ стрѣлковъ.

Въ тотъ же день у Кырылгана показались хивинцы; они было кинулись на верблюдовъ, выпущенныхъ на пастбища, но замѣтивъ прикрытіе, отошли. На свѣту 6-го мая они снова показались; это были всадники въ черныхъ мѣховыхъ шапкахъ, на рослыхъ лошадяхъ, которыя легко переносили ихъ съ одного бархана на другой. Тутъ же небольшими группами скакали киргизы Садыка на маленькихъ лошадакахъ.

На этотъ разъ туркмены съ обнаженными кривыми шашками и беспорядочной стрѣльбой изъ ружей, начали кидаться на стрѣлковъ, но дружные залпы берданокъ каждый разъ умѣряли ихъ пылъ. Большое впечатлѣніе на хивинцевъ произвели ракеты. Казаки на карьерѣ вынеслись впередъ и съ близкаго разстоянія выпустили нѣсколько ракетъ по толпѣ туркменъ, которые быстро разсыпались и начали уходить въ пески.

За 4 дня лошади и верблюды отдохнули; ихъ съ запасомъ воды въ боченкахъ и бурдюкахъ отправили на Алты-Кудукъ. На Кырылганѣ остались только казаки.

Часа въ четыре 9-го мая, когда нѣсколько схлынулъ полуденный жаръ, отрядъ снялся съ Алты-Кудука и потянулся къ дорогѣ, съ которой онъ свернулъ 4-го мая. На Алты-Кудукѣ остались 2 роты и всѣ тяжести, которые не могли быть подняты за недостаткомъ верблюдовъ. Въ этотъ день отрядъ прошелъ 18 верстъ. Хивинцы на показывались. На слѣдующій день дорога вѣзлась въ огромные барханы песку, гдѣ верблюды опять начали падать и потому костры запылали снова. Въ этотъ день жара доходила до 45° Р. Послѣ полуденнаго привала, отрядъ медленно двинулся впередъ. Такъ съ небольшими остановками онъ шелъ до 8 часовъ вечера, когда съ одного изъ бархановъ показались холмы Учъ-Учака, а затѣмъ и какъ бы отблескъ воды. Въ то же время на встрѣчу выѣхалъ хивинцы. Кауфманъ остановилъ отрядъ на ночлегъ. Хивинцы всю ночь стрѣляли по войскамъ, но совершенно безвредно.

На свѣту подошли казаки и отрядъ началъ выстраиваться. Верблюды были поставлены въ нѣсколько линій, одна отъ другой шагахъ въ 10-ти. Ихъ окружили войска со всѣхъ сторонъ. Въ этомъ строѣ отрядъ выступилъ съ бивака. Хивинцы сейчасъ же окружили войска; они съ дикимъ воемъ особенно насѣдали съ фронта и съ тыла,

гдѣ часто приходилось артиллеріи открывать огонь. Такъ съ небольшими остановками войска шли до 9 часовъ утра, когда, наконецъ, съ послѣдняго бархана открылась зеркальная поверхность озера Сардабакуля, окаймленная зеленымъ камышемъ. Что за чудную картину представляла эта зелень среди желтой, безпредѣльной полосы песку. При видѣ воды не только люди, даже верблюды и лошади прибавили ходу; войска шли, какъ на церемоніалѣ. Этотъ величаво грозный видъ отряда до того поразилъ хивинцевъ, что они прекратили свои атаки и начали спѣшно уходить къ Аму-Дарью. На высотахъ Учъ-Учака у нихъ были три пушки, изъ которыхъ они не сдѣлали ни одного выстрѣла. Здѣсь хивинцевъ было до 3500 чел.

У Сардабакуля командующій войсками остановилъ отрядъ, а казакамъ приказалъ преслѣдовать хивинцевъ и захватить ихъ переправу. Всѣ 6 сотенъ съ ракетной батареей пошли на рысяхъ и съ высотъ Учъ-Учака наконецъ увидѣли Аму-Дарью во всемъ ея величій; тутъ же на берегу рѣки былъ лагерь, оставленный хивинцами, которые бѣжали вдоль Аму-Дарьи и находились отъ казаковъ въ разстояніи 3—5 верстъ.

Преслѣдуя непріятеля, сотни настigli его хвостъ въ 20 верстахъ отъ Сардабакуля, причемъ часть хивинцевъ уже успѣла сѣсть въ большія лодки и отчалить отъ берега. Ракетная батарея открыла огонь; одинъ дивизионъ стрѣлялъ по лодкамъ, а другой—по толпѣ туркменъ захавшей казакамъ во флангъ. Ракеты навели такой страхъ на хивинцевъ, что многіе изъ сидѣвшихъ въ лодкахъ побросались въ воду, отъ чего одна изъ нихъ сѣла на мель по срединѣ рѣки. Конная толпа тоже скоро исчезла. Такъ 11-го мая Туркестанскія войска вышли «на вольную воду», какъ солдаты и казаки называли Аму-Дарью.

Спустя часа 2 подъехалъ генералъ Кауфманъ со свитой и своей конвойной сотней. Онъ приказалъ казакамъ достать лодку, сидѣвшую на мели. За это дѣло взялись 1 офицеръ, 10 уральцевъ и 1 Сибирскій урядникъ. Они вплавъ съ лошадьми направились къ лодкѣ и, къ общей радости, скоро привезли въ ней нѣсколько барановъ и одного быка, оставленныхъ хивинцами.

Уже нѣсколько дней войска не имѣли порціоннаго скота, а потому казаки питались мясомъ изнуренныхъ походомъ вьючныхъ лошадей. Эта жесткая конина не давала навару и похлебка имѣла отвратительный видъ и вкусъ. За то теперь за кускомъ вкусной баранины и чайниками чая, завареннаго «на вольной водѣ», казаки говорили безъ умолку и, не смотря на бессонную ночь и утомительный 80-верстный переходъ песками, они долго не ложились спать.

Въ полдень 14-го мая отрядъ остановился противъ города Хазараспа, расположеннаго на другой сторонѣ Аму-Дарьи и въ 2-хъ верстахъ отъ нея. Отсюда казаки были высланы въ городъ Шураханъ; черезъ три дня они вернулись съ большими запасами продовольствія. За это время, послѣ дневнаго артиллерійскаго боя между отрядомъ и хивинцами у переправы, большая часть нашихъ войскъ, въ понтонахъ и хивинскихъ лодкахъ, успѣла переправиться на лѣвый берегъ Аму-Дарьи и овладѣть городомъ Хазараспомъ. Въ этихъ дѣлахъ участвовали казаки конвойной сотни Кауфмана и конвоя Головачева.

Отсюда Туркестанскій отрядъ перешелъ къ Хивѣ и вмѣстѣ съ Оренбургскимъ и однимъ Кавказскимъ отрядами, занялъ столицу ханства 29-го мая. Другой Кавказскій отрядъ вернулся обратно, не доходя нѣсколькихъ переходовъ до Хивы, гдѣ онъ встрѣтилъ страшную безводную пустыню при 50° Р. жары³).

До іюля отряды стояли подъ стѣнами Хивы, куда ежедневно приходили хивинцы для взноса контрибуціи, наложенной на нихъ командующимъ войскамъ. Являлись и туркмены, но только съ просьбой внести деньги въ болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ имъ былъ назначенъ. Чтобы настоять на уплатѣ денегъ, Кауфманъ выслалъ въ кочевья туркменъ подъ начальствомъ Головачева 8 ротъ, 10 орудій, 8 сотенъ и 8 ракетныхъ станковъ. Здѣсь съ казаками Туркестанскаго отряда находились сотня Сунженскаго и сотня Дагестанскаго полковъ изъ Кавказскаго отряда.

Головачевъ выступилъ 8-го іюля и остановился у города Хазавата, гдѣ выяснилось, что туркмены рѣшили дать отпоръ отряду. Всѣ ихъ попутныя сакли были пусты; при домахъ оставлены только запасы хлѣба въ скирдахъ. Начальникъ отряда приказалъ жечь хлѣбъ и сакли. Въ нѣсколько минутъ пламя охватило весь горизонтъ.

Такъ, предавая огню все, что встрѣчалось на пути, казаки подъ вечеръ 10-го числа настигли партію туркменъ, уходившую въ пески. Эти туркмены были загнаны въ болото, гдѣ ихъ обстрѣливала ракетная батарея, а сотни атаковали обозъ. Здѣсь казаки забрали до 3000 головъ скота.

Въ полдень 13-го іюля отрядъ подошелъ къ городу Ильялы, населеніе котораго состояло изъ мирныхъ хивинцевъ. Лишь только войска расположились на бивакѣ, партія туркменъ налетѣла на нашъ сторожевой постъ и изрубила 5 казаковъ съ офицеромъ. Въ это же время большая толпа туркменъ покалась съ другой стороны лагеря, куда были высланы 2 роты и всѣ сотни съ ракетной батареей. Послѣ нѣсколькихъ залповъ изъ берданокъ и ракетъ, которыя превосходно рикошетировали по гладкой солонцеватой прогалинѣ, туркмены отошли отъ лагеря.

Въ ночь на 15-е іюля Головачевъ рѣшилъ атаковать туркмень и съ этой цѣлью приказалъ устроить вагенбургъ изъ арбъ, въ которомъ должны были остаться тяжести отряда съ 2 ротами и 2 орудіями. Чтобы непріятель не замѣтилъ приготовленій къ выступленію, арбы начали свозить, когда стемнѣло. Выступление предполагалось въ часъ ночи, но въ 9 часовъ вечера раздались выстрѣлы въ сторожевой цѣпи. Въ отрядѣ ударили тревогу, по которой, на своихъ фасахъ, стрѣлки и казаки стали въ ружье, а артиллеристы и ракетчики у своихъ орудій и станковъ. Скоро данъ былъ отбой. Въ 12 часовъ снова раздались выстрѣлы и войска опять выстроились. На этотъ разъ секретеры доложили о появленіи туркмень на всѣхъ фасахъ бивака. Головачевъ отложилъ выступленіе до 3-хъ часовъ утра.

Въ назначенный часъ казаки съ ракетной батареей впереди вышли изъ лагеря и остановились въ 500 шагахъ отъ вагенбурга. Въ эту минуту, влѣво отъ ракетной батареи, раздался дикій вой. Командиръ батареи, Янушевъ, приказалъ дивизиону Янцина открыть огонь, но уже въ это время весь горизонтъ огласился неистовымъ гикомъ и топотомъ нѣсколькихъ тысячъ коней. Не подлежало сомнѣнію, что туркмены атакуютъ отрядъ, но за темнотою ночи ничего не было видно. Дивизионъ Нила Куропаткина развернулся нѣсколько вправо и ракетная батарея открыла огонь.

Всѣ старые туркестанцы свидѣтельствовали, что никогда еще въ средней Азіи туземцы не оказывали такого отчаяннаго сопротивленія. Здѣсь туркмены бились на жизнь и на смерть. Они въ числѣ 6000 конницы и 4000 пѣшихъ людей, которые сидѣли на крупахъ лошадей своихъ товарищей, со всѣхъ сторонъ бросились на отрядъ, причемъ пѣшіе люди, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего фронта, спрыгивали съ лошадей и вступали

въ рукопашный бой съ войсками. Было много туркменъ, которые въ одномъ бѣльѣ съ завязанными глазами и съ одними ножами бросились на войска.

Ракетная батарея понесла здѣсь большія потери отъ разрыва ракетъ на мѣстѣ, которыми были переранены казаки, управлявшіе станками. Всего разорвалось 5 станковъ*). Но и эта неудачная стрѣльба всетаки оказала огромную услугу войскамъ; она настолько задержала туркменъ, лошади которыхъ при каждомъ разрывѣ ракетъ становились на дыбы и не шли впередъ, что стрѣлки успѣли выбѣжать изъ лагера и прикрыть казаковъ, находившихся въ первый моментъ боя въ самомъ тяжеломъ положеніи. Съ одной стороны множество ямъ и арыковъ, у которыхъ стояли сотни, а съ другой—огромный численный перевѣсъ безумно храброй конницы непріятеля, застали казаковъ въ колоннѣ по три и они не имѣли возможности не только развернуться, но и въ порядкѣ спѣшиться.

Много туркменъ легло въ этомъ бою отъ убійственнаго огня стрѣлковъ и картечи артиллеріи, но и туркмены нанесли намъ большія потери; они ворвались въ средину отряда и здѣсь ранили шашками генерала Головачева, его начальника штаба Фрида, 4-хъ штабъ-офицеровъ и 1 штабъ-офицера изрубили. Въ этомъ бою мы потеряли до 50 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

На разсвѣтѣ туркмены были отбиты и отрядъ, славъ своихъ раненыхъ въ вагенбургъ, выступилъ по намѣченному маршруту. За Ильялами туркмены снова окружили отрядъ, но уже не такъ настойчиво насѣдали на войска. На слѣдующій день они не показывались.

На свѣту 17-го числа Головачевъ выслалъ казаковъ

---

*) Разрывы ракетъ въ станкахъ произошли отъ того, что запасный паркъ ихъ былъ изъ Хивы отправленъ на трясинхъ туземныхъ арбахъ, которыя разбились составъ ракетныхъ трубокъ. Такія ракеты были выданы въ батарею наканунѣ боя.

впередъ и въ сторону отъ взятаго отрядомъ направленія. Пройдя верстъ по холмистыми песками, казаки неожиданно увидѣли огромный туркменскій лагерь, на который сейчасъ же бросились въ шашки. Неожиданная атака до того ошеломила туркменъ, что они безъ всякаго сопротивленія побросали все свое имущество, даже женъ, дѣтей и поскакали въ пески. Казаки забрали здѣсь болѣе 3000 арбъ съ имуществомъ и до 12000 разнаго скота.

Этой атакой закончились военныя дѣйствія въ Хивинскомъ ханствѣ и туркмены изъявили полную покорность.

За боевыя отличія Сибирскіе казаки получили: въ ракетной батарее 6, въ конвойной сотнѣ Кауфмана 5 и въ конвоѣ Головачева 3 знака отличія военнаго ордена. Кромѣ того всѣ участники похода были пожалованы серебряными медалями на Георгіевско-Владимировской лентѣ съ надписью: „За Хивинскій походъ 1873 года“.)

Возвращаясь обратно, казаки уже шли съ пѣсней, составленной участникомъ похода, подполковникомъ Уральскаго войска А. П. Хорошкинымъ:

Мы давно сжились съ степями
И давно привыкли къ нимъ,
Передъ дикими ордами
Мы не въ первый разъ стоимъ.
Повелѣлъ намъ Царь Великій
Подъ Хиву идти въ походъ,
Раздались повсюду клики:
За Царя, за Русь, — впередъ!
Мы чрезъ горы въ непогоду
Припѣваючи прошли,
Слава русскому народу,
Дѣти русской мы земли.
Мы прошли всю степь, какъ море,
Сквозь песчаный ураганъ,

Тамъ онъ ходитъ на просторѣ,
Бьетъ съ бархана на барханъ.
Тамъ и пгицы не летаютъ,
Лишь песокъ летитъ столбомъ;
Но теперь за то всѣ знаютъ,
Какъ шелъ Кауфманъ молодцомъ.
Тамъ Бековичъ въ оны годы
И Перовскій ратовалъ,
Но забыты ихъ походы
И давно ихъ слѣдъ запалъ.
Слава намъ, хивинецъ дикій,
Ты предъ нами отступилъ;
Что задумалъ Петръ Великій,
Александръ то довершилъ.

VI.

Въ Сыръ-Дарьинской области.

Съ 1873 года казаки Сибирскаго войска снова начали служить въ составѣ полковъ.

На сформированіе 1-го полка были вызваны изъ станицъ 1-го отдѣла четыре сотни и къ нимъ присоединены двѣ, находившіяся на службѣ въ Туркестанскомъ округѣ съ 1872 года.

Такимъ образомъ черезъ 12 лѣтъ послѣ упраздненія полковыхъ округовъ, была возстановлена полковая организація въ Сибирскомъ войскѣ.

Командиромъ 1-го полка былъ назначенъ подполковникъ С. А. Елгаштинъ. По сформированіи четырехъ сотенъ и штаба полка въ станицѣ Қокчетавской, онъ съ ними выступилъ на Атбасаръ, Улутавъ, а затѣмъ по рѣкѣ Сарысу и черезъ Голодную степь Бекъ-пакъ-дала вышелъ на рѣку Чу, которую перешелъ у Бишкулана. Отсюда направился къ городу Сузаку, гдѣ перевалилъ Каратавскія горы и вышелъ на городъ Туркестанъ. Этотъ путь въ 1260 верстъ Елгаштинъ прошелъ въ 56 дней при 18-ти дневкахъ, причемъ 80-ти верстный безводный переходъ по Бекъ-пакъ-дала онъ сдѣлалъ въ 15 часовъ отъ 6-ти вечера до 9-ти часовъ утра.

Въ Туркестанѣ его ожидало распоряженіе, по которому сотни были направлены: 1-я въ городъ Аулиеата, 2-я въ городъ Чимкентъ, 3-я со штабомъ полка въ Ташкентъ, 5-я въ укрѣпленіе Джулекъ, 6-я въ фортъ Перовскій и 4-я оставалась въ Туркестанѣ. Такъ на протяженіи 800 верстъ былъ разбросанъ 1-й полкъ съ первыхъ дней своей службы въ Сыръ-Дарьинской области.

Во всѣхъ этихъ городахъ и укрѣпленіяхъ на казаковъ возложили содержать караулы, назначать вѣстовыхъ ко всѣмъ лицамъ уѣздной администраціи, выстав-

лять пикеты на почтовыхъ станіяхъ по трактамъ и конвоировать арестантовъ и войсковые транспорты отъ одного города до другого. Все это вызывало такіе наряды казаковъ на службу, что сотенные командиры иногда по недѣлямъ оставались только съ артельщиками, поварами и хлѣбопеками.

Осенью этого года, когда туркестанскія войска возвращались изъ Хивинскаго похода черезъ Халаата и Аристанбель, полусотня казаковъ 6-й сотни изъ форта Перовскаго провела воинскій транспортъ и партію молодыхъ солдатъ къ оставленому на Аму Дарьѣ отряду черезъ урочище Минбулакъ на городъ Шураханъ въ городъ Петро-Александровскъ и тѣмъ же путемъ вернулась обратно, испытавъ не мало лишеній въ Кызылкумской пустынѣ.

Весной 1874 года 1-й полкъ получилъ новую дислокацію, по которой 6-я сотня перешла въ городъ Ходжентъ, 1-я — въ с. Куйлюкъ, въ 12-ти верстахъ отъ Ташкента, выставивъ полусотню въ пограничное съ Коканомъ укрѣпленіе Тилляу, а остальные—въ Ташкентъ.

Въ Ташкентѣ казакамъ отвели лагерные бараки, построенные на лѣвомъ берегу рѣки Салара. Эти бараки, выложенные изъ сырцоваго кирпича, съ плоскими камышевыми крышами, залитыми глиной и съ земляными полами, какъ лѣтнія помѣщенія, не оставляли желать лучшаго, но въ остальное время года они были невозможны. Осенніе и весенніе проливные дожди пробивали плоскія крыши и превращали земляные полы въ лужи грязи. За неимѣніемъ аммуничниковъ, казачье имущество хранилось тутъ же; оно подвѣшивалось къ потолку на палкахъ, а сѣдла складывались подъ нары.

Отъ грязи, гніющаго камыша на потолкахъ и отъ мокрой аммуниціи, которую приходилось тутъ же просушивать, воздухъ этихъ помѣщеній всегда былъ удушливъ.

Кухни и хлѣбопекарни были устроены не берегу

Салара; ихъ крыши упирались въ верхній край обрыва, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и хлѣбопекарной печью. Такія печи, при топкѣ однимъ камышемъ, требовали большого искусства отъ хлѣбопековъ, чтобы пропечь хлѣбъ какъ слѣдуетъ.

Какъ-то разъ Елгаштинъ завелъ разговоръ объ улучшеніи сотенныхъ помѣщеній. „Много желаете, полковникъ, да и построй вамъ хорошія казармы, еще, пожалуй, казаки заболѣютъ“, — добродушно сказалъ генералъ Головачевъ, старый боевой кавказецъ, выдавшій на своемъ вѣку и болѣе худшія помѣщенія. Года два до этого казаки зимовали въ Чиназѣ въ камышевыхъ шалашахъ. Такъ располагались Туркестанскія войска въ первое время по занятіи Ташкента.

Тогда же въ полку началась постройка обмундированія, которое было принято въ Туркестанскихъ войскахъ для всеневной формы. Эта одежда у казаковъ состояла изъ армячныхъ рубашекъ съ погонами изъ прикладного сукна, шароваръ козловой кожи, выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ и фуражекъ съ козырьками и бѣлыми чехлами. Казаки въ такой одеждѣ имѣли очень красивый видъ. Но главное ея достоинство состояло въ томъ, что она проста, немарка, удобна при верховой ѣздѣ, прохладна лѣтомъ и дешева¹⁾.

Въ 1875 году въ Ташкентъ прибылъ молодой статный флигель-адъютантъ, полковникъ Скобелевъ. Онъ просилъ назначить ему отъ полка казака, знающаго сартовскій языкъ. Казакъ Кирилло Иванкинъ, назначенный вѣстовымъ къ Скобелеву, вполнѣ отвѣчалъ его требованіямъ; онъ зналъ сартовскій и киргизскій языки, хорошо стрѣлялъ, отлично ѣздилъ, а по своему умственному развитію и врожденной сметкѣ, выдѣлялся изъ среды казаковъ. Но водился за нимъ одинъ грѣшокъ: иногда любилъ выпить и пошумѣть.

Въ короткое время Скобелевъ привязался къ Иванкину; это былъ его безсмѣнный ординарецъ и постоянный спутникъ. Гдѣ Скобелевъ, тамъ былъ и Иванкинъ съ его бердановскимъ карабиномъ.

Въ іюлѣ Скобелевъ выѣхалъ въ Коканъ, откуда долженъ былъ проѣхать въ Кашгаръ; но неожиданное возстаніе коканцевъ помѣшало это ему выполнить. Его конвой состоялъ изъ 6 казаковъ сборной конвойной сотни генерала Кауфмана. Въ это же время въ Коканѣ находился чиновникъ по дипломатической части съ 16 казаками 6-й сотни 1-го Сибирскаго полка.

За время остановки въ Коканѣ Скобелевъ ежедневно осматривалъ городъ и его окрестности. Однажды проѣзжая вдоль городской стѣны, онъ встрѣтилъ на пути быстрюю рѣчку, которая, однимъ рукавомъ, стремительно бѣжала подъ крѣпостную стѣну. Находившіеся съ нимъ джигиты начали предупреждать, что въ этомъ мѣстѣ рѣчку переѣхать нельзя. Какъ бы въ отвѣтъ на ихъ слова, Скобелевъ далъ шпоры коню, который прыгнулъ съ берега въ воду. Бурный потокъ моментально сбиль лошадь и только умѣлое управленіе всадника помогло ей повернуться противъ теченія и продержаться нѣкоторое время на мѣстѣ. За Скобелевымъ кинулся въ воду Иванкинъ; онъ поймалъ лошадь за поводъ въ то время, когда ее начало увлекать подъ стѣну. Настала критическая минута, но Скобелевъ ловко выпрыгнулъ изъ сѣдла и ухватился за бревно, торчавшее надъ самой водой у стѣны.

Когда казаки вывели лошадь и помогли Скобелеву выбраться на берегъ, Михаилъ Димитріевичъ, улыбаясь, сказалъ: «А что, Ванькинъ»,—такъ онъ всегда называлъ Иванкина,—«хорошо я выкупался?»—«Хорошо, да не вовсе»,—отвѣтилъ его ординарецъ.

На другой день стало извѣстно, что нѣсколько ты-

сячь кипчаковъ, во главѣ съ Абдурахманомъ Автобачи, приближаются къ Кокану. Это извѣстіе встревожило хана Худояра, и онъ сталъ просить Скобелева выйти съ нимъ на встрѣчу мятежникамъ. Когда ханскія войска, въ числѣ 5000 пѣшихъ и конныхъ людей при 80 орудіяхъ выстроились на полянѣ, у опушки садовъ показался Автобачи. Въ ту же минуту войска передалась ему. При ханѣ осталось только 1500 вѣрныхъ ему джигитовъ. Съ этой конницей и свитой онъ пошелъ по дорогѣ въ Ходжентъ, куда еще утромъ были направлены его арбы съ казной и имуществомъ.

За ханомъ, но только по другой сосѣдней дорогѣ, направилось и посольство. Отойдя версты двѣ, Скобелевъ началъ распредѣлять казаковъ: четырехъ вооруженныхъ его берданками, онъ оставилъ при себѣ, а остальныхъ, вмѣстѣ съ обозомъ, выслалъ впередъ съ чиновникомъ. „Вы, полковникъ, въ случаѣ нападенія, не бросайтесь на скорый ходъ, а смотрите на меня“, — наставлялъ Михаилъ Димитріевичъ дипломата, какъ объ этомъ говорилъ Иванкинъ;— „Я съ своими казаками не допущу внезапно напасть. А вы, ребята,—обращаясь къ казакамъ,—идите тише, даромъ пули не теряйте, тогда коканцы будутъ знать, что мы не трусы“.

Такъ отходилъ Скобелевъ со своимъ малочисленнымъ конвоемъ, пока не вышелъ на песчаную прогалину, гдѣ въ сторонѣ двигался и ханъ со своимъ обозомъ. На этой площадкѣ увязла въ песчаной рытвинѣ одна изъ арбъ посольства, на которой лежали запасные патроны. Скобелевъ приказалъ ихъ достать. Это исполнилъ Иванкинъ, но только привезъ не патроны, а деньги, хранившіяся въ такомъ же ящикѣ. Когда онъ вторично былъ посланъ къ арбѣ, у опушки садовъ показались кипчаки, но Иванкинъ предупредилъ ихъ. Онъ ловко выхватилъ изъ арбы патроны и, подъ выстрѣлами коканцевъ, на

карьерѣ доставилъ ихъ Скобелеву. Въ ту же минуту несчастный арбакешъ былъ изрубленъ за службу русскимъ. На этой площадкѣ кипчаковъ собралось до 1000 человекъ; они начали гикать и стрѣлять по ханскимъ джигитамъ. Чгобы дать время хану отойти подальше, Скобелевъ развернулъ казаковъ въ лаву, послѣ чего кипчаки подались назадъ; такъ казаки отходили до вечера.

Въ слѣдующіе два дня кипчаки только наблюдали за движеніемъ хана. Подходя къ Ходженту, Скобелевъ вызвалъ пѣсенниковъ. „Выѣхали мы“,—говоритъ Иванкинъ, — „2 уральца, 1 оренбургскій, да 3 сибирскихъ казака; но какъ не въ одномъ полку служили, такъ не въ ладъ и затынули. Стой, говорю, ребята, я начну, а потомъ уже за мной всѣ дружно подхватили: Ребята, слава впереди душа кипитъ восторгомъ; храбрость будетъ на груди у каждого Георгій...“ «Браво, браво, Ванькинъ, будетъ братъ, тебѣ Георгій»,—весело замѣтилъ Михаилъ Дмитриевичъ²).

Впослѣдствіи командующій войсками наградилъ Иванкина знакомъ отличія военнаго ордена по представленію Скобелева.

Когда такимъ образомъ наши посольства возвращались изъ Кокана, Елгаштинъ въ Ташкентѣ осматривалъ 3 сотни казаковъ, прибывшихъ изъ войска, и формировалъ эшелоны изъ смѣнныхъ, которымъ былъ назначенъ даже день выступленія на родину; но прибытіе хана въ Ходжентъ все измѣнило. Казаки, подлежавшіе увольненію на льготу, были возвращены въ свои сотни, а Куйлюкская полусотня 1-й сотни, укомплектованная до сотеннаго состава прибывшими изъ войска казаками, была отправлена въ Ходжентъ, для сопровожденія хана въ Ташкентъ. Въ это же время въ полку начали формировать ракетный дивизионъ.

Сто сорокъ верстъ до Ходжента сотня прошла въ два дня. 5 августа былъ назначенъ день выѣзда хана. Рано утромъ сотня выстроилась для встрѣчи Его Свѣтлости, какъ принято было титуловать хана. По всѣмъ направленіямъ береговой улицы города гарцевали ханскіе джигиты на отличныхъ лошадяхъ. Всѣ они были одѣты въ разноцвѣтные халаты, забранные въ широкія расшитыя чембары. На головахъ мѣховыя шапки, покрытыя сукномъ разныхъ цвѣтовъ. Вооруженіе состояло изъ кривыхъ шашекъ, батиковъ, длинныхъ пикъ и разныхъ старыхъ системъ ружей и пистолетовъ. Вся эта пестрая движущаяся толпа представляла красивую картину. Джигиты—молодецъ къ молодцу; они были статны, ловки и отлично управляли подстоявшимися карабаирами, которые одинъ передъ другимъ просили воли, какъ бы желая помѣриться быстротою своего бѣга.

Но вотъ показался обозъ на 20 огромныхъ арбахъ съ накладушками; накладушки были обшиты коврами и палацами спереди наглухо, а сзади въ видѣ занавѣса. Здѣсь ѣхали любимыя жены хана съ ихъ женской прислугой. Далѣе слѣдовала ханская казна. Обозъ окружали пѣхотинцы въ числѣ не болѣе 50 человекъ. Они были въ красныхъ курткахъ, широкихъ чембарахъ и бѣлыхъ чалмахъ. Вооруженіе сарбазовъ, какъ назывались пѣхотинцы, было также разнообразно. Наконецъ показался и самъ ханъ Худояръ, представительный мужчина въ огромной бѣлоснѣжной чалмѣ и золотистомъ халатѣ. Онъ ѣхалъ на красивой саврасой лошади, въ богато убранномъ сѣдлѣ; его узда, патфія и нагрудникъ были унизаны крупной бирюзой въ золотой оправѣ.

Первый переходъ былъ до станціи Джамбулакъ, въ 50 верстахъ отъ Ходжента. Ханъ ѣхалъ верхомъ не болѣе 5-ти верстъ, а затѣмъ пересѣлъ въ маленькую арбу, тоже съ накладушкой, въ которой и сѣлалъ большую

часть остального пути до Ташкента. На втором ночлеге у селенія Пскентъ, въ ночь на 7-е августа, было дано знать, что большія партіи коканцевъ ворвались въ предѣлы Сыръ-Дарьинской области для объявленія «газавата», т. е. священной войны противъ русскихъ. Это извѣстіе очень встревожило хана и его приближенныхъ, которые начали спѣшно готовиться къ выступленію съ ночлега. Далеко до восхода солнца все было готово и поѣздъ направился дальше. У селенія Той-тюбе ханъ встрѣтилъ командующій войсками области генералъ Головачевъ съ казачьимъ конвоемъ, а затѣмъ и Елгаштинъ съ 4-мя сотнями и дивизиономъ конныхъ орудій.

Послѣ небольшой остановки ханъ съ 1-й сотней направился въ Ташкентъ. Отсюда сотня была выслана на Чимкентскій трактъ, для встрѣчи молодыхъ солдатъ, которымъ могли угрожать бродячія шайки коканцевъ со стороны Кураминскаго уѣзда, а также для развозки ружей и патроновъ по почтовымъ станціямъ этого тракта, для вооруженія старостъ и ямщиковъ.

Когда 14-го августа сотня вернулась въ Ташкентъ, тамъ уже знали, что коканцы разбиты подъ Тилляу, гдѣ Елгаштинъ особенно энергично преслѣдовалъ ихъ. Это извѣстіе успокоило туземное населеніе города Ташкента, сильно волновавшееся въ первые дни объявленія коканцами «газавата».

Утромъ 16-го числа 1-я сотня выступила изъ Ташкента и подъ вечеръ 17-го настигла отрядъ на станціи Мурзарабатъ, не доходя 25 верстъ до Ходжента, куда онъ спѣшилъ на выручку осажденнаго города³⁾.

Но вернемся, чтобы прослѣдить дѣйствія казаковъ 1-го полка подъ Тилляу. Первое извѣстіе о вторженіи коканцевъ въ Сыръ-Дарьинскую область было получено въ Ташкентѣ около 2-хъ часовъ ночи на 7-е августа; черезъ часъ Елгаштинъ получилъ приказаніе выступить

съ наличными сотнями и дивизиономъ № 5-й Оренбургской казачьей батарее къ селенію Тай-тюбе, откуда выслать двѣ сотни на встрѣчу хана, а съ остальными двумя и артиллеріей идти къ укрѣпленію Тилляу.

Въ 4 часа утра сотни были уже на маршѣ и, какъ мы видѣли, встрѣтили хана у Тай-тюбе около 9-ти часовъ утра. Отсюда генераль Головачевъ лично повелъ казаковъ и, не доходя 10-ти верстъ до Тилляу, остановился на ночлегъ.

Это быстрое движеніе казаковъ, прошедшихъ въ день 75 верстъ, заставило коканцевъ отойти отъ Тилляу, гарнизонъ котораго состоялъ изъ роты пѣхоты и полусотни казаковъ 1-го Сибирскаго полка.

На другой день утромъ, Головачевъ подошелъ къ Тилляу, а съ приходомъ баталіона стрѣлковъ, выступившихъ изъ Ташкента слѣдомъ за казаками, онъ 10-го числа перешелъ въ наступленіе и однимъ рѣшительнымъ ударомъ разсѣялъ большую партію коканцевъ. Елгаштинъ весь день преслѣдовалъ ихъ и только въ 11 часовъ вернулся на бивакъ.

Въ 3 часа утра онъ снова былъ высланъ на встрѣчу другой партіи коканцевъ, появившихся въ ущельѣ Ур-газъ. Пройдя верстъ 20, казаки захватили партію въ распахъ, когда она поднималась съ ночлега. Обходъ съ фланговъ и лихая атака 4-й сотни съ фронта до того были неожиданны, что коканцы начали бросать вещи, даже сѣдла, чтобы легче укрыться въ горахъ, но всюду попадали подъ шашки или пули казаковъ. Такъ была уничтожена партія въ 1000 человекъ⁴). Въ этомъ дѣлѣ казаки проявили много находчивости и личной отваги. Такъ урядникъ Василій Путинцевъ со взводомъ казаковъ обскакалъ партію коканцевъ въ 80 человекъ и не далъ имъ выйти изъ ущелья, а портупей-юнкеръ Александровъ съ 6-ю казаками вышелъ въ тылъ коканцамъ по

очень трудной тропѣ и съ перевала мѣткими выстрѣлами билъ ихъ на выборъ.

Въ полдень 13-го августа Головачевъ перешелъ къ селенію Карысъ, откуда въ 2 часа ночи казаки опять были высланы за 15 верстъ отъ бивака, но на этотъ разъ коканцы не приняли боя и ушли обратно въ свои горы. Отсюда Елгаштинъ перешелъ на разграбленную коканцами Уральскую почтовую станцію, гдѣ и находился генераль Кауфманъ съ войсками. Въ тотъ же день онъ наградилъ 14 казаковъ знаками отличія военного ордена, за дѣла съ коканцами подъ Тилляу.

Пока отрядъ Головачева былъ подъ Тилляу, скопище въ нѣсколько тысячъ коканцевъ атаковало Ходжентъ, гарнизонъ котораго состоялъ изъ баталіона, мѣстной команды, пѣшей батареи и 6-й сотни 1-го Сибирскаго полка. Эта единственная въ огромномъ городѣ кавалерійская часть, 11 дней подрядъ несла безсмѣнно сторожевую, развѣдывательную и ординарческую службы; не было казака, который бы не былъ у дѣла: или онъ скакалъ изъ одного наблюдательнаго пункта въ другой, или высматривалъ подступы непріятели къ садамъ, непосредственно примыкавшимъ къ стѣнѣ туземнаго города, или наконецъ, своимъ присутствіемъ успокаивалъ сартовъ, которые начали было зарывать въ землю имущество и оставлять дома.

Одновременно съ осадой Ходжента, партія коканцевъ бросилась на Ташкентско-Ходжентскій трактъ, гдѣ она разграбила и сожгла 3 почтовыхъ станціи и убила 6 ямщиковъ и 2-хъ старостъ. Здѣсь же коканцы захватили въ плѣнъ нѣсколько проѣзжающихъ, но не могли одолѣть двухъ казаковъ 6-й сотни. Казаки эти Сидоръ Ивановъ и Сергѣй Докучаевъ возвращались изъ Ташкента въ Ходжентъ; чтобы избѣгнуть жары, они ночью

на 7-е августа, минуя Пскентъ, гдѣ находилась 1-я сотня съ ханомъ, прямо степью направились къ Джембулаку, куда прибыли рано утромъ. Разграбленная станція и трупы убитыхъ ямщиковъ указывали на близость грабительскихъ шаекъ, что однако, не смутило молодцовъ. Послѣ отдыха они поѣхали дальше.

Ровная открытая мѣстность скоро открыла казаковъ и къ нимъ навстрѣчу понеслась шайка челоуѣкъ въ 30. Докучаевъ и Ивановъ поскакали въ направлени горъ, прилегающихъ къ правому берегу Сыръ-Дарьи неподалеку отъ Ходжента. Они раньше коканцевъ успѣли достигнуть ущелья, гдѣ и спѣшились. Здѣсь коканцы не разъ бросались на казаковъ, даже во время рукопашной схватки ранили Иванова пикой въ руку и выбили у него ружье, но ни онъ, ни Докучаевъ не дрогнули. Обороняясь одинъ пашкой, а другой ружьемъ они на другой день окровавленные и оборванные явились въ Ходжентъ пѣшкомъ³⁾

Впослѣдствіи на вопросъ командующаго войсками, какъ они отбивались отъ коканцевъ, Докучаевъ отвѣтилъ: „я, примѣрно, разсыпался, а онъ былъ въ лизерфѣ“. Эти оба молодца получили по знаку отличія военнаго ордена.

Осаду Ходжента коканцы сняли, какъ только войска изъ Ташкента приблизились къ городу. Въ эти же дни произошло какое-то недоразумѣніе между Елгашинымъ и Скобелевымъ, назначеннымъ начальникомъ кавалеріи отряда. Елгашинъ уѣхалъ въ Ташкентъ, а затѣмъ былъ зачисленъ по Сибирскому войску. За дѣла съ коканцами подъ Тилляу, онъ награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость».

Вотъ одна изъ пѣсенъ, которую не разъ запѣвалъ С. А. Елгашинъ въ кругу офицеровъ и казаковъ своего полка:

Гдѣ мой конь вороной,
Гдѣ булатный мой мечъ?
Я прощуся съ женой
И помчуся на сѣчь.
За отчизну побьюсь,
Обо мнѣ не тужи,
Я отгуда вернусь
Со крестомъ на груди.
    Не отдамся живой
    На добычу врагамъ
    И своею рукой,
    Кровью выкупъ отдамъ.
Бѣлый царь мнѣ отецъ,
А Россія мнѣ мать.
И въ родствѣ, наконецъ,
Наша храбрая рать.
    Такъ прощай-же жена,
    О побѣдѣ молись,
    Будь до гроба вѣрна
    И не плачь, не кручись.
Если-жь въ битвѣ паду
Я отъ вражьей руки,
Я со славой умру
Объ одномъ вспомяни.

VII.

Въ Коканскомъ походѣ 1875 года.

Въ половинѣ августа въ Ходжентѣ былъ сформированъ отрядъ для дѣйствій противъ Кокана, въ составъ котораго входили 13 ротъ, 12 пѣшихъ и 8 конныхъ орудій и 9 казачьихъ сотенъ съ 8-ю ракетными станками.

За исключеніемъ конвойной сотни генерала Кауфмана, остальные 8 были раздѣлены на четыре дивизиона, причемъ сотни 1-го Сибирскаго полка, 1-я и 2-я составляли третій, а 4-я и 6-я четвертый дивизионы. Изъ ракетныхъ станковъ сформирована ракетная батарея, въ составѣ 4-хъ Сибирскихъ и 4-хъ Уральскихъ станковъ.

Утромъ 20-го августа этотъ отрядъ выступилъ изъ Ходжента и, пройдя верстъ 20, остановился на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи. На этомъ переходѣ коканцы издали наблюдали за войсками.

На другой день казаки съ дивизиономъ № 5-й Оренбургской батареи выстроились на правомъ флангѣ отряда. На высотѣ головы пѣхотной колонны шли 4 сотни уральцевъ и оренбурцевъ во взводныхъ колоннахъ, имѣя въ интервалахъ 4 орудія, а на правомъ флангѣ ракетную батарею. Вторую линію составляли Сибирскія сотни; онѣ шли въ полковой сомкнутой колоннѣ и въ 500 шагахъ отъ первой.

Какъ только отрядъ тронулся съ мѣста, густыя толпы конныхъ коканцевъ начали окружать казаковъ. Скобелевъ вызвалъ цѣпь наѣздниковъ, которые сейчасъ же завязали оживленную перестрѣлку съ кипчаками, особенно насѣдавшими на правый флангъ и тылъ отряда, гдѣ ихъ приходилось часто отбрасывать огнемъ артиллеріи и ракетъ. Въ этотъ день казаки шли съ непрерывнымъ боемъ около 20-ти верстъ. Отрядъ остановился у селенія Карачкумъ.

Въ 5 часовъ утра 22-го августа отрядъ выступилъ съ ночлега. Казаки шли въ томъ же боевомъ порядкѣ, только Сибирскія сотни были построены по дивизионно во взводныхъ колоннахъ.

Въ этотъ день силы коканцевъ такъ увеличились, что вся ровная мѣстность къ сторонѣ невысокихъ горъ, на сколько окидывалъ глазъ, была усыпана всадниками и они возобновили свои атаки на казаковъ.

Какъ наканунѣ, такъ и въ этотъ день, по словамъ генерала Кауфмана, казаки превосходно маневрировали и потому попытки многотысячнаго непріятели опрокинуть-ся на нихъ не имѣли успѣха.

На 10-й верстѣ, влѣво на берегу Сыръ-Дарьи, показался Махрамъ. Эта четырехугольная крѣпость съ бастіонами на зубчатыхъ стѣнахъ имѣла однѣ ворота и неподалеку небольшое полевое укрѣпленіе, примыкавшее къ селенію Махрамъ.

По мѣрѣ приближенія отряда къ кишлаку Махрамъ, число конныхъ коканцевъ все увеличивалось и увеличивалось; наконецъ они, какъ тучи, облегли казаковъ съ трехъ сторонъ. Конныя орудія и ракетная батарея непрерывно открывали огонь; оживленную перестрѣлку вели и спѣшенные казаки. Но отрядъ безостановочно, хотя и медленно, подавался впередъ.

На высотѣ Махрамскаго кишлака стрѣлки съ артиллеріей зашли во флангъ укрѣпленной позиціи; по нимъ сейчасъ-же коканцы открыли артиллерійскую стрѣльбу изъ 20—25 орудій, хорошо замаскированныхъ садами. На эту стрѣльбу отвѣтили наши батареи. Вѣроятно этотъ бой представлялъ живописную картину для кипчаковъ и каракиргизъ, расположившихся на холмахъ у горъ, что они оставили казаковъ въ покоѣ и начали благодушно смотрѣть на борьбу двухъ артиллерій.

Скоро наши батареи подбили нѣсколько коканскихъ

орудій, послѣ чего стрѣлки подались къ опушкѣ садовъ. Въ это время коканцы открыли артиллерійскую стрѣльбу изъ крѣпости, но она уже не могла задержать боевые баталіоны стрѣлковъ, которые бросились на штурмъ укрѣпленной позиціи у Махрамскаго кишлака. Нѣсколько правѣ ихъ кинулся Скобелевъ съ Уральской и Оренбургской сотнями, а за нимъ двѣ Оренбургскихъ сотни съ ракетной батареей.

Это смѣлое движеніе казаковъ первой линіи было замѣчено коканцами, которые передъ тѣмъ начали было уходить въ горы и къ городу Кокану, а теперь повернули назадъ и бросились къ садамъ кишлака. Но здѣсь ихъ встрѣтили Сибирскія сотни и не допустили прорваться въ тылъ первой линіи. Онѣ 10 верстъ шли съ боемъ и тѣмъ дали возможность Скобелеву атаковать пѣшихъ коканцевъ, бѣжавшихъ изъ крѣпости и кишлака вдоль берега Сыръ-Дарьи.

Въ семи верстахъ отъ Махрама оренбурцы и уральцы наскочили на большую конную партію коканцевъ. Замѣтивъ неизбежное разстройство сотенъ послѣ продолжительной атаки, коканцы бросились на казаковъ, но въ это время развернулась и открыла огонь ракетная батарея, послѣ чего противникъ отступилъ.

Такъ окончилось дѣло подъ Махрамомъ и казаки 1-й и 2-й линіи почти одновременно вернулись къ крѣпости, взятой штурмомъ стрѣлками.

Трофеями этого боя были 39 орудій, 100 фельконтетовъ, 1500 ружей, 50 бунчуковъ, знаменъ и значковъ, много шашекъ, пикъ, батиковъ, большіе склады пороху, снарядовъ, до 3000 пудовъ хлѣба и 224 лошади.

По свѣдѣніямъ вновь избраннаго хана Насръ-Эдина, подъ Махрамомъ было 50000 вооруженныхъ людей, изъ которыхъ пали въ бою до 2000 человекъ¹⁾.

Въ тотъ же день генераль Кауфманъ наградиль 18 казаковъ 1-го Сибирскаго полка знаками отличія военнаго ордена.

Послѣ четырехъ дней отдыха отрядъ выступилъ дальше и остановился на арыкѣ Хошъ-Купыръ, гдѣ его встрѣтилъ посланникъ хана съ нашими плѣнными, въ числѣ 20 человекъ, которыхъ коканцы захватили во время вторженія въ Сыръ-Дарьинскую область. Отсюда въ 3 часа дня, Скобелевъ съ 1-й и 2-й Сибирскими сотнями и ракетной батареей произвелъ рекогносцировку города Кокана, въ улицахъ котораго, какъ оказалось, господствовала полнѣйшая тишина; 29-го числа отрядъ подошелъ къ городу Кокану и частью войскъ занялъ его ворота, откуда выѣхалъ молодой ханъ съ большой свитой и жителями города, вышедшими привѣтствовать русскія войска.

Въ эту же минуту генераль Кауфманъ получилъ телеграмму Государя Императора отъ 25-го августа: „Съ душевнымъ удовольствіемъ прочелъ я телеграмму о славномъ дѣлѣ 22-го августа; спасибо тебѣ и всѣмъ твоимъ подчиненнымъ за новые подвиги, которыми вы себя ознаменовали. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать подробнаго донесенія объ отличившихся“. Потрясающее «ура» войскъ отряда на глазахъ хана и его народа, было отвѣтомъ на Царское слово.³⁾

До 5-го сентября отрядъ простоялъ подъ стѣнами Кокана, а этого числа выступилъ къ городу Маргелану, гдѣ, по слухамъ, Автобачи началъ снова собирать народъ для продолженія борьбы съ русскими. 8-го сентября отрядъ подошелъ къ Маргелану, жители котораго встрѣтили войска хлѣбомъ-солью и вывезли всѣ орудія, оставленныя въ городѣ Автобачей. Они же указали куда бѣжалъ руководитель возстанія съ остатками своихъ приверженцевъ, въ числѣ 5000 конныхъ кипчаковъ.

Для преслѣдованія Автобачи, командующей войсками въ тотъ же день выслалъ 1-й, 3-й, 4-й казачьи дивизіоны съ ракетной батареей, дивизіонъ Оренбургской казачьей батареи и двѣ роты пѣхоты, посаженной на арбы. Этотъ отрядъ, подъ начальствомъ Скобелева, выступилъ въ 9 часовъ вечера. Казаки съ мѣста пошли на рысяхъ по асакинской дорогѣ. Скоро пѣхота съ дивизіономъ орудій отстала. Около 5-ти часовъ утра показалась партія кипчаковъ на холмахъ, окружавшихъ селеніе Минь-тюбе. Здѣсь Скобелевъ выслалъ впередъ 1-ю и 2-ю Сибирскія сотни, которыя подойдя на рысяхъ къ селенію, пустились въ карьеръ за кипчаками. Въ улицахъ произошла схватка, продолжавшаяся всего нѣсколько минутъ. Казаки отбили 10 арбъ съ имуществомъ, 4 значка, 25 ружей и нѣсколько пикъ и шашекъ. Кипчаки оставили въ селеніи 40 раненыхъ и убитыхъ.

Черезъ часъ подошли и остальные сотни. У всѣхъ лошади были сильно утомлены 100-верстнымъ пробѣгомъ въ эти сутки, почему Скобелевъ прекратилъ преслѣдованіе кипчаковъ, которые сидѣли на свѣжихъ лошадяхъ.

Въ полночь 10-го числа казаки снова выступили и у кишлака Булакъ-баши захватили непріятельскій пикетъ, который показалъ, что Автобачи остановился въ кишлакѣ Курпѣ съ 400 джигитами и 4-мя орудіями. Но и здѣсь его не оказалось; бросивъ одно орудіе и до 30 измученныхъ лошадей, онъ бѣжалъ дальше. Въ 9 часовъ утра сотни подошли къ городу Ошу, гдѣ ихъ населеніе встрѣтило хлѣбомъ-солью. Такъ въ 2 дня казаки разсѣяли 5-титысячную партію кипчаковъ, послѣ чего Автобачи, минуя городъ Ошъ, бросился въ Алайскія горы всего съ 100 джигитами.

Набѣгъ казаковъ подъ Микъ-тюбе, повидимому, умиротворилъ страну, почему генераль Кауфманъ, заключивъ

мирный договоръ съ ханомъ, направилъ отрядъ въ городъ Наманганъ. По этому договору весь правый берегъ Сыръ-Дарьи отходилъ къ Россіи³).

Лишь только войска прибыли въ Наманганъ, какъ Автобачи снова началъ собирать народъ въ окрестностяхъ города Андижана. Чтобы не дать разгорѣться возстанію, командующій войсками выслалъ къ Андижану отрядъ подъ начальствомъ генерала Троцкого въ составѣ 5-ти ротъ, 8-ми орудій, 1-й, 2-й и 4-й сотенъ съ 4-мя ракетными станками 1-го Сибирскаго полка и полусотни Оренбургскихъ казаковъ.

Утромъ 28-го сентября отрядъ этотъ перешелъ на лѣвый берегъ Сыръ Дарьи, а 29 числа сталъ бивакомъ въ 6-ти верстахъ отъ Андижана. Здѣсь выяснилось, что кипчаки и андижанцы рѣшили упорно защищаться, для чего устроили завалы по всѣмъ главнымъ улицамъ города и согнали въ него до 50000 человекъ, которыми руководили Автобачи и Пулатханъ.

На другой день Скобелевъ осмотрѣлъ подступы къ городу; выйдя съ бивака съ двумя сотнями и ракетными станками, онъ направился долиной рѣки Андижанъ-сая, гдѣ скоро втянулся въ сады и поля кукурузы, обнесенные глинобитными стѣнками. Пока казаки шли долиной рѣки, непріятель молчалъ, его какъ-бы и не было; когда же сотни втянулись въ сады, андижанцы открыли ружейный огонь изъ-за стѣнъ, но ихъ пули летали надъ головами и не причиняли вреда казакамъ. Осмотрѣвъ главный путь на базарную площадь, Скобелевъ повернулъ обратно. Въ это время андижанцы со всѣхъ сторонъ окружили казаковъ и такъ настойчиво насаждали на нихъ, что послѣднія двѣ версты сотни шли съ боемъ 2 часа.

Послѣ этой рекогносцировки Троцкій рѣшилъ штурмовать Андижанъ. Спѣшенныя сотни съ однимъ оруді-

емъ, однимъ ракетнымъ станкомъ и 20-ю саперами были назначены въ первую штурмовую колонну.

На разсвѣтъ 1-го октября штурмовыя части выступили съ бивака, причемъ казаки направились долиной Андиганъ-сая; за ними въ полуверстѣ слѣдовалъ резервъ съ начальникомъ отряда изъ двухъ ротъ, 4-хъ орудій и 40 саперъ; вторая штурмовая колонна изъ двухъ ротъ, одного орудія, одного ракетнаго станка и 20 саперъ, шла нѣсколько правѣе.

Не отошли войска и версты отъ бивака, какъ кипчаки и каракиргизы съ гикомъ понеслись на вагенбургъ, гдѣ оставались рота, 2 орудія, 2 ракетныхъ станка и казаки коноводы. Эти части отбили атаку. Между тѣмъ казачья колонна неожиданно встрѣтила разливъ рѣчки Андиганъ-сая; за ночь коканцы такъ затопили эту долину, что мѣстами казаки погружались въ воду до пояса. Выйдя изъ затопленной мѣстности, Скобелевъ открылъ огонь изъ орудія вдоль улицы, откуда раздавались неприятельскіе выстрѣлы. Послѣ этого обстрѣла, казаки, подъ покровомъ порохового дыма, кинулись на высокій заваль, вооруженный орудіемъ, за которымъ столпились андиганцы. Въ числѣ первыхъ на заваль вскочили сотникъ Нуджевскій, урядникъ Василій Путинцевъ и казакъ Мясниковъ, послѣдній былъ смертельно раненъ пулею въ грудь. Слѣдомъ за передовыми казаками верхомъ прискакалъ Скобелевъ и приказалъ разобрать заваль. Эта нелегкая работа была скоро исполнена, не смотря на ружейный огонь со слѣдующаго завала, находившагося шагахъ въ бо-ти отъ перваго. Окончивъ эту работу, казаки бросились впередъ и овладѣли еще тремя завалами, но слабѣе обороняемыми, чѣмъ первый. Наконецъ они вышли на базарную площадь, гдѣ за рядами арбъ, забранныхъ толстыми бревнами, стояли большія толпы коканцевъ. Эта баррикада

была обстрѣлена изъ орудія, послѣ чего казаки первыми заняли ханскій дворецъ въ урдѣ.

Черезъ часъ подошелъ резервъ; онъ также все время шелъ съ боемъ, отражая атаки киргизъ съ тылу и андижанцевъ съ фланговъ.

Чтобы указать второй штурмовой колоннѣ сборный пунктъ отряда, Троицкій приказалъ выставить свой значекъ на ханскомъ дворцѣ. Со значкомъ на крышу дворца сталъ казакъ 1-й сотни Березуцкій. Здѣсь, подъ выстрѣлами андижанцевъ, онъ оставался до прихода второй колонны. За мужество и пренебреженіе къ стрѣльбѣ коканцевъ, командующій войсками произвелъ Березуцкаго въ урядники и наградилъ знакомъ отличія военнаго ордена.

За время остановки отряда въ урдѣ, воинственные крики и стрѣльба коканцевъ не прекращались ни на минуту и они все болѣе и болѣе охватывали войска. Начальникъ отряда приказалъ зажечь лавки и сакли, примыкавшія къ дворцу. Эта мѣра оказалась болѣе дѣйствительной, чѣмъ ружейная и даже артиллерійская стрѣльба по массѣ глинобитныхъ стѣнъ, за которыми укрывались андижанцы; они сейчасъ же бросились тушить пожаръ, а этимъ временемъ войска воспользовались для выхода изъ города.

Чтобы еще больше распространить пожаръ, были посланы на высоты, окружающія Андижанъ, 6 орудій съ двумя сотнями, которыя и обстрѣливали городъ 3 часа.

Въ то время, когда войска находились въ урдѣ, киргизы еще разъ пытались атаковать вагенбургъ, но также не имѣли успѣха.

При штурмѣ города коканцы потеряли 2 орудія. Наши потери состояли изъ 64 человекъ убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ, а сколько людей потеряли коканцы, осталось неизвѣстнымъ.

На другой день артиллерія снова обстрѣливала городъ, послѣ чего отрядъ направился обратно къ Намангану. Въ аррьергардѣ шли казаки съ ракетнымъ дивизиономъ. Лишь только отрядъ вытянулся по дорогѣ, со стороны Андижана выѣхали большія толпы коннаго неприятеля, почему вся 1-я сотня разсыпалась въ лаву и завязала перестрѣлку. Одновременно съ этимъ коканцы показались и по сторонамъ дороги, гдѣ пѣхотныя части также открыли огонь. У кишлака Миръ-раватъ киргизы особенно насѣли на 1-ю сотню; ее поддержала 4-я; она лихо врубилась въ толпу, но въ то же время была сама атакована другой партіей кипчаковъ. Тогда вынеслась 2-я сотня съ ракетнымъ дивизиономъ и киргизы были отброшены. Въ этой схваткѣ 4-я сотня потеряла одного убитаго и четырехъ раненыхъ казаковъ.

Въ первый день войска сдѣлали небольшой переходъ. Для характеристики этого движенія нужно замѣтить, что отрядъ, обыкновенно дѣлавшій отъ 5-ти до 6-ти верстъ въ часъ, разстояніе отъ Андижана до ночлега всего около 7-ми верстъ, шелъ съ непрерывнымъ боемъ около 8-ми часовъ времени.

На бивакѣ окончательно выяснилось, что все населеніе попутныхъ кишлаковъ принимало участіе въ возстаніи, а потому начальникъ отряда приказалъ жечь всѣ ихъ сакли и дворы.

На другой день коканцы до самаго ночлега вели перестрѣлку съ войсками и также замедляли движеніе отряда. Чтобы избавиться отъ такого преслѣдованія дальше, Скобелевъ предложилъ Троицкому сдѣлать нападеніе на бивакъ коканцевъ и съ этой цѣлью въ 2 часа ночи, выступилъ съ 4-й сотней Машина и Оренбургской полусотней Авдѣева. Поддержать казаковъ еще была послана рота стрѣлковъ.

Казаки съ мѣста пошли на рысяхъ, а стрѣлки уско-

реннымъ шагомъ и мѣстами бѣгомъ. На второй верстѣ отъ бивака Машинъ налетѣлъ на пикетъ изъ 4-хъ коканцевъ, которые были изрублены, прежде чѣмъ успѣли сѣсть на лошадей. Пробѣжавъ затѣмъ большой кишлакъ Хакихаватъ, и перейдя глубокой арыкъ съ водой, за которымъ виднѣлись бивачные огни коканцевъ, Машинъ бросился въ шашки; его лихая сотня съ гикомъ врѣзалась въ средину лагеря. Сонные коканцы, объятые ужасомъ, начали кидаться въ разныя стороны; они даже не оборонялись, когда ихъ казаки рубили. Не менѣе казаковъ распространили панику между кипчаками ихъ же собственныя лошади; онѣ, во время атаки, сорвались съ приколовъ и начали бѣшено носиться по лагерю, сбивая съ ногъ обезумѣвшихъ коканцевъ. Слѣдомъ за сотней Машина прискакали оренбурцы со Скобелевымъ и въ нѣсколько минутъ довершили это дѣло. Коканцы оставили на мѣстѣ до 100 убитыхъ и раненыхъ, 1 бунчукъ, 19 значковъ, 4 трубы, 198 ружей, 250 шашекъ, 173 пики, 25 батиковъ и до 2000 чалмъ—шапокъ.

На другой день отрядъ шелъ безъ выстрѣла и въ 10 часовъ утра встрѣтилъ генерала Кауфмана, который, не получая извѣстій отъ Троицкого, выступилъ съ частью войскъ на встрѣчу къ нему⁴).

Что за дивную картину представляла сотня Машина, когда парадировала передъ командующимъ войсками съ бунчукомъ, значками, трубами, ружьями и пиками, добытыми ею въ ночномъ бою.

Послѣ дневки отряды вернулись въ Наманганъ, гдѣ лично генералъ Кауфманъ наградилъ казаковъ 1-й сотни 35, 2-й—33, 4-й—38 и ракетнаго дивизиона 6-ю знаками отличія военного ордена.

За эти же дѣла Императоръ Александръ II пожаловалъ 1-й и 2-й сотнямъ знаки отличія на папахи съ надписью: „За штурмъ г. Андижана 1875 года“, а 4-й

сотнѣ—*Георгіевскія серебряныя трубы* съ надписью: „*За дѣло при селеніи Хакихаватъ въ 1875 году*“.

Сотникъ Машинъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени²).

Когда казаки 1-й, 2-й, 4-й и 6-й сотенъ стяжали боевую славу въ предѣлахъ Коканскаго ханства, ихъ товарищи казаки 3-й и 5-й сотенъ, возстановляли прерванное коканцами сообщеніе между Ходжентомъ и Ташкентомъ. Здѣсь они при убійственной обстановкѣ, въ осеннюю ненастную погоду, конвоировали всѣхъ проѣзжающихъ и почту.

Тогда же казаки сложили пѣсню на штурмъ Андижана:

Ну-ка пѣсенку споемъ:
Про походикъ мы начнемъ,
Въ семьдесятъ пятомъ году,
Когда брали Фергану.

Припѣвъ: { Ура! ура! ура! ура!
Фонъ-Кауфмана дѣла!
Ура! ура! ура! ура!
Скобелеву честь хвала!

Вдругъ двадцатаго числа
Въ Наманганъ пришла молва,
Будто снова вся орда
Взбунтовала города.

Припѣвъ.

Фонъ-Кауфманъ генераль
Скобелева призываль,—
Онъ издалъ ему приказъ,
Въ Андижанъ идти сейчасъ.

Припѣвъ.

Въ Андижанъ городъ идти,
Небольшой отрядъ вести,

Что пѣхоты батальонъ,
Да ракетный дивизьонъ.

Припѣвъ.

И Сибирцевъ сотни три,
Да орудій до восьми,
Утромъ солнце чуть восходъ,
Выступать велѣлъ въ походъ.

Припѣвъ.

Дружно мы вступили въ бой.
На завалахъ подъ урдой,
А назаць когда пошли,
Андижанъ городъ зажгли.

Припѣвъ.

Этой пѣсенкѣ конецъ,
Скобелевъ нашъ молодець,
Предводитель всѣмъ войскамъ
И Сибирскимъ казакамъ.

Припѣвъ.

VIII.

Въ зимнемъ походѣ 1876 года.

По возвращеніи отряда генерала Троцкого изъ Андижана, генералъ Кауфманъ выѣхалъ въ Ташкентъ, оставивъ въ Наманганѣ небольшой отрядъ войскъ подъ начальствомъ Скобелева, только что произведеннаго въ генералы. Въ составъ этого отряда входили 1-я и 2-я сотни съ ракетнымъ дивизиономъ 1-го Сибирскаго полка. Сотни были поставлены въ городъ Чустъ, откуда ежедневно высылали разъѣзды по дорогамъ къ Намангану и Ходженту.

Въ началѣ ноября Автобачи и Пулатханъ опять заняли городъ Маргеланъ и начали призывать населеніе ханства къ продолженію войны съ русскими. Коканъ опять заволновался.

Чтобы оградить Ходженскій уѣздъ отъ вторичнаго вторженія Коканскихъ партій, было признано необходимымъ снова занять крѣпость Махрамъ, куда, съ согласія хана, выступили изъ Ходжента двѣ роты, 4-я сотня Машина и два орудія.

Въ день занятія крѣпости начальникъ отряда получилъ свѣдѣнія о появленіи большой партіи кипчаковъ верстахъ въ 25 отъ Махрама. Онъ рѣшилъ немедленно выйти къ нимъ на встрѣчу и съ этой цѣлью, подъ вечеръ, выступилъ съ одной ротой и сотней. И на этотъ разъ лихая сотня Машина, сформированная изъ казаковъ Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ, безъ выстрѣла бросилась въ шашки на бивакъ кипчаковъ, безопасно расположившихся у кишлака Қанабадама. Въ нѣсколько минутъ эта партія, до 2000 человекъ, была разсѣяна, оставивъ на мѣстѣ 79 кипчаковъ убитыхъ и раненыхъ, три бунчука, 9 значковъ, 40 ружей, 3 фальконета, 117 лошадей и до 150 шашекъ, пикъ и батиковъ.

Одновременно съ этимъ коканцы атаковали отрядъ, оставленный въ городѣ Наманганѣ и выслали нѣсколь-ко пѣшихъ и конныхъ партій на сообщенія этого го-рода съ Ходжентомъ, гдѣ одна изъ нихъ захватила въ плѣнъ 14 казаковъ 6-й сотни 1-го Сибирскаго полка, находившихся на развѣдкѣ.

Въ Наманганѣ Скобелевъ нанесъ коканцамъ сильное поражение и разрушилъ часть города, за участіе жите-лей въ возстаніи. Чтобы разсѣять шайки между Наман-ганомъ и Ходжентомъ, а также наказать жителей этой мѣстности за укрывательство коканскихъ партій, изъ Ходжента были высланы двѣ роты, 5-я сотня 1-го Си-бирскаго полка и два орудія. Этотъ отрядъ въ нѣс-колько дней обошелъ нагорные кишлаки праваго бе-рета Сыръ-Дарьи и нанесъ коканцамъ поражение у киш-лака Абаши, гдѣ они потеряли до 200 человекъ убиты-ми и ранеными, 1 бунчукъ, 1 значекъ, 120 ружей, 60 шашекъ и до 200 батиковъ и пикъ.

За эти дѣла съ коканцами командующій войсками наградилъ казаковъ 4-й, 5-й сотень и ракетнаго диви-зіона 1-го Сибирскаго полка 24 знаками отличія военнаго ордена.

Уничтоженіе бролячихъ шаякъ на правомъ берегу Сыръ-Дарьи еще не могло возстановить спокойствіе въ Коканскомъ ханствѣ, гдѣ воинственные кипчаки и кара-киргизы продолжали призывать осѣдлое населеніе на продолженіе священной войны съ русскими. Чтобы унич-тожить вліяніе этихъ кочевниковъ на сартовское насе-леніе ханства, Скобелеву было предложено перейти съ отрядомъ на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи.

Придавая большое значеніе самостоятельнымъ дѣй-ствіямъ конницы въ предстоящей войнѣ и принимая во вниманіе неудовлетворительное вооруженіе казаковъ, ко-торые имѣли старыя драгунскія семилинейныя ружья,

Скобелевъ окончилъ полуроту стрѣлковъ, вооруженныхъ берданками, раздѣливъ ихъ на два эскадрона, по 60-ти стрѣлковъ и 20-ти казаковъ въ каждомъ. Затѣмъ, снарядивъ отрядъ въ 9 ротъ, 2 эскадрона стрѣлковъ, 7½ казачьихъ сотенъ съ 8-ю ракетными станками и 12-ю орудіями, онъ выступилъ изъ Намангана въ первый день Рождества Христова и направился вверхъ по лѣвому берегу Сыръ-Дарьи. Во составѣ этого отряда находились 1-я, 2-я и 5-я сотни съ 4-мя ракетными станками и 10 Сибирскаго полка.

Не смотря на большіе переходы въ гористой мѣстности по глубокому снѣгу, при постоянныхъ вѣтрахъ и частыхъ морозахъ, доходившихъ до 20° Р., войска, хорошо снабженныя теплою одеждой и продовольствіемъ, легко переносили зимнюю стужу. На бивакахъ онѣ размѣщались въ киргизскихъ юртахъ, которыя возились въ обозѣ.

Этотъ отрядъ, почти при ежедневныхъ стычкахъ съ кипчаками, въ одинъ мѣсяцъ обошелъ всю сѣверо-восточную часть ханства, гдѣ уничтожилъ много зимовокъ у возставшихъ киргизъ и затѣмъ вышелъ къ городу Андижану, который имъ былъ занятъ послѣ сильнаго артиллерійскаго обстрѣла.

Здѣсь стало извѣстно, что Автобачи, во главѣ 15000 вооруженнаго народа, приближается къ Андижану. Чтобы не допустить его до города и тѣмъ избѣгнуть уличнаго боя, Скобелевъ выступилъ на встрѣчу Автобачи съ двумя ротами и всей конницей съ 4-мя орудіями Оренбургской батареи.

Ворстахъ въ 12-ти отъ города, со стороны города Асаке, показались передовые кипчаки. Скобелевъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, приказавъ пѣхотѣ идти за казаками возможно скорѣе. Замѣтивъ это движеніе, кипчаки повернули назадъ, а казаки пустились за ними и

такъ влетѣли въ предмѣстье города Асаке, откуда виднѣлись баррикады въ улицахъ. Эти сооруженія были разрушены артиллеріей, а съ приходомъ пѣхоты, отрядъ занялъ и городъ Асаке.

Для дальнѣйшаго преслѣдованія кипчаковъ, Скобелевъ повелъ казаковъ во взводныхъ колоннахъ, имѣя въ первой линіи двѣ Оренбургскихъ и 1½ Семирѣченскихъ сотни съ двумя орудіями и во второй — 1-ю и 5-ю Сибирскія сотни съ ракетной батареей. Конные стрѣлки находились между сотнями второй линіи.

Верстахъ въ двухъ за Асаке изъ-за холмовъ выѣхала большая партія кипчаковъ и начала, было, угрожать лѣвому флангу казаковъ, но заѣздъ двухъ сотенъ въ первой линіи и 5-й Сибирской, заставили ихъ повернуть назадъ. Въ это же время, въ полуверстѣ отъ праваго фланга казаковъ, показалась пѣхотная колонна. Скобелевъ приказалъ ее атаковать. Оренбургская сотня, находившаяся ближе всѣхъ къ неприятелю, съ мѣста бросилась въ шашки; за ней въ уступномъ порядкѣ, понеслись Семирѣченцы и 1-я Сибирская сотня. Въ нѣсколько минутъ сарбазы были изрублены и только небольшая часть ихъ успѣла укрыться въ ближайшихъ садахъ. При видѣ такого страшнаго пораженія своей пѣхоты, кипчаки въ разсыпную скрылись изъ виду. Эта атака стоила намъ всего десяти раненыхъ казаковъ.

Послѣ пораженія подъ Асаке, Автобачи созналъ свое безсиліе продолжать войну, почему и вступилъ въ переговоры о ея прекращеніи; 24-го января Скобелевъ назначилъ ему свиданіе у кишлака Инду.

Въ этотъ день казаки съ конными стрѣлками и двумя орудіями Оренбургской батареи выступили изъ Андижана. Скобелевъ усилилъ свой конвой до 50-ти казаковъ, которые шли съ нимъ въ головѣ колонны. Не до-

ходя одной версты до Инду, онъ остановилъ отрядъ и съ 5-ю офицерами выѣхалъ на 80 шаговъ впередъ. Скоро показался Автобачи съ блестящей свитой въ числѣ 26 человѣкъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій Скобелевъ и Автобачи сошли съ лошадей, а конвойные казаки приблизились къ нимъ. Въ ту же минуту руководитель возстанія и вся его свита торжественно присягнули на подданство Россіи, а за ними изъявили покорность и 400 отборныхъ джигитовъ, находившихся въ кишлакѣ. Послѣ этого акта, отрядъ вернулся въ Андижанъ, гдѣ Скобелевъ обезоружилъ джигитовъ, но оставилъ оружіе Автобачи и его свитѣ.

Примѣру Автобачи послѣдовали и кипчаки,—это многочисленное и воинственное племя, долго не признававшее надъ собой никакой власти. Сартовское населеніе, истощенное междоусобицей, настолько сочувственно высказалось за безусловную покорность побѣдителямъ, что снова признало своимъ ханомъ Насръ-Эдина, который въ декабрѣ вынужденъ былъ переѣхать въ Ходжентъ, подъ защиту русскихъ.

Только Пулатханъ съ каракиргизами оставался въ числѣ недовольныхъ. Этотъ фанатикъ, узнавъ о славѣ Автобачи, совершилъ рядъ злодѣйствъ: онъ зарѣзалъ трехъ братьевъ Автобачи, его сноху и всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 14 казаковъ 6-й сотни 1-го Сибирскаго полка, захваченныхъ въ ноябрѣ между Наманганомъ и Ходжентомъ.

Вечеромъ 26-го января были получены свѣдѣнія, что вся артиллерія Пулатхана находится въ Маргеланѣ. Чтобы захватить ее, рано утромъ 27-го числа былъ высланъ отрядъ подъ начальствомъ Меллера-Закомельскаго, въ составѣ двухъ ротъ, эскадрона стрѣлковъ, 1-й, 2-й и 5-й сотенъ съ четырьмя ракетными станками 1-го Сибирскаго полка, трехъ Оренбургскихъ сотенъ съ 2-мя

ракетными станками, полусотни семирѣченцевъ и 4-хъ орудій Оренбургской батареи.

Этотъ отрядъ выступилъ двумя эшелонами; въ первомъ—вся конница, а во второмъ пѣхота. Верстахъ въ 30-ти отъ Андижана Меллеръ узналъ, что Пулатханъ съ 5000 конницы, 700 сарбазами, 5-ти орудіями и всѣмъ своимъ имуществомъ направился къ Учъ-Кургану, гдѣ и долженъ оставаться въ эту ночь. По разспроснымъ свѣдѣніямъ до Учъ-Кургана съ мѣста полученія извѣстія было отъ 40 до 50 верствъ, по хорошей арбяной дорогѣ.

Зная превосходный духъ казаковъ и выработанную ими подвижность, Меллеръ рѣшилъ произвести на Пулатхана въ эту же ночь нападеніе.

Мѣстность въ указанномъ направленіи представляла равнину, почему казаки двинулись перемѣнными аллюрами. Такъ они шли около 25-ти верствъ, но здѣсь начался отлогій подъемъ въ гору, гдѣ артиллерія стала замѣтно отставать. Далеко осталась назади и пѣхота. Чтобы не упустить ночного времени, благоприятнаго для нападенія, Меллеръ пошелъ впередъ съ конными стрѣлками, 1-й Сибирской, двумя Оренбургскими сотнями и полусотней семирѣченцевъ, съ 6-ю ракетными станками, оставивъ остальные сотни при артиллеріи, приказавъ имъ слѣдовать насколько возможно скорѣе.

Отсюда стали попадаться по сторонамъ дороги отдѣльныя сакли, мимо которыхъ, благодаря наступившей темнотѣ, казаки проходили незамѣченными. Здѣсь же явился лазутчикъ и сообщилъ, что Пулатханъ въ Учъ-Курганѣ и ничего не знаетъ о приближеніи казаковъ.

Не доходя двухъ верствъ до Учъ-Кургана, показалась конная партія, противъ которой развернулась Оренбургская сотня и заѣхала такимъ образомъ, что киргизы были отброшены отъ кишлака.

Кишлакъ Учъ-Курганъ лежитъ въ глубокой лощинѣ горной рѣчки. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ дворовъ и тянется узкою полосою на протяженіи двухъ верствъ. Въ южномъ концѣ его расположена урда, гдѣ, по слухамъ, и находился Пулатханъ.

Когда колонна подошла къ спуску въ лощину, откуда начинается кишлакъ, Меллеръ приказалъ атаковать его и съ этой цѣлью отдалъ слѣдующія распоряженія:

1) Спѣшенные стрѣлки и 1-я Сибирская сотня съ ракетнымъ станкомъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Куропаткина, назначаются для овладѣнія кишлака и урды;

2) 1-я Оренбургская сотня съ полусотней семирѣченцевъ заграждаютъ отступленіе непріятели по дорогѣ въ Каратегенъ;

3) 2-я Оренбургская сотня съ 5-ю ракетными станками и коноводами спѣшенныхъ частей остаются съ начальникомъ отряда у спуска въ лощину.

Въ 10 часовъ вчера штурмовая колонна спустилась съ обрыва. Въ кишлакъ было тихо, но это безмолвіе оставалось недолго; какъ только колонна вошла въ его улицу, послышался шумъ, началась бѣготня и раздались одиночные выстрѣлы. Не отвѣчая на нихъ, колонна продолжала наступать, но вслѣдствіе темноты и изгибовъ улицы, на нее стали нагтыкаться партіи пѣшихъ и конныхъ людей, по которымъ казаки и стрѣлки открыли огонь.

Одна изъ такихъ партій два раза пыталась пробиться вдоль рѣчки, но каждый разъ попадала подъ залпы. Другая партія съ противоположнаго берега открыла учащенную стрѣльбу, но за темнотою ночи не причинила войскамъ потерь и они безостановочно наступали къ урдѣ, которая находилась по другую сторону рѣчки на высокомъ холмѣ. Перебѣжавъ длинный мостъ, перекинутый черезъ рѣчку, колонна опрокинула партію кара-

киргизъ и на ихъ плечахъ ворвалась въ первый дворъ урды. Оставивъ здѣсь часть стрѣлковъ и казаковъ, Куропаткинъ съ остальными кинулся во второй дворъ урды; онъ въ числѣ первыхъ вскочилъ на заваль и овладѣлъ батареей, защитники которой были переколоты у своихъ орудій. Такъ въ нѣсколько минутъ штурмовая колонна овладѣла урдой, но Пулатханъ успѣлъ скрыться.

По занятіи урды, всѣ части коннаго отряда прошли черезъ кишлакъ и расположились въ ней на ночь.

Трофеями этого набѣга и штурма были: 5 орудій, 100 фальконетовъ, 2 бунчука Пулатхана, много ручного оружія, пороха, снарядовъ, 20 барабановъ и все имущество Пулатхана на 189 верблюдахъ.

Наши потери, благодаря темнотѣ и быстротѣ дѣйствій, состояли изъ 6-ти раненыхъ и 5-ти контуженныхъ въ колоннѣ Куропаткина. За штурмъ Учъ-Кургана 1-й Сибирской сотнѣ сотника Десятова пожаловано 14 знаковъ отличія военнаго ордена, а капитану А. Н. Куропиткину орденъ св. Георгія 4-й степени.

На другой день Меллеръ перешелъ въ Асаке, а 27-го числа жители Маргелана вывезли въ отрядъ 16 орудій.

Набѣгомъ въ Учъ-Курганъ закончились военныя дѣйствія пятимѣсячной кампаніи въ Коканскомъ ханствѣ и оно присоединено къ Россіи съ переименованіемъ въ Ферганскую область¹⁾.

Для приведенія въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія, изъ Ташкента выступилъ отрядъ подъ начальствомъ вр. командующаго войсками округа, генерала Колпаковскаго, въ составѣ котораго находились 3-я и 4-я сотни 1-го Сибирскаго полка.

По занятіи столицы ханства города Кокана, генераль Колпаковскій произвелъ смотръ войскамъ Наманганскаго отряда. Казаки представлялись отдѣльно отъ пѣхоты. Это не былъ парадъ мирнаго времени, когда части мно-

го выигрываютъ отъ щеголеватости мундирной одежды; напротивъ, въ этомъ отношеніи казаки поражали глазъ заношенностью своихъ шинелей, папахъ; но за то здоровый видъ ихъ и непоколебимая рѣшимость на лицахъ показывали, что полугодовой періодъ боевой жизни крѣпко закалили этихъ молодцовъ.

На смотръ вышло и выѣхало нѣсколько тысячъ коканцевъ изъ города и окрестныхъ кишлаковъ. Пока казаки на рыси и на наметѣ маневрировали, коканцы только удивлялись ихъ подвижности и стройности заѣздовъ, а когда Скобелевъ развернулъ первую линію въ лаву и пустилъ ее съ гикомъ, огромныя толпы коканцевъ, находившіяся на флангахъ, кинулись бѣжать, хотя казаки и неслись въ противоположную отъ нихъ сторону. Такъ представилась эта мощная сила вр. командующему войсками.

Введеніе русскаго управленія почти нигдѣ не встрѣтило сопротивленія; только на южной границѣ киргизы не хотѣли признать русской власти; они, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, провозгласили своимъ ханомъ Дивану-Худай-Кула, который стоялъ за продолженіе войны.

Противъ Диваны была выслана 1-я Сибирская сотня съ командой конныхъ стрѣлковъ и однимъ орудіемъ. Этотъ отрядъ быстро двинулся въ Алайскія горы и достигъ Дивану у Каракія, гдѣ киргизы, въ числѣ 1000 человѣкъ, были разбиты, причемъ казаки преслѣдовали ихъ 1/2 сутокъ и достигли того, что приверженцы Диваны были разсѣяны, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и волненія между киргизами.

У Каракія партія Диваны потеряла до 100 убитыхъ и раненыхъ киргизъ, 3 бунчука, 2 фальконета, 50 ружей и нѣсколько десятковъ шашекъ, пикъ и батиковъ.

Дальнѣйшая служба казаковъ 1-го Сибирскаго полка въ Ферганской области прошла въ непрерывныхъ по-

ѣздкахъ по городамъ и кишлакамъ, гдѣ спѣшно вводилось русское управленіе подъ личнымъ наблюденіемъ Скобелева,—перваго военнаго губернатора и командующаго войсками этой области. Только глубокою осенью 1876 года Сибирскіе казаки были возвращены въ Сыр-Дарьинскую область, причемъ послѣдними прибыли къ штабу полка въ Ташкентъ 1-я и 2-я сотни.

Изъ этихъ двухъ сотенъ 155 казаковъ подлежали увольненію на льготу. Прямо степью по рѣкѣ Сарысу на Улутавъ и Атбасаръ уже нельзя было идти по случаю наступившей зимы и потому казаковъ направили въ войско по тракту кружнымъ путемъ черезъ гг. Вѣрный, Семипалалинскъ и Омскъ. Они выступили изъ Ташкента въ половинѣ ноября, а прибыли въ Кокчетавъ въ первыхъ числахъ марта 1877 года. Не смотря на снѣжныя мятели и морозы по Сибири, казаки не потеряли ни одной лошади и оставили въ попутномъ лазаретѣ только одного казака за время этого четырехмѣсячнаго въ 3000 верстъ похода.

Такъ окончилась Коканская война, гдѣ за боевые подвиги казаки 1-го Сибирскаго полка получили 348 знаковъ отличія военнаго ордена; много боевыхъ наградъ получили и офицеры полка. Кромѣ того всѣмъ участникамъ этой войны пожалованы свѣтло-бронзовыя медали на Георгіевско-Владиміровской лентѣ, съ надписью: „*За покореніе ханства Коканскаго въ 1875—1876 годахъ*“.

За время Коканской войны потеря полка состояла изъ 85 убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, 43 раненыхъ и 12 контуженныхъ казаковъ, въ томъ числѣ два раненыхъ офицера.

Весь этотъ рядъ непрерывныхъ боевъ съ коканцами казаки Ермака Тимофеева полка вспоминаютъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Слышно бьютъ тревогу,
Становись въ ряды,
Помоляся Богу
Въ поле выходи.

Припѣвъ: { Слава русскому Царю,
Слава и казакамъ,
И двухглавому орлу
Ермаковцамъ хватамъ.

Тихо катить волны
Старый другъ Дарья;
Сумракъ, ночи темны,—
Это не бѣда.

Припѣвъ.

Мѣшкать намъ нѣтъ время,
Нужно штурмовать.
Басурмановъ племя
Намъ въ полонъ не брать.

Припѣвъ.

Они кожи драли,
Они жгли живыхъ;
На колья сажали,
Не жалѣй же ихъ.

Припѣвъ.

Въ плѣнъ живымъ имъ даться,
Боже сохрани,
Будутъ надругаться
Надъ тобой они.

Припѣвъ.

Смѣлымъ Богъ владѣеть—
Нечего робѣть;
Если одолѣютъ,
Лучше умереть.

Припѣвъ.

IX.

Въ Джамскомъ походѣ 1878 года.

Послѣ Коканской войны, сотни 1-го полка разошлись по городамъ: Ходжентъ, Чимкентъ, Аулиеата, Туркестанъ и только двѣ сотни со штабомъ полка остались въ Ташкентѣ.

Тогда же 1-й полкъ принялъ подполковникъ И. И. Порембскій.

Началась, было, опять конвойная служба, но, благодаря перевооруженію казаковъ винтовками Бердана и приготовленіямъ къ новой войнѣ, командующій войсками возложилъ всѣ этапы на мѣстныя войска. Кромѣ того, онъ сократилъ нарядъ вѣстовыхъ. Эта мѣра сдѣлала то, что по одному городу Ташкенту число ихъ уменьшилось съ 120 человекъ до 17 казаковъ и 1 урядника.

Въ это же время полкъ началъ готовить инструкторовъ для обученія казаковъ обращенію съ новыми винтовками. Это серьезное дѣло было поручено сотнику Нуджевскому и въ его распоряженіе было отправлено отъ каждой сотни по одному уряднику и 10 казаковъ. Онъ далъ полку образцовыхъ учителей, благодаря которымъ казаки скоро освоились съ новымъ оружіемъ и на первыхъ же порахъ дали отличные результаты по стрѣльбѣ.

Въ концѣ октября 1877 года всѣ сотни были собраны въ укрѣпленіе Ура-тюбе, куда перешелъ и штабъ полка. Здѣсь казакамъ были отведены полуразрушенныя казармы. Офицерскія помѣщенія были не лучше казачьихъ; они также два года стояли безъ оконъ и дверей, и теперь, когда начались осенніе дожди, приходилось все это наскоро устраивать.

Въ это же время приказано было пройти первый курсъ стрѣльбы изъ берданокъ. Гористыя окрестности

Ура-тюбе въ зимнее время часто покрываются такимъ непроницаемымъ холоднымъ туманомъ, что нѣтъ возможности различать предметы въ нѣсколькихъ шагахъ. Въ такіе дни нерѣдко сотни выѣзжали на стрѣльбу съ запасомъ дровъ и на линіи огня разводили костры, у которыхъ казаки обогрѣвали свои оконченѣлыя руки, ожидая пока не разойдется туманъ.

Но все это полкъ поборолъ: курсъ стрѣльбы былъ пройденъ, помѣщенія, насколько возможно, оборудованы и только въ санитарномъ отношеніи казаки сильно пострадали. Не смотря на отличное питаніе людей, они заболѣвали упорными лихорадками, которыя съ февраля перешли въ тяжелыя формы тифа. Развитію этихъ болѣзней много способствовали невылазная грязь на дворѣ и частые туманы съ рѣзкимъ холоднымъ вѣтромъ. Но больше всего подорвали здоровье людей казармы; всю зиму въ нихъ было душно и мрачно; всюду выступала подпочвенная вода изъ земляныхъ половъ, и въ то же время дождевая протекала съ потолковъ плоскихъ камышевыхъ крышъ, залитыхъ глиной. Въ этой убійственной обстановкѣ полкъ потерялъ нѣсколько казаковъ, которые послѣ малярійной лихорадки не могли перенести сыпного тифа.

Въ мартѣ 1878 года стало извѣстно, что полкъ назначается въ походъ на югъ, въ глубь Афганистана. Когда все было готово къ выступленію, въ составъ отряда назначили 1-ю, 2-ю, 5-ю и 6-ю сотни со штабомъ полка. Это было сдѣлано съ той цѣлью, чтобы выдѣлить всѣхъ больныхъ и не оправившихся отъ болѣзней казаковъ и замѣнить ихъ вполнѣ здоровыми изъ частей, остающихся отъ похода. Такъ было поступлено во многихъ частяхъ, назначенныхъ въ составъ отрядовъ.

Войска, назначенныя въ походъ, дѣлились на три отряда: Амударьинскій, Ферганскій и Главный.

Амударьинскій отрядъ въ 6 ротъ, 2 сотни, 4 орудія шель изъ Петроалексадровска вверхъ по Аму-Дарьѣ до встрѣчи съ Главнымъ.

Ферганскій—въ 6 ротъ, 3 сотни, 6 орудій и 4 ракетныхъ станка слѣдовалъ изъ Маргелана черезъ Алайскія горы на городъ Гармъ и далѣе къ Ширъ-Абаду.

Въ составъ Главнаго отряда, формировавшагося въ Самаркандѣ подъ начальствомъ генерала Троицкаго, входили: 48 ротъ, 21 казачья сотня, 40 орудій и 8 ракетныхъ станковъ.

Движеніе въ Афганистанъ въ іюль, въ самую жаркую пору года, вызвало особыя попеченія о сохраненіи здоровья людей, на что и было обращено особенное вниманіе командующаго войсками округа, генерала Кауфмана,---главнаго начальника всѣхъ отрядовъ.

Штабъ полка, 1-я, 5-я и 6-я сотни выступили изъ Ура-тюбе 21-го іюня и направились къ Самарканду черезъ селенія Зааминъ, Нансангинъ и укрѣпленіе Ключевое; 2-я сотня еще въ маѣ была вызвана въ Ташкентъ и оттуда слѣдовала до Самарканда съ главной квартирой.

На стоянкѣ у Ключевого сотни встрѣтили 5-ю Оренбургскую казачью батарею Топорнина, съ которой и должны были слѣдовать до Самарканда. На другой день, когда уже казаки готовы были къ выступленію, къ ихъ фронту подѣхалъ генералъ Кауфманъ и приказалъ эшелону слѣдовать за его экипажемъ. Съ мѣста на рысяхъ побѣжала почтовая тройка, а за ней казаки, имѣя между сотнями лихую батарею. Такъ они, съ одной небольшой остановкой въ историческомъ ущельѣ Тамерлана, шли рысю весь 20-ти верстный перегонъ и одновременно съ командующимъ войсками прибыли на станцію.

Утромъ 3-го іюля полкъ въ составѣ четырехъ сотень выступилъ изъ Самарканда на урочище Дарганъ:

а затѣмъ, пройдя Читъ-арыкъ, прибылъ въ Джамъ 6-го іюля.

Дальнѣйшее движеніе войскъ къ Ширъ-Абаду было рассчитано по эшелонно, но 17-го іюля послѣдовало распорядженіе о расформированіи отрядовъ.

Какъ ни кратковременно было пребываніе войскъ на границѣ Бухары, но оно оставило по себѣ самое тяжелое воспоминаніе. Небольшое селеніе Джамъ, давно оставленное жителями и, какъ говоритъ преданіе, когда-то служившее мѣстомъ ссылки бухарскихъ преступниковъ, расположено на юго-восточномъ склонѣ небольшихъ возвышенностей подъ названіемъ Чунакъ-ата. Во время остановки здѣсь отряда, оно состояло изъ нѣсколькихъ полуразрушенныхъ строеній и одного въ двѣ—три сакли постоялаго двора, построеннаго на берегу мелководной рѣчки, которая, благодаря слабому теченію и глинистымъ берегамъ, имѣетъ постоянно мутную воду. Окружающая мѣстность, лишенная растительности, представляетъ ряды невысокихъ холмовъ, покрытыхъ множествомъ могилъ; эти грустные памятники свидѣтельствовали о бывшей когда-то тамъ огромной смертности.

На другой день стоянки отряда, рыхлая земля, всюду изрытая норами сусликовъ, превратилась въ толстый слой микроскопической пыли, которая при постоянномъ движеніи людей и животныхъ, начала подниматься огромными клубами вверхъ и такъ оставалась надъ лагеремъ

Здѣсь же настоящее царство фалангъ и скорпіоновъ, которые безцеремонно ползали въ палаткахъ, залѣзали на подушки, въ тарелки, чемоданы, а иногда и на людей. Какъ ни старались уничтожить этихъ гадовъ, но все было напрасно: вмѣсто убитыхъ появлялись новые и въ такомъ же огромномъ числѣ. Замѣчательно, что скорпіоны и фаланги почти не трогали людей. При той массѣ ихъ, которая ежеминутно выползала ночью на

огни, за время стоянки въ Джамѣ, въ полку было только два случая укуса и то, вѣроятно, потому, что казаки во снѣ старались ихъ сбросить.

Стоянка на такой рыхлой почвѣ, въ жгучую 45° жару и при отсутствіи порядочной воды, не могла не вліять на здоровье людей, хотя всѣ рекомендованныя врачами правила исполнялись войсками чрезвычайно строго. Страшная духота въ воздухѣ доводила всѣхъ до изнеможения и потери силъ. Люди лишились аппетита; они только ѣли по нѣскольку ложекъ супа, а мясо зарывали въ землю. Зато чайники съ чаемъ не выносились изъ палатокъ офицеровъ по цѣлымъ днямъ; казаки, конечно, не могли такъ часто пользоваться этимъ драгоценнымъ въ степи напиткомъ, а потому, чтобы хотя на нѣкоторое время утолить жажду, начали пить сырую воду изъ мутной рѣчки.

Много лишеній испытывали войска въ хивинскихъ степяхъ, но, кажется, и тамъ было легче. Въ Кызылкумахъ жаркіе, душные дни почти всегда смѣнялись прохладными ночами; здѣсь же ни днемъ, ни ночью люди не знали покоя. Окружающія высоты, накаляясь отъ солнца, удерживали теплогу на всю ночь и обдавали людей горячимъ воздухомъ, какъ изъ раскаленной печи. Истомленные за день мучительной жаждой, люди всю ночь продолжали обливаться потомъ и только подъ утро забывались тревожнымъ сномъ, но и то ненадолго, — первые лучи солнца всѣхъ подымали. Пробовали купаться, но и это не помогало; мутная и теплая вода ручейка скорѣе расслабляла, чѣмъ укрѣпляла человѣка.

Все это не замедлило отразиться на здоровьѣ людей: во всѣхъ частяхъ появились больные лихорадкой и дизентеріей. Эти страшныя болѣзни въ степи слѣдали невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе войскъ въ Джамѣ, почему головной эшелонъ 10-го іюля былъ переведенъ

на 12 верстъ назадъ. Урочище Анджерли, гдѣ остановился головной эшелонъ, было обильнѣе водой, и, кромѣ того, вблизи лагеря находились прекрасные ключи. Войска стали на твердо-песчаномъ грунтѣ, хотя и у подошвы тѣхъ же высотъ, но въ этомъ мѣстѣ онѣ были покрыты небольшой растительностью, которая умѣряя дневной жаръ, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожала и ночную духоту.

Утромъ 13-го іюля генераль Кауфманъ посѣтилъ войска на Анджерли; онъ осмотрѣлъ весь лагерь, вездѣ въ частяхъ пробовалъ пищу и нашелъ ее превосходной, но обратилъ вниманіе на санитарное состояніе войскъ, стоявшихъ въ Джамѣ; оно было весьма серьезно. Въ этотъ день въ полку было при околдкѣ 84 человекъ и 6 казакъ въ походномъ лазаретѣ,—всѣ съ желудочными заболѣваніями.

Чтобы ослабить болѣзни, было вмѣнено въ особую обязанность дежурнымъ въ частяхъ строго слѣдить, чтобы нижніе чины не купались сейчасъ же послѣ учений или разныхъ нарядовъ со службы; чтобы жажда утолялась преимущественно чаемъ или отварной водой, въ особенности послѣ горячей мясной пищи; свѣжую ключевую воду разрѣшалось пить только въ крайней необходимости; всѣмъ же неоправившимся отъ болѣзней безусловно воспрещалось пить сырую воду и купаться.

Отрядный базаръ находился подъ самымъ строгимъ контролемъ, для чего ежедневно назначались особые офицеры, на обязанности которыхъ лежало совсѣмъ не допускать продажи фруктовъ, привозимыхъ туземцами въ лагерь; они же слѣдили за чистотой бивака и въ особенности отхожихъ ямъ, которыя ежедневно засыпались и вырывались новыя. Но и эти мѣры не помогли; лагерь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе загрязнялся. Многіе нижніе чины и даже офицеры, страдая дизенте-

ріей, не всегда въ состояніи были добѣгать до указанныхъ мѣстъ, а садились на полпути. Трудно представить, какія послѣдствія имѣла бы злополучная стоянка въ Джамѣ, если бы войска не были направлены обратно. За 10 дней пребыванія на границѣ Бухары, изъ 650 отборныхъ, вполне здоровыхъ казаковъ, полкъ оставилъ въ походномъ лазаретѣ 46 человекъ, имѣя 70 слабыхъ при сотняхъ и всѣхъ офицеровъ больными дизентеріей. Не въ лучшихъ условіяхъ возвращались и остальные части передового отряда.

Въ полдень 24-го іюля полкъ прибылъ въ Самаркандъ и сталъ бивакомъ на Чупанатинскихъ высотахъ, верстахъ въ трехъ отъ города и почтовой дороги на Ташкентъ.

Въ это время Зарявшанъ былъ въ сильномъ разливѣ; онъ вышелъ изъ береговъ и совершенно уничтожилъ переправу на почтовомъ трактѣ.

На свѣту 26-го числа обозы направились къ броду, отысканному джигитами въ нѣсколькихъ верстахъ отъ почтовой дороги. Полковой обозъ, состоявшій изъ большихъ туземныхъ арбъ, при помощи казаковъ переправался благополучно; настала очередь сотенъ; онѣ въ колоннѣ по три шли за проводникомъ, который, измѣряя глубину дна шестомъ, все время дѣлалъ крутые повороты то вверхъ, то внизъ по теченію рѣки. Было 9 часовъ утра; вода все прибывала и начала уже бить подъ потники; сотни медленно шли одна за другой, стараясь не разорваться и не потерять направленія. Онѣ уже были на половинѣ рѣки, какъ на одномъ крутомъ поворотѣ снизу вверхъ головная сотня всплыла и въ ней вырвало изъ строя двухъ казаковъ. Въ этомъ мѣстѣ, всего на разстояніи 8—10 шаговъ, Зарявшанъ страшно бушевалъ; онъ шелъ такой могучей волной, которая еще издали рельефно выдѣлялась въ общей массѣ воды. Каза-

ки, вырванные изъ строя, вертѣлись какъ щепки, вмѣстѣ съ лошадьми и ихъ быстро уносило внизъ по теченію. Но счастью, одному удалось освободиться отъ коня и онъ удержался на мели, а другого такъ и унесло вмѣстѣ съ лошадей¹).

Перейдя обратно ущелье Тамерлана, казаки невольно перенеслись мысленно къ долиноѣ Ферганы, которая такъ близко была отсюда. Тамъ два года тому назадъ ихъ братья, одностаничники и друзья, стяжали въ бояхъ громкую славу и возвращались обратно не въ арбахъ съ краснымъ крестомъ, какъ многимъ пришлось послѣ Джама, а съ побѣдными пѣснями въ строю на коняхъ и съ крестомъ на груди.

Вотъ еще одна изъ Кавказскихъ пѣсень, передѣланная казаками на память о Коканской войнѣ:

Полуночь наступаетъ,
Луна горитъ свѣтло;
Отрядъ нашъ выступаетъ
Съ бивака своего.

Припѣвъ: { Здѣсь горныя вершины
Видны со всѣхъ концовъ;
Ферганскія долины
Кладбище удалцовъ.

Идти намъ недалеко
Отъ города къ горамъ,
Тѣ горы—то высоко
Оказываютъ намъ.

Припѣвъ.

Но горъ мы не страшимся,
Ихъ скоро перейдемъ;
Кипчаковъ не боимся,
Послѣдки ихъ добьемъ.

Припѣвъ.

И вотъ всѣ тѣ поляны,

Гдѣ кровь лилась рѣкой,
Гдѣ крѣпко басурманы
Дрались за край родной.

Припѣвъ.

Мы долго не забудемъ,
Коканскую войну
И дѣтямъ пѣть мы будемъ,
Какъ брали Фергану.

Припѣвъ.

За труды и лишения, перенесенные войсками за время стоянки на Бухарской границѣ, Высочайше повелено этотъ походъ, подъ названіемъ «Джамскаго» считать за военный.

Изъ Джузака 5-я и 6-я сотни были направлены въ Ура-Тюбе и Ходжентъ, а штабъ полка съ 1-й и 2-й сотнями въ Ташкентъ. Тогда же изъ Ура-Тюбе переведены 3-я сотня въ Чимкентъ и 4-я въ Ауліеата.

Х.

Въ Кульджинскомъ походѣ 1880 года.

Послѣ Джамскаго похода служба казаковъ 1-го полка состояла, главнымъ образомъ, въ конвоированіи топографовъ, тогда дѣятельно производившихъ работы въ нагорныхъ раіонахъ Туркестанскаго края. Изъ числа такихъ командировокъ, часто сопряженныхъ съ большими лишеніями, была поѣздка семи казаковъ съ полковникомъ Матвѣевымъ въ нагорную часть Каферистана. По свидѣтельству Матвѣева, казаки много способствовали достиженію успѣшныхъ результатовъ экспедиціи¹⁾.

Въ 1879 году Порембскій былъ перемѣщенъ на должность командира 3-го Сибирскаго полка въ Зайсанъ, а 1-й полкъ принялъ подполковникъ П. М. Халдѣевъ.

Халдѣевъ прибылъ въ Ташкентъ въ январѣ 1880 года, когда всѣ сотни, собранныя къ штабу полка, снова готовились къ походу. На этотъ разъ полкъ снаряжался въ Кульджу. Это передвиженіе было вызвано осложненіями съ Китаемъ по поводу обратной передачи Кульджинскаго края, занятаго нами въ 1871 году.

Тогда изъ Ташкента выступили въ Семирѣченскую область: рота саперъ, Туркестанская бригада стрѣлковъ, рота линейцевъ, 1-й Сибирскій полкъ и 5-я Оренбургская казачья батарея. Всѣ эти войска двигались эшелонами, причемъ сотни 1-го полка составляли три эшелона: № 5-й — 1-я и 2-я, № 7-й — 4-я и 5-я со штабомъ полка и № 8-й — 3-я и 6-я.

Седьмой эшелонъ прибылъ въ Кульджу 4-го іюня, но уже не засталъ пятаго, сотни котораго, въ день своего прихода, 2-го іюня, выступили на передовую линію. Восьмой эшелонъ съ Пишпека былъ направленъ въ Караколь, куда и прибылъ 25-го мая. Здѣсь сотни встрѣтили 4-й стрѣлковый баталіонъ съ музыкой и угостили

казаковъ обѣдомъ. Такая же встрѣча была и у седьмого эшелона съ 2-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, когда эти части сошлись въ укрѣпленіи Мерке. Подобныя товарищескія отношенія Туркестанскихъ войскъ начались съ первыхъ дней завоеваній въ Средней Азій. Эти дороги традиции особенно поддерживались между бригадой стрѣлковъ, 5-й Оренбургской казачьей батареей и 1-мъ Сибирскимъ полкомъ, которыхъ боевая служба и совмѣстная стоянка въ мирное время, связали въ одну дружную семью и въ этихъ частяхъ не было другихъ названій, какъ «наши стрѣлки», «наша батарея», «нашъ полкъ».

Когда въ половинѣ апрѣля войска выступили изъ Ташкента, во многихъ мѣстахъ, по логамъ, лежалъ еще снѣгъ. Нужно замѣтить, что въ этомъ году, благодаря многоснѣжной зимѣ и сильнымъ морозамъ, туземцы потеряли много скота отъ безкормицы. Эти послѣдствія суровой зимы не могли не вліять и на передвиженія войскъ, но тѣмъ не менѣе полкъ, хорошо обставленный матеріально и снабженный деньгами на всякія случайности въ пути, шелъ безостановочно по двѣ станции въ день, дѣлая дневки только у попутныхъ магазиновъ, гдѣ можно было взять запасы фуража и провіанта.

Разстояніе 1340 верстъ отъ Ташкента до Кульджи было пройдено въ 47 дней при десяти дневкахъ. И въ этомъ походѣ, какъ всегда у генерала Кауфмана, довольствіе людей было обставлено прекрасно; казаки получали добавочный полуфунтъ мяса и чай съ сахаромъ два раза въ день. Ихъ пища все время разнообразилась: щи приготовлялись изъ сушеной капусты или прессованной зелени, а съ границы Семирѣченской области— и изъ листьевъ молодого барбариса или шевеля. Каша рисовая, просенная или ячменная варились со свѣжимъ саломъ ежедневно, а щи чередовались съ супомъ и лапшей.

За время похода генераль Кауфманъ два раза осмотрѣлъ полкъ: „Во время моей поѣздки въ Семирѣченскую и Ферганскую области“,—объявлялось въ его приказахъ по войскамъ Туркестанскаго округа,—„я имѣлъ случай осмотрѣть части войскъ, входящія въ составъ расположенныхъ тамъ отрядовъ; будучи каждый разъ доволенъ состояніемъ всѣхъ осмотрѣнныхъ мною войскъ, мое вниманіе, однако, какъ въ Кульджинскомъ раіонѣ, такъ и на Алаѣ привлекалось прекраснымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніемъ тѣхъ частей, которыя поступили въ составъ отрядовъ изъ Сыръ-Дарьинской области; Туркестанская стрѣлковая бригада, 3-й Западно-Сибирскій линейный баталіонъ, 1-й полкъ Сибирскаго казачьяго войска и 5-я Оренбургская казачья батарея, по молодцеватому, здоровому виду солдатъ и казаковъ, по своему отличному строевому образованію выдѣлялись изъ числа линейныхъ и казачьихъ войскъ, входящихъ въ составъ Кульджинскаго и Ферганскаго отрядовъ“.

Въ этомъ походѣ, въ составѣ полка находилось много кавалеровъ урядниковъ и казаковъ, имѣвшихъ знаки отличія военнаго ордена за боевые подвиги, оказанные ими въ Коканской войнѣ 1875—1876 годовъ.

Кульджинскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Кошаковскаго, состоялъ изъ 30-ти ротъ, 20-ти казачьихъ сотенъ, 24-хъ орудій, одной мортирной и одной ракетной батарей.

Для наблюденія за горными проходами въ сѣверной части Кульджинскаго раіона было выставлено нѣсколько отрядовъ, которые находились въ вѣдѣніи полковника Куропаткина по званію начальника авангарда.

Вначалѣ передовые отряды были расположены въ Талкинскомъ ущельѣ и на урочищѣ Ачалъ, которое прикрываетъ Цитаргинскій переваль. Съ приходомъ войскъ изъ Ташкента, Талкинскій отрядъ былъ усиленъ бата-

ліономъ стрѣлковъ съ двумя орудіями и Ачальскій—линейнымъ баталіономъ съ двумя горными орудіями и 4-й сотней 1-го Сибирскаго полка. Для связи этихъ отрядовъ были поставлены на урочищѣ Турасу 1-я, 2-я и 5-я сотни со штабомъ 1-го полка.

Направляя войска на передовую линію, Куропаткинъ и самъ выѣхалъ туда, чтобы на мѣстѣ указать постановку постовъ. Прибывъ на Турасу, онъ приказалъ выслать офицерскій разъѣздъ черезъ горы Борохоро въ долину рѣки Кызымчикъ, гдѣ и ожидать его со стороны Ачала.

На свѣту 19-го іюня разъѣздъ изъ пяти офицеровъ и 25 казаковъ выступилъ изъ Турасу и, переваливъ горы Борохоро, остановился въ долинѣ рѣки Кызымчикъ, въ 40 верстахъ отъ штаба полка. Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, къ турасуйскому разъѣзду подѣхалъ начальникъ авангарда съ полусотней 4-й сотни. На другой день, осмотрѣвъ окрестности въ направленіи Императорской дороги и указавъ мѣсто для расположенія турасуйскаго передового поста, онъ вернулся на бивакъ Турасуйскаго отряда, откуда 21-го числа выступилъ со 2-й сотней на переваль Кертасъ. Здѣсь онъ оставилъ сотню, а самъ, верховьями рѣки Кызымчикъ, проѣхалъ въ Талкинскій отрядъ, гдѣ его застало распоряженіе, чтобы наши отряды и разъѣзды не переходили границы и тѣмъ не вызывали столкновенія съ китайцами. Но это распоряженіе запоздало; казачьи посты уже стояли на китайской сторонѣ.

Съ разстановкою передовыхъ постовъ явилась необходимость расчистить пути, по которымъ двигались разъѣзды. Эти работы были исполнены казаками; они расширили тропинки, какъ въ камышевыхъ и кустарныхъ заросляхъ долины рѣки Кызымчикъ, такъ и на перевалахъ Борохоро, черезъ который пролегали вьючныя дороги къ отрядамъ.

Въ это же время стали ходить слухи о воинственномъ настроеніи китайцевъ. Хотя эти свѣдѣнія и не отличались положительностью, но пренебрегать ими было нельзя уже по одному тому, что дѣйствительное положеніе дѣлъ у китайцевъ намъ не было извѣстно. Мы почти не знали и мѣстности пограничной полосы. На это обстоятельство обратилъ особенное вниманіе начальникъ авангарда; онъ по всѣмъ направленіямъ разослалъ офицеровъ для производства маршрутныхъ съемокъ и описанія дорогъ, которыя пролегали черезъ горы Борохоро.

Въ концѣ іюня въ долинѣ Кызымчикъ показались китайскіе разѣзды, выславшіеся съ озера Эбинора, обильнаго порослями камыша, гдѣ, для корма лошадей, остановилось нѣсколько кавалерійскихъ лянзъ, прибывшихъ изъ городовъ Шихо, Урумчи и Манаса.

Появленіе китайской кавалеріи въ сосѣдствѣ съ нашими передовыми постами, вызвало усиленіе ихъ, и съ этой цѣлью 2-я сотня была переведена въ верховья рѣки Кызымчикъ, а 4-я поставлена на урочищѣ Уланъбулакъ, почти противъ озера Эбинора и въ 23-хъ верстахъ отъ передоваго Турасуйскаго поста, который былъ также усиленъ до полусотни казаковъ.

Такъ войска Кульджинскаго отряда оставались на передовой линіи до октября, а въ половинѣ этого мѣсяца они стали выступать на зимнія квартиры. Въ это же время прибыли изъ Каракола въ Кульджу 3-я и 6-я сотни.

Для обезпеченія Кульджинскаго раіона на случай вторженія китайцевъ зимой, были оставлены передовые отряды:

а) Въ Талкинскомъ ущельѣ рота и полусотня 2-й сотни 1-го полка.

б) На Ачалѣ — рота съ 5-й сотней 1-го полка и взводомъ горныхъ орудій и

в) Въ селеніи Ямату—рота съ 3-й сотней 1-го полка.

Каждый изъ этихъ отрядовъ, въ свою очередь, выставилъ казачьи передовые посты у озера Сайрамнора, на Уланъ булакъ и на рѣкѣ Кашъ.

Ближайшими резервами этихъ отрядовъ служили: двѣ роты съ дивизиономъ пѣшихъ орудій и полусотней 2-й сотни въ Суйдунъ и рота со взводомъ конныхъ орудій и 1-й сотней въ селеніи Восточный Мазаръ.

Общій резервъ изъ 10-ти ротъ, 4-хъ орудій Оренбургской батареи и 4-й и 5-й сотенъ со штабомъ 1-го полка находились въ Кульджѣ.

На передовые отряды возлагалось уничтожать разбойничьи шайки; не пропускать контробанды; наблюдать, чтобы не было тайныхъ сношеній между китайцами и калмыками, сибо и солонами, населяющими Кульджинскій край; собирать свѣдѣнія о настроеніи, какъ этихъ послѣднихъ, такъ и китайцевъ.

Всѣ передовые отряды и посты были размѣщены: Мазарскій и Талкинскій въ киргизскихъ юртахъ съ двойнымъ рядомъ кошемъ; Яматинскій въ юртахъ и землянкахъ; Ачальскій и Уланбулакскій въ плетневыхъ баракахъ и Кызымчикскій въ бревенчатой избѣ.

Во всѣхъ баракахъ, юртахъ и землянкахъ были устроены нары и поставлены желѣзныя печи, которыя казаки обложили сырцевымъ кирпичемъ и обмазали глиной. Такія печи довольно хорошо сохраняли теплоту. На случай зимняго похода казаки завели себѣ ватные халаты, надѣваемые подъ шинель, и большіе сапоги съ валеными изъ шерсти чулками.

Служба казаковъ, особенно Талкинскаго и Ачальскаго отрядовъ, на которыхъ лежало наблюденіе за Императорской дорогой и долиной рѣки Кызымчикъ, требовала большой бдительности; они, поддерживая дру-

жескія отношенія съ китайцами, которые все чаще и чаще стали посѣщать наши передовые отряды, должны были еще слѣдить и за шайками барантачей изъ дунганъ, появившихся на передовой линіи и даже въ тылу отрядовъ для грабежа проходившихъ каравановъ. Нѣсколько набѣговъ и особенно набѣгъ хорунжаго Самсонова, разсѣяли шайки дунганъ и они очистили пути, на которыхъ стояли отряды.

Не мало лишениій пришлось казакамъ испытать и отъ многоснѣжной зимы этого года. Глубокіе снѣга иногда совершенно прекращали сообщеніе между отрядами; такъ, въ декабрѣ уѣздная администрація распорядилась киргизскими табунами проложить дорогу по Цитартинскому ущелью, страшно заваленному снѣгомъ. Но и послѣ того, переваль этотъ представлялъ много затрудненій для движенія даже мелкихъ разѣздовъ.

Служба двухъ сотенъ въ Кульджѣ состояла въ томъ, что онѣ поддерживали сообщенія съ передовыми отрядами и конвоировали чиновъ администраціи во время объѣзда участка. Но независимо отъ величины служебнаго наряда, казаки Кульджинскихъ сотенъ, въ полномъ наличномъ составѣ и вмѣстѣ съ Оренбургской батареей, еженедѣльно, не смотря ни на какую погоду, выѣзжали на проѣздки въ направленіи передовыхъ отрядовъ. Вначалѣ эти проѣздки не превышали 20, а къ веснѣ 1881 года онѣ дошли до 50-ти верстъ. Тогда же часто устраивались офицерскія скачки на разстояніи 15—20 верстъ и завершились 80-верстнымъ пробѣгомъ.

Въ томъ же 1881 году Ермака Тимофеева полкъ разстался съ 5-й Оренбургской казачьей батареей; она была направлена обратно въ Ташкентъ, а полкъ остался въ Кульджѣ. На проводахъ было спѣто нѣсколько общихъ пѣсенъ о совмѣстныхъ боевыхъ дѣлахъ полка и батареи въ Коканскомъ походѣ и въ томъ числѣ:

Вспомнимъ, братцы, про былое.
Какъ мы въ оны времена,
Крѣпко бились, брали съ бою
У коканцевъ знамена.

Припѣвъ: { Гремить слава трубой.
Мы дралися за Дарьей;
По холмамъ твоимъ Чиназь,
Разнеслась слава про насъ.

Мы летали соколами
Вдоль коканскихъ кишлаковъ,
Гдѣ всегда побѣды съ нами
Были славой казаковъ.

Припѣвъ.

Какъ у крѣпости Махрама,
Абдрахманъ, было, собралъ,
Много тысячъ басурмана,
Но и тутъ не устоялъ.

Припѣвъ.

Онъ сзывалъ ихъ поголовно,
Старыхъ, малыхъ—всѣхъ съ собой
И поставилъ ихъ такъ славно,
Будто-бы какъ на убой.

Припѣвъ.

Скоро пушки загремѣли.
По полямъ разнесся дымъ...
Вдругъ кипчаки заревѣли.
„Русскимъ жару заладимъ.

Припѣвъ.

Нашъ полковникъ улыбнулся.
И казакамъ лишь мигнулъ...
Тутъ коканецъ взадъ рванулся
И бекъ тоже повернулъ.

Припѣвъ.

Онъ съ досады чуть но плачетъ,
Не успѣлъ вскричать „алла“.
Какъ народъ его ужъ скачетъ
Вдоль Махрамскаго села.

Припѣвъ.

За этой пѣсней былъ спѣтъ традиціонный прощальный полковой припѣвокъ:

Расходя, разъѣжая,
Кому спать, ночевать,
Тотъ стелись да ложись.
Кому ѣхать домой,—
Тотъ сѣдай, да ступай.

И „наша“ батарея тронулась въ далекій путь, напутствуемая благопожеланіями друзей и товарищей.

За время Кульджинскаго похода было нѣсколько видныхъ командировокъ казаковъ 1-го полка. Такъ взводъ съ консуломъ Шишмаревымъ ходилъ въ Шихо. Эта поѣздка не была сопряжена съ особыми лишеніями для конвоя: китайцы вездѣ выставляли продовольствіе и отводили квартиры казакамъ, но она обращаетъ на себя вниманіе большими и продолжительными переходами въ зимнее время. Выступивъ съ Турасу вначалѣ октября, взводъ подъ командой сотника Панкова*) вернулся въ Кульджу 4-го декабря. За эту командировку казаки побывали въ городахъ Шихо, Джинхо, Такіазни, въ Бараталинской долинь и въ Чегучакѣ. Всего было пройдено болѣе 1500 верстъ.

Одновременно съ этимъ 10 казаковъ съ урядникомъ находились въ конвоѣ капитана Петрова, командированнаго изъ Кульджи въ Кашгаръ. Петровъ выѣхалъ въ концѣ ноября, когда вообще всѣ перевалы черезъ Тяньшаньскій хребетъ чрезвычайно затруднительны даже для одиночныхъ всадниковъ. Онъ направился Музарт-

*) Въ числѣ полковника убитъ въ Русско-Японской войнѣ 1904 г.

скимъ переваломъ. Этотъ путь со стороны долины рѣки Текеса начинается отлогимъ подъемомъ. Съ седьмой версты дорога втягивается въ узкое ущелье, гдѣ мѣстами приходится спѣшиваться и вести лошадей въ поводу по узкимъ первобытнымъ мостикамъ, перекинутымъ черезъ бурные потоки. На 20-й верстѣ ущелье расширяется и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается величественный видъ на снѣжныя вершины Поднебесныхъ горъ. Отъ этого мѣста до рѣки Арчалы всѣ скаты горъ покрыты вѣковымъ еловымъ лѣсомъ.

На 50-й верстѣ переваль достигаютъ 12000 футовъ и здѣсь же начинается лощина вѣчнаго льда, изрытая глубокими трещинами. Эта ледяная площадь тянется около 8-ми верстъ и оканчивается крутымъ, въ видѣ обрыва, спускомъ въ долину Кашгара, гдѣ зимой не только вещи, но и животныхъ приходится спускать на веревкахъ.

Два дня Петровъ шелъ отъ подошвы горъ до подъема, причемъ на второмъ переходѣ его застигла снѣжная мятель. На другой день, поднимаясь на переваль, казаки все время работали киркой, вырубая ступени въ ледяной корѣ, безъ чего и хорошо подкованныя лошади не могли взбираться на подъемъ. Съ той и другой стороны этой узкой ледяной дороги шли отвѣсныя пропасти и обойти ихъ не было возможности.

Но еще большихъ усилій потребовалъ спускъ въ долину Кашгара. Первымъ скатился капитанъ Петровъ; онъ сѣлъ на воловью кожу, привязанную къ длиннымъ веревкамъ, за которыя ухватились казаки. „И смѣшно и страшно было смотрѣть, какъ нашъ капитанъ покатился“,—говоритъ участникъ этой поѣздки, урядникъ Степановъ.

За Петровымъ спустили всѣ вещи; когда же очередь дошла до лошадей и ихъ подвели къ спуску, то несчастныя животныя начали трястись какъ въ лихорадкѣ.

Лошадей также привязывали къ веревкамъ и осторожно сталкивали съ обледенѣлой покатоги. Хотя этотъ пріемъ и увѣнчался успѣхомъ, казаки не потеряли ни одной лошади, но за то и не было такой, которая бы не оцарапала себѣ головы, ногъ, боковъ.

У подошвы спуска казаковъ застигла темная морозная ночь съ сильнымъ вѣтромъ. Ни дровъ, ни сѣна не было. Казаки имѣли при себѣ сухари и по куску жареной баранины. Лошадямъ была выдана увеличенная дача ячменя; но и привычныя ко всякимъ невздамъ лошади казаковъ, отъ страшной стужи обѣли другъ другу хвосты.

На четвертый день Петровъ добрался до Кашгарскаго пикета, расположеннаго у подошвы Тяньшаня, причемъ на послѣднемъ переходѣ сорвались съ карниза двѣ вьючныхъ лошади и вмѣстѣ съ вьюками погибли въ расщелинѣ.

Изъ Кашгара Петровъ вернулся Бедельскимъ переваломъ на Караколь, откуда и отпустилъ казаковъ, которые прибыли въ Кульджу наканунѣ новаго года.

Въ концѣ 1880 года одному уряднику и 12 казакамъ съ командиромъ 2-й сотни Нуджевскимъ выпало неожиданное счастье еще разъ принять участие въ бояхъ подъ начальствомъ незабвеннаго М. Д. Скобелева. Они составляли личный конвой полковника Куропаткина, вызваннаго изъ Кульджи на Аму-Дарью въ городъ Петроалександровскъ, гдѣ былъ сформированъ небольшой отрядъ подъ его командой и высланъ въ Ахалтеке къ Скобелеву. Здѣсь казаки участвовали во всѣхъ бояхъ съ текинскими и мервскими туркменами при обложеніи и штурмѣ крѣпости Геокъ-тепе, гдѣ Нуджевскій былъ раненъ пулею въ грудь на вылетъ.

За боевые подвиги 3 казака получили знаки отличія военнаго ордена, одинъ произведенъ въ урядники и всѣ удостоены серебряной медали, установленной за этотъ походъ²).

XI.

Въ оккупационномъ отрядѣ.

Въ мартѣ 1881 года состоялся договоръ съ Китаемъ, по которому Россія передавала китайцамъ Кульджинскій край, но жителямъ его, таранчамъ, дунганамъ и киргизамъ, предоставлялось право выселиться въ Семирѣченскую область.

Для приведенія въ исполненіе этого договора, въ апрѣлѣ и маѣ прибыли въ Кульджу комиссаръ русскаго правительства, генералъ Фриде и уполномоченный китайскаго сановникъ Шень, съ 2000 отрядомъ. Годъ спустя въ Кульджинскій край вступилъ Илійскій Дзинь-Дзянь-Дзюнь съ отрядомъ въ 12000 пѣшихъ и конныхъ солдатъ. Онъ вышелъ изъ Талкинскаго ущелья и торжественно, съ распущенными знаменами, занялъ городъ Суйдунъ, выдѣливъ часть войскъ въ города Кульджу и Чинчиходзи. Съ приходомъ Дзиня китайцы приступили къ исправленію городскихъ стѣнъ Суйдуна, Чинчиходзи и къ постройкѣ девяти новыхъ импановъ въ окрестностяхъ этихъ городовъ.

Тогда-же въ Суйдунъ была выслана 1-я сотня 1-го полка для наблюденія за китайцами, которые, нужно замѣтить, сразу ознаменовали себя рядомъ насилій и гражей; они забирали у таранчей все, что признавали нужнымъ и полезнымъ для себя. Въ первое время ихъ особенно смущалъ телеграфъ, въ которомъ они видѣли «нечистую силу» и потому старались обрывать проволоку, гдѣ только можно. Эти разбои и охрана телеграфа вызвали частую высылку разъѣздовъ по дорогамъ.

Въ это же время въ Кульджѣ началась постройка глинобитныхъ бараковъ для размѣщенія казаковъ на зиму. Бараки строились на экономическія суммы сотенъ. Казаки ими пользовались только годъ; съ выборомъ

мѣста подь городъ Джаркентъ, было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ лѣсные матеріалы отъ казенныхъ и войсковыхъ зданій въ Кульджѣ, были сплавлены по рѣкѣ Или до Борохудзирской переправы, а оттуда гужемъ перевезены на рѣку Усекъ, гдѣ разбивался новый городъ. Эти работы: разборка бараконъ, сплавъ лѣса, его перевозка до Или и отъ Борохудзирской переправы до Усека, а затѣмъ постройка казарменныхъ помѣщеній въ Джаркентѣ, снова не дешево обошлись казакамъ. Они здѣсь обносились, переломали сотенный обозъ и перепортили много вьючныхъ лошадей.

Для постройки казарменныхъ помѣщеній въ Джаркентѣ, по распоряженію командующаго войсками, сначала была выслана команда въ 120 казаковъ, а затѣмъ вся 6-я сотня Вологодскаго, на долю которой выпало не мало тяжелаго труда.

Этотъ періодъ службы въ оккупационномъ отрядѣ казаки называли «страдой», т. е. такимъ временемъ, когда некогда думать объ отдыхѣ. Охраняя туземное населеніе отъ грабежей и насилій со стороны разнаго сброда пришельцевъ, они должны были еще усилить наблюденіе за своими казармами, которыя примыкали къ садамъ и саклямъ туземнаго города Кульджи, что давало возможность любителямъ легкой наживы скрытно пробираться къ складамъ, коновязамъ и казармамъ. Тогда ежедневный нарядъ по городу доходилъ до 65-ти казаковъ, которые днемъ и ночью держали разъѣзды по улицамъ и базарнымъ площадямъ. Кромѣ того казаки, въ составѣ взводовъ и даже сотенъ, нерѣдко вызывались въ окрестности Кульджи для водворенія порядка въ кишлакахъ. Эти командировки вызывали не одни китайцы, но и китайскіе дунгане и таранчи, собиравшіеся въ шайки для грабежей своихъ же единоплеменниковъ, пожелавшихъ выселиться въ Семирѣченскую область.

Въ разгаръ казачьей „страды“ подполковникъ Халдѣевъ былъ отозванъ въ войско, а 1-й полкъ принялъ подполковникъ Н. А. Симоновъ. Въ это время переселенцы двинулись по обоимъ берегамъ Или. Для охраны ихъ были выставлены 3-я и 5-я сотни 2-го Сибирскаго полка въ Чинчиходзи и Қольджагерѣ. Казаки этихъ сотенъ сопровождали переселенческіе обозы до рѣки Хоргоса и Чарыка, а до Чинчиходзи и Қольджагера ихъ конвоировали казаки 1-го полка изъ Кульджи и Суйдуна.

Такой порядокъ скоро обнаружилъ тѣ неудобства, что конвойные казаки при обозахъ надолго задерживались въ пути, а переселенцы, не рискуя выѣхать въ поле безъ охраны, начали группироваться въ Кульджѣ въ огромномъ числѣ. Это побудило установить встрѣчные конвои, которые на полдорогѣ обмѣнивались транспортами, причемъ казаки возвращавшіеся въ Кульджу, обыкновенно принимали подъ свою охрану порожнія арбы, направлявшіяся за новыми тяжестями.

Такъ это шло до осени. Когда же настало время дождей и дороги превратились въ сплошную массу липкой грязи, въ которой увязали неуклюжія арбы таранчей, казаки опять начали возвращаться обратно съ опозданиемъ болѣе чѣмъ на сутки. Какъ ни тяжела была эта служба, но нужно, къ чести казаковъ, сказать, что никогда они не оставляли беззащитныхъ таранчей въ дорогѣ. Медленно двигаясь шагъ за шагомъ съ обозами, мокрые и продрогшіе, они нерѣдко останавливались въ полѣ и проводили долгія осеннія ночи подъ дождемъ, не всегда имѣя даже возможность обогрѣться у костровъ.

Тяжесть конвойной службы особенно увеличилась съ ноября 1882 года, когда стали перевозить войсковое имущество, а затѣмъ начали оставлять Кульджу и семьи служащихъ. Въ январѣ 1883 года все это какъ-то сразу

двинулось къ Джаркенту и порядокъ встрѣчныхъ конвоевъ окончательно нарушился. Теперь между Кульджой и Хоргосомъ, на протяженіи 90 верстъ, казаки двигались почти непрерывною цѣпью, одинъ другому настрѣчу; одни шли съ войсковыми или переселенческими обозами, другіе хлюнцей трусили за позозками проѣзжающихъ, а иные, прицѣпивъ фуражирку къ телѣгѣ, помогали вытянуть громоздкій возъ изъ ухаба. Эта по истинѣ изумительная служба, только и могла быть по плечу казакамъ. Конвоируя переселенцевъ и рѣшительно всѣхъ проѣзжающихъ между Кульджей и Хоргосомъ, казаки не разъ охраняли и китайскихъ купцовъ; а однажды они предотвратили нападеніе шайки дунганъ на китайскій отрядъ.

Этотъ случай произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ январѣ 1883 года Дзянь-Дзюнь отпустилъ изъ Суйдуна 200 калмаковъ, находившихся на казенныхъ работахъ, и отправилъ ихъ въ свои улусы на р. Кашъ, подъ охраною 100 конныхъ солдатъ. Этотъ отрядъ дошелъ до Кульджи, но дальше не рѣшился идти безъ казаковъ, которые и были назначены въ числѣ трехъ съ приказнымъ Свѣтличнымъ.

Верстахъ въ 15-ти отъ Кульджи, китайцы узнали, что впереди стоитъ шайка дунганъ. Это извѣстіе очень встревожило китайскаго офицера. „Дѣлай, какъ знаешь по своимъ обрядамъ“, — сказалъ онъ Свѣтличному. Послѣдній, забравъ часть солдатъ, выѣхалъ впередъ и такъ шелъ еще верстъ 10 до таранчинскаго селенія, гдѣ и остановился на ночлегъ. Здѣсь, дѣйствительно, таранчи и дунгане начали требовать выдачи калмаковъ, которые, нужно замѣтить, шли съ работъ съ деньгами, но казаки уговорили толпу разойтись.

На ночь Свѣтличный выставилъ посты и выдѣлилъ 28 солдатъ въ секретъ. Офицеръ былъ удивленъ, что

онъ спряталъ столько людей. Но когда узналъ ихъ значеніе, началъ обнимать Свѣтличнаго. „Ахъ, какъ хорошо! Чудно хорошо; дѣлай какъ знаешь“,—повторялъ онъ нѣсколько разъ.

На другой день калмаки были доведены до селенія Восточный Мазаръ, откуда ихъ выпустили по домамъ, а китайскіе солдаты съ казаками вернулись въ Кульджу.

Но не такъ китайцы поступаютъ, когда убѣждены въ успѣхѣ своего дѣла; тогда ихъ нахальству и дерзости нѣтъ предѣловъ; они способны на самые звѣрскіе поступки, что и доказали въ октябрѣ 1882 года, когда ихъ конный отрядъ въ 150 человекъ съ офицеромъ напалъ на Алимтинскую почтовую станцію. Здѣсь китайцы убили проѣзжавшаго приказчика, сожгли старосту и только какимъ-то чудомъ удалось убѣжать очевидцу этого звѣрства, киргизу—ямщику. Эти же солдаты убили двухъ молодыхъ, только что прибывшихъ изъ войска, казаковъ 1-го полка, Филиппева и Полянскаго, подѣзжавшихъ къ станціи, когда уже несчастный староста умиралъ на кострѣ.

Въ январѣ 1883 года другая конная партія китайцевъ въ 50 человекъ, подъ самой Кульджей, отхватила купеческій табунъ лошадей. Городской разъѣздъ изъ 10 казаковъ съ урядникомъ Путинцевымъ бросился въ погоню и скоро настигъ китайцевъ, которые открыли по казакамъ стрѣльбу. Казаки отвѣтили нѣсколькими выстрѣлами и затѣмъ бросились въ шашки. Часть китайцевъ поскакала въ направленіи горъ, а другая къ импану Чимпанзи, находящемуся въ пяти верстахъ отъ Кульджи. Этихъ послѣднихъ и пустились преслѣдовать казаки; они довели ихъ до того, что многіе солдаты стали падать съ лошадей и укрываться въ рытвинахъ, гдѣ и попадали въ руки таранчей, изъ любопытства скакавшихъ за казаками.

Во время этой скачки одинъ изъ чиновныхъ китайцевъ съ шарикомъ на шапкѣ, выстрѣлилъ въ урядника Путинцева, но промахнулся; тогда послѣдній сдѣлалъ выстрѣлъ и смертельно раненый китаецъ свалился съ коня.

Между тѣмъ казаки, увлеченные погоней, неслись на полномъ карьерѣ и впереди всѣхъ скакалъ казакъ Угрениновъ. Онъ не замѣтилъ, какъ вмѣстѣ съ солдатами влетѣлъ въ ворота импана Чимпанзи, гдѣ получилъ ударъ палкой по головѣ и затѣмъ пикой въ глазъ, отчего на время потерялъ сознание. Когда остальные казаки прискакали къ импану, его ворота уже были заперты и потому они пустились вдоль стѣны. Завернувъ за угловую башню, казаки услышали крикъ Угренинова и тутъ же замѣтили небольшой обвалъ въ стѣнѣ, на который и забрался казакъ Калугинъ. Здѣсь онъ увидѣлъ, что Угрениновъ, держа лошадь за поводъ, отбивается шашкой отъ китайцевъ, тѣснившихъ его изъ узкой улицы на площадь. Калугинъ открылъ стрѣльбу по толпѣ, отъ чего китайцы бросились бѣжать вдоль улицы и въ фанзы, а этимъ временемъ воспользовался Угрениновъ; онъ вскочилъ на свою лошадь и поскакалъ къ Калугину, но опять потерялъ сознание. Со стѣны его сняли товарищи и, усадивъ на одну лошадь съ Калугинымъ, поѣхали отъ импана. Имъ вслѣдъ китайцы открыли ружейный огонь со стѣнъ импана, но совершенно безвредный. Черезъ два часа эта крѣпосца была окружена дежурной сотней и китайцы выдали винтовку и лошадь Угренинова.

За эту схватку съ китайскими солдатами Государь Императоръ пожаловалъ уряднику Путинцеву и казаку Калугину серебряныя медали на Георгіевской лентѣ съ надписью «За храбрость».

Оккупационный отрядъ находился въ Кульдѣ до

7-го марта 1883 года, а этого числа, оставивъ при консульствѣ въ Кульджѣ двѣ сотни Ермака Тимофеева полка, выступилъ въ Джаркентъ. Утромъ 10-го числа онъ подошелъ къ рѣкѣ Хоргосу, гдѣ его ожидалъ командуящій войсками Семирѣченской области во главѣ многотысячной толпы таранчей, дунганъ и киргизъ, которые собрались здѣсь привѣтствовать войска хлѣбомъ-солью¹⁾).

Въ тотъ же день генераль Фриде, въ приказѣ по области, благодарилъ войска отряда за службу въ Илійскомъ краѣ: „10-го марта я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ, войска оккупационнаго отряда, на Хоргосѣ, при вступленіи въ русскіе предѣлы послѣ годичнаго пребыванія на китайской территоріи, переданной мной китайскому правительству 10-го марта прошлаго года“.

„Не смотря на огромныя трудности и лишенія, перенесенныя вами въ предѣлахъ Дайцинскаго вѣдомства, не смотря на большіе переходы, сдѣланные вами отъ Кульджи до Хоргоса въ самое неблагоприятное время года, вы представились мнѣ здоровыми, бодрыми и веселыми, какъ будто ничего пережитаго и испытаннаго и не существовало“.

„Народонаселеніе глубоко признательное вамъ за тѣ, по истинѣ, рыцарскія защиту и покровительство, которое вы оказывали имъ въ теченіе всего года въ китайскихъ предѣлахъ отъ насилій, притѣсненій и грабежей разнаго сброда пришельцевъ, радостно, задушевно встрѣтило васъ съ хлѣбомъ-солью и восторженно привѣтствовало васъ кликами «ура»!

Объявляя благодарность начальникамъ частей, командуящій войсками особенно благодарилъ казаковъ: „нижнимъ чинамъ всѣмъ объявляю огромнѣйшее спасибо за ихъ отличное поведеніе во время оккупациі Илійскаго края и особенно казакамъ № 1 Сибирскаго Ермака

Тимофеева полка и 3-й и 5-й сотенъ 2-го Сибирскаго полка, на долю которыхъ выпали наитруднѣйшія обязанности по водворенію и поддержанію порядка въ разныхъ пунктахъ Кульджинскаго раіона, при постоянномъ конвоированіи переселенцевъ“.

Послѣ дневки на Хоргосѣ, штабъ и четыре сотни Ермака Тимофеева полка перешли на рѣку Усекъ. Съ пѣснями казаки подходили къ вѣковой карагачевой рощѣ, въ которой, на лѣвомъ берегу Усека зарождался новый русскій городъ Джаркентъ. Вотъ одна изъ любимыхъ полковыхъ пѣсенъ, съ которой казаки вступали на новую стоянку:

«Здорово, братъ, служивый,
«Куришь ли табачекъ?»
Есть трубочка, другъ милый,
Давай курнемъ разокъ.
«Какая позолота,
«Съ рѣзьбою по краямъ.
«И чудная работа,
«Продай, братъ, трубку намъ .
Нѣтъ, сударь, непродажна,
Работа не моя;
Та трубочка завѣтна,
Продать не въ силахъ я.
Она у супостата
Отбита, на войнѣ,
И въ память командира
Досталась трубка мнѣ.
Однажды полкъ несется,
Всѣхъ рубить на повалъ,
Но выстрѣлъ раздается
И сотникъ съ коня палъ.
Кровь хлынула изъ раны,
Я соскочилъ съ коня;

Ужъ лучше-бъ, басурманы,
Убили вы меня.
По счастью деревушку
Вблизи увидѣлъ я,
И внесъ его въ избушку,
Гдѣ онъ узналъ меня.
«Спасибо, благодѣтель,
«Ты другъ души моей,
«Такъ будь же ты владѣтель
«Завѣтной трубки сей».
Какую страшну муку
Нашъ сотникъ претерпѣлъ!
Онъ сжалъ мнѣ крѣпко руку
И долго жить велѣлъ.
Когда были походы,
Я трубочку берегъ:
И мѣсяцы и годы
Все пряталъ за сапогъ.
Теперь ты знаешь, милый,
Чья трубка у меня,
И буду я постылый,
Когда продамъ ее.
«Да, трубочка на диво,
«Какъ ты сказалъ, дружекъ;
«И все это правдиво,—
«Давай курнемъ разокъ».

ХІІ.

На Китайской границѣ.

Въ мартѣ 1883 года для охраны границы съ Китаемъ по рѣкѣ Хоргосу были посланы двѣ сотни Ермака Тимофеева полка и отъ Кольджата до Тяньшаня двѣ сотни 2-го Сибирскаго полка, причемъ завѣдываніе всей линіей передовыхъ постовъ было возложено на командира Ермака Тимофеева полка.

Тогда же, противъ нашихъ постовъ китайцы выставили свои караулы, которые занимали сибо, солоны и калмаки.

Въ первое время казаки стояли на постахъ въ киргизскихъ юртахъ, а на зиму они сдѣлали полууглубленныя землянки съ плетневыми нарами и желѣзными печами. Такія же землянки были построены для офицеровъ, подъ кухни, хлѣбопекарни и склады для провіанта, фуража и аммуниціи. Все это строилось на экономическія суммы сотенъ.

Не лучше казаки размѣщались и въ Джаркентѣ. Тамъ имъ была отведена одна казарма на одну сотню, а для другой съ учебной и трубаческой командами полкъ выстроилъ на свои же средства глинобитный баракъ съ кухней, хлѣбопекарней и складами для сотенныхъ и полкового имущества.

Пограничная служба въ только что образованномъ уѣздѣ, гдѣ выходцы изъ Кульджинскаго края, таранчи и дунгане, еще не устроились на отведенныхъ имъ мѣстахъ, а киргизы не знали района своихъ кочевій, требовала отъ постовъ большей бдительности. На нихъ возлагалось предупреждать и не допускать откочевокъ нашихъ киргизъ за границу; слѣдить, чтобы они не переходили ея съ цѣлью «баранты», т. е. для угона скота и въ качествѣ перебѣжчиковъ, а также, чтобы и китайскіе

подданные не переходили на нашу сторону съ тѣми же цѣлями; наблюдать, чтобы пропускъ людей за границу и въ наши предѣлы былъ исключительно на одномъ Хоргосскомъ пропускномъ посту и съ установленнымъ видомъ.

Тогда же на офицеровъ полка было возложено произвести маршрутные съемки пограничной полосы въ районѣ своихъ постовъ. Къ осени каждая сотня имѣла такіе планы, а въ 1885 году эти отдѣльныя съемки были сведены въ одну общую карту.

Лѣтомъ наши киргизы кочевали въ горахъ Барохоро, Кетменя и въ предгорьяхъ Тяньшаня, а на зиму они спускались въ долины рѣкъ Или и Текеса, гдѣ ихъ табуны часто паслись у самой границы и тѣмъ способствовали развитію баранты. Первыми открыли баранту китайскіе киргизы изъ рода кызаевъ, славившихся по всему Илійскому краю своими набѣгами.

Нужно замѣтить, что въ то время китайскіе караулы мало содѣйствовали нашимъ постами въ прекращеніи баранты, которая особенно усилилась осенью въ низовьяхъ Хоргоса, гдѣ скрытнымъ переходамъ границы много благопріятствовали большіе поросли высокаго камыша и кустарнаго лѣса. Здѣсь кызаи, въ нѣсколько дней, угнали у нашихъ киргизъ 73 лошади; наши барантчи не замедлили отплатить тѣмъ же; они за одинъ разъ отхватили у китайскихъ киргизъ 50 лошадей и нѣсколько головъ рогатаго скота, но съ этой добычей ночью наскочили на казачій разъѣздъ. При видѣ казаковъ, киргизы сейчасъ же разбили лошадей на нѣсколько частей и въ карьеръ понеслись въ разныя стороны, оставивъ на мѣстѣ 5 лошадей и 15 быковъ. Такъ барантчи обыкновенно поступали, когда встрѣчались съ казаками, причемъ переходъ границы они всегда пріурочивали къ ночи.

Въ этомъ набѣгѣ всѣ до 20 киргизъ были „одвуконь“, т. е. съ заводными лошадьми, отлично подготовленными для скачки, почему по словамъ казаковъ, они, какъ вихрь и унеслись въ пески.

Ежедневные слѣды перехода границы и постоянные слухи о сборахъ киргизъ для баранты, а также жалобы китайцевъ, что наши барантчи угнали у нихъ до 150 лошадей, были причиной вызыва на Хоргосъ еще одной сотни, которая и заняла постами низовья этой рѣки.

Тогда же Кульджинскій консуль отпустилъ въ Джаркентъ 1½ сотни, но просилъ усилить пропускной постъ до полусотни казаковъ, на которыхъ и возложить конвоированіе къ нему почты два раза въ недѣлю.

Въ ноябрѣ казаки начали съ большимъ успѣхомъ преслѣдовать барантчей. Такъ 6 казаковъ въ низовьяхъ Хоргоса ночью отбили всю ихъ добычу въ 28 лошадей, а спустя нѣсколько дней разъѣздъ того же поста, въ 10 человекъ, задержалъ 15 кызаевъ съ 95 лошадьми.

Одиночные барантчи и перебѣжчики задерживались почти ежедневно; они сдавались безъ сопротивленія. И только въ декабрѣ былъ случай, когда четыре киргиза оказали сопротивленіе казакамъ. Это происходило въ ясную лунную ночь. Часовой промежуточнаго поста далъ знать старшему уряднику Кучковскому о приближеніи къ Хоргосу четырехъ всадниковъ. Урядникъ выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу, но киргизы направили въ него винтовки. Кучковскій выстрѣлилъ. Въ первую минуту барантчи поскакали назадъ, но скоро оправились и начали окружать урядника, гнавшагося за ними. Въ это время показали два казака; киргизы, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, опять повернули обратно, а казаки пустились за ними. Такъ они скакали около версты, но тутъ сначала лошадь казака Агѣева, а затѣмъ и Мутасова, наскочили на большое гнѣздо норъ сусликовъ

и повалились вмѣстѣ съ казаками. Кучковскій опять остался одинъ, что замѣтили киргизы и одинъ изъ нихъ, сдерживая лошадь, началъ въ него цѣлить изъ ружья; на этотъ разъ урядникъ мѣткимъ выстрѣломъ изъ берданки ссадилъ барантача съ коня, но въ ту же минуту и самъ свалился вмѣстѣ съ лошадью; его конь наскочилъ на такое же гнѣздо норъ.

Пока казаки выводили лошадей съ изрытой норами площадки, на выстрѣлы прискакалъ ближайшій разъѣздъ, но уже киргизы скрылись въ бугристыхъ пескахъ и только на мѣстѣ остался тяжело раненый и хорошо известный въ краѣ барантачъ Ильясь.

Всѣ эти баранты и слѣды перехода границы вызывали большіе наряды казаковъ на службу. Нерѣдко бывало, что на другой день послѣ осмотра границы или преслѣдованія барантачей, казакъ получалъ приказаніе стать на часы у коновязи и это считалось за отдыхъ въ зимнія морозныя ночи.

Ничего подобнаго не было на китайскихъ караулахъ. Они не болѣе одного раза въ недѣлю и непремѣнно днемъ, высылали разъѣзды человѣка въ три, которые доѣзжали до сосѣдняго караула или заѣзжали на наши посты, чтобы обмѣняться привѣтствіями, а затѣмъ возвращались домой и на ночь крѣпко запирались въ своихъ караулахъ, обнесенныхъ толстыми глинобитными стѣнами.

Пограничными правилами, между прочимъ, требовалось, чтобы баранта преслѣдовалась открывшими ее только до перваго поста, селенія или аула той стороны, куда ушли барантачи. Здѣсь начальникъ поста или старшина обязаны выдать росписку въ принятіи слѣдовъ и дальнѣйшее преслѣдованіе принять на себя.

Получая такую росписку на китайскомъ языкѣ, казаки везли ее на свой постъ, откуда, черезъ коман-

дира полка, она представлялась губернатору. И только здѣсь не рѣдко обнаруживалось, что китайскіе караулы отвергали случай баранты. А однажды они выдали росписку слѣдующаго содержанія: „О, Господи! прибыли русскіе: начальника нѣтъ; когда пріѣдетъ, дѣло разбереть“.

При такомъ отношеніи къ дѣлу пограничныхъ карауловъ, барантаци выслѣживали только казачьи разѣзды. Въ предѣлахъ же Китая они были увѣрены, что ихъ никто не остановитъ, а если и встрѣтитъ, такъ свой же собратъ по ремеслу.

Въ мартѣ киргизы, зимовавшіе въ долинѣ рѣки Или, потянулись къ горамъ Борохоро и Кетменя, куда перешли и посты съ низовьевъ Хоргоса. Они были усилены и въ Кетменскихъ горахъ на урочищахъ Ургенсаѣ и Ойкарагаѣ. Тогда же было выбрано мѣсто подъ лагерь въ верховьяхъ рѣки Хоргоса на урочищѣ Башкунчанъ, куда, въ концѣ апрѣля, перешли свободныя отъ постовой службы сотни Ермака Тимофеева полка.

Въ іюнѣ распространились слухи, что въ Кульджѣ и Суйдунѣ ожидаются безпорядки; это подтвердилъ и консуль; онъ просилъ усилить свой конвой полусотней и быть на готовѣ остальнымъ сотнямъ, чтобы по первому требованію двинуться въ Кульджу.

Этой неурядицей у китайцевъ воспользовались барантаци; они повели баранту на всемъ протяженіи границы. Тогда же началось броженіе между нашими киргизами, часть которыхъ и откочевала въ Китай. Это было въ августѣ 1884 года, когда 2-я и 5-я сотни 1-го полка только что смѣнили 4-ю и 5-ю сотни 2-го полка въ Нарынколѣ и въ горахъ Кетменя. Въ это время Сибирскіе полки были въ большемъ некомплектѣ отъ увольненія на льготу казаковъ двухъ нарядовъ.

Первое извѣстіе объ откочевкѣ киргизъ за границу,

направившихся лѣвымъ берегомъ Или, гдѣ были сняты посты, получено въ Кольджатѣ въ часъ ночи на 23 августа. Здѣсь находилось 25 казаковъ, въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ больныхъ. На встрѣчу киргизамъ поскакалъ вахмистръ Косыхъ съ 12-ю казаками. Онъ ихъ достигъ въ 40 верстахъ отъ Кольджата, но уже часть киргизъ успѣла перейти границу; тѣ же, которые еще оставались на нашей сторонѣ, соединились съ китайскимъ карауломъ и открыли по казакамъ ружейную стрѣльбу. Казаки отвѣтили тѣмъ же; во время перестрѣлки они ранили одного сибирца, трехъ киргизъ и нѣсколько лошадей подъ верховыми киргизами. Скоро показался новый аулъ, приближавшійся къ границѣ. Косыхъ поскакалъ ему на встрѣчу; киргизы безъ сопротивленія сдались и вмѣстѣ съ казаками, въ числѣ 169 человѣкъ при 4000 головъ разнаго скота, поздно вечеромъ, прибыли въ Кольджатъ.

Не успѣли еще казаки выкормить своихъ лошадей, какъ снова дали знать, что и вторая половина волости, той же дорогой, направилась въ Китай. Въ это время въ Кольджатъ вернулись казаки, находившіеся въ разлѣдѣ въ Кетменскихъ горахъ, но ихъ лошади были такъ же утомлены, какъ и лошади казаковъ, сдѣлавшихъ пробѣгъ къ Кырылгану, у котораго киргизы перешли границу. Отобравъ наиболѣе крѣпкихъ лошадей, Косыхъ съ 20-ю казаками снова выхалъ изъ Кольджата.

Около 8-ми часовъ утра онъ встрѣтилъ киргизъ и сразу отхватилъ у нихъ табунъ лошадей, которыхъ, съ четырьмя казаками, направилъ въ Кольджатъ, а съ остальными бросился останавливать верблюдовъ, навьюченныхъ юртами, но былъ атакованъ киргизами въ числѣ до 200 человѣкъ. Казаки быстро сѣшились въ кругъ и открыли частый огонь по нападавшимъ. Пока это происходило, киргизы на карьерѣ перегнали черезъ

границу большой табунъ лошадей и успѣли перевести верблюдовъ. Здѣсь они разбились на нѣсколько партій: одни угоняли табуны, другіе,—въ нѣсколькихъ мѣстахъ, уложили верблюдовъ для обороны, а часть киргизъ, нападшихъ на казаковъ, кинулась къ табуну, отбитому казаками. Чтобы не упустить хотя этихъ лошадей, Косыхъ бросился за киргизами. Произошла рукопашная схватка, въ которой были ранены нѣсколько киргизъ, четыре казака и вахмистръ Косыхъ, получившій три раны шашкой. Здѣсь казаки отстояли 150 лошадей, съ которыми и прибыли въ Кольджатъ.

Спустя нѣсколько дней командиру сотни въ Нарынколѣ дали знать, что часть киргизъ предгорьями Тяньшаня направилась въ Китай. Онъ сейчасъ же выслалъ два разъѣзда, одинъ съ вахмистромъ Суловымъ въ горы по Нарынкольскому ущелью, а другой долиной рѣки Текеса. Послѣдній не открылъ откочевки, а Суловъ донесъ, что идетъ по слѣду кочующаго аула. Направивъ къ нему второй разъѣздъ съ подхорунжимъ Калугинымъ, командиръ сотни началъ собирать свѣдѣнія о настроеніи киргизъ, которые въ это время приближались къ Нарынколу со стороны долины Кегеня.

Пройдя верстъ 30, Калугинъ, поздно вечеромъ, встрѣтилъ первый разъѣздъ, спускавшійся съ горъ обратно. Здѣсь Суловъ сообщилъ, что на перевалѣ Сайлемузартскаго ущелья онъ достигъ кочующій аулъ, но киргизы спѣшились и изъ-за камней открыли по казакамъ ружейную стрѣльбу, причемъ, на первыхъ же порахъ, изъ 7-ми казаковъ, тяжело ранили вахмистра Сулова, казака Милютина, четырехъ казачьихъ лошадей и убили казака Қорзухина.

Въ это время горы были покрыты обычнымъ въ Тяньшанѣ туманомъ, который окуталъ непроницаемой мглой и ущелье. Калугинъ рѣшилъ выждать разсвѣта, но

часа черезъ два къ нему подошелъ командиръ сотни со взводомъ казаковъ и сейчасъ же выступилъ дальше.

На свѣту казаки спустились въ Сайлемузартское ущелье, но не зная дороги и потерявъ слѣды откочевки, пошли по такой тропѣ, которая завела ихъ въ глубокую лошину, заваленную погорѣлымъ лѣсомъ, гдѣ лошади съ трудомъ проводились въ поводу. Только въ полдень казаки выбрались въ долину Текеса, гдѣ скоро опять напали на слѣды откочевки, но уже киргизы успѣли отойти далеко. Они здѣсь бросили много барановъ и утвари своего хозяйства. Казаки ихъ преслѣдовали еще верстъ 20 и, за полнымъ утомленіемъ лошадей, должны были остановиться. На обратномъ пути они забрали до 2500 барановъ, брошенныхъ бѣжавшими киргизами.

Для возвращенія киргизъ, откочевавшихъ въ Китай, была выслана сотня казаковъ изъ Джаркента. 130 верстъ до Кульджи она сдѣлала въ 36 часовъ времени; на другой день, переправившись на лѣвый берегъ Или, казаки подрядъ шесть дней дѣлали переходы отъ 50-ти до 60-ти верстъ въ сутки по горнымъ дорогамъ, останавливаясь для отдыха гдѣ попало. Но и эта погоня за бѣглецами не увѣнчалась успѣхомъ; благодаря проискамъ китайцевъ, они разбились на мелкія партіи и укрылись въ горахъ. Казаки вернули всего 80 киргизъ съ ихъ имуществомъ на 49 верблюдахъ, 142 лошади, 215 головъ рогатаго скота и 4766 барановъ.

Ранней весной 1885 года опять пошли слухи, что часть киргизъ, кочующихъ въ горахъ Кетменя, намѣревается бѣжать въ Китай, куда ихъ тянуло приволье луговъ съ отличнымъ кормомъ для скота. Предупредить откочевку была выслана 1-я сотня. Она выступила изъ Кольджата 16-го апрѣля и только 20-го числа добралась до Ойкарагая, мѣста своей стоянки. Этотъ 40-верстный

путь сотня сдѣлала по единственной въ то время года дорогѣ черезъ Бюдатинскій переваль, гдѣ на каждомъ карнизѣ ее задерживали снѣговые обвалы, въ которыхъ лошади часто проваливались во весь свой ростъ.

Въ половинѣ лѣта баранта опять усилилась. На этотъ разъ дерзость барантачей была просто изумительна. Они даже дѣлали попытки отогнать казачьихъ лошадей съ луговъ во время травяного довольствія, но ни разу не имѣли успѣха; за то китайскихъ солдатъ обезоруживали среди дня и отбирали у нихъ лошадей. Въ августѣ наши барантачи изъ-подъ стѣнъ Суйдуна угнали два табуна китайскихъ казенныхъ лошадей. Но и кызаи, за нѣсколько разъ, отхватили у нашихъ киргизъ до 200 лошадей. Самая крупная баранта была на Текесѣ въ началѣ ноября, когда въ одну ночь китайскіе барантачи отхватили у нашихъ киргизъ до 1000 лошадей, но были настигнуты въ 40 верстахъ отъ границы казаками двухъ сосѣднихъ постовъ, въ числѣ 40 человекъ, которые и отбили 949 лошадей¹⁾.

Такъ, въ постоянной тревогѣ, въ разбѣздахъ и набѣгахъ протекли пять лѣтъ службы казаковъ Ермака Тимофеева полка на китайской границѣ Семирѣченской области.

Въ это же время полковой лагерь былъ перенесенъ въ отроги тѣхъ же горъ Борохоро на рѣкѣ Тишканъ, гдѣ теперь собираются на учебный сборъ войска Джаркентскаго гарнизона и въ томъ числѣ 1-й и 2-й полки Сибирскаго казачьяго войска.

Здѣсь же полки ежегодно провожаютъ казаковъ уходящихъ на льготу въ войско.

Пріятно смотрѣть на счастливыхъ и здоровыхъ „стариковъ“, какъ въ первоочередныхъ полкахъ называютъ смѣнныхъ казаковъ, когда они, прощаясь съ товарищами, выстраиваютъ фронтъ, чтобы получить послѣднее „спасибо“ отъ своего командира за службу въ полку.

Вѣрно службу мы служили,
Какъ клялись передъ крестомъ;
Присягнувъ, не измѣнили
Передъ Богомъ и Царемъ.

Припѣвъ: {
Вспомнимъ, братцы, край родной
И пойдемъ теперь домой;
Съ яснымъ сердцемъ и лицомъ,
Споемъ пѣсню молодцомъ.

Мы служили всѣ три года
На границѣ по постамъ,
А теперь съ молитвой Бога
Мы пойдемъ къ роднымъ мѣстамъ.

Припѣвъ.

Всѣ товарищи простите,
Дай Богъ счастливо служить;
Насъ вы въ путь благословите,
Пора дома намъ пожить.

Припѣвъ.

Съ этой пѣсней казаки обыкновенно выступаютъ изъ полка на льготу.

Теперь смѣнные эшелоны направляются черезъ перевалы Алатынь-Эмель или Югонташъ на города Капаль, Сергіополь и, не доходя верстъ 50 до этого послѣдняго, сворачиваютъ въ степь на городъ Каркаралинскъ, откуда степью же выходяхъ на городъ Акмолинскъ. Здѣсь казаки Акмолинской и Атбасарской станицъ распускаются по домамъ, а остальные слѣдуютъ на станицу Щучинскую въ городъ Кокчетавъ, гдѣ распускной пунктъ для казаковъ остальныхъ восьми степныхъ станицъ 1-го отдѣла. Казаки Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ продолжаютъ свой походъ по тракту на городъ Петропавловскъ и распускаются по домамъ въ станицѣ Прѣсновской.

Этой же дорогой въ 1934 версты отъ Прѣсновска и въ 1690 верстѣ отъ Кокчетава, ежегодно направляются въ Джаркенгъ молодые казаки, командируемые въ Ермака Тимофеева полкъ на очередную службу.

ХІІІ.

Посѣщеніе Войска Августѣйшимъ Атаманомъ.

Осенью 1890 года стало извѣстно, что Государь Цесаревичъ Николай Александровичъ посѣтитъ Сибирское войско. Это извѣстіе быстро облетѣло станицы. Всѣ офицеры и чиновники войска рѣшили поднести Его Высочеству икону, хлѣбъ-соль и два альбома изъ природы, жизни и службы Сибирскаго войска. Казаки Атбасарской, Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ заказали двѣ серебряныя фигуры. На одной представленъ крутой обрывъ скалы, на которую вѣхалъ казакъ и пристально изъ подъ руки, приложенной къ папахѣ, всматривается вдаль. Конь его, энергично осаженный назадъ, тревожно стоитъ, какъ бы чуя опасность. Для второй фигуры идея взята изъ боевой жизни 1-го полка. Здѣсь изображенъ тотъ моментъ, когда при штурмѣ города Андижана въ 1875 г. казакъ Березуцкій, подъ выстрѣлами непріятеля, стоялъ на крышѣ ханскаго дворца со значкомъ начальника отряда.

Къ пріѣзду Его Высочества было собрано въ городѣ Омскѣ 14 сотенъ, въ составѣ трехъ полковъ подъ командой атамана 1-го отдѣла полковника Симонова. Отъ 1-го отдѣла былъ вызванъ № 4 полкъ въ четырехсотенномъ составѣ подъ командой войсковаго старшины Еркувскаго и двѣ сотни молодыхъ казаковъ, назначенныхъ въ этомъ году на полевую службу. Эти послѣднія съ двумя сотнями молодыхъ же казаковъ отъ 2-го отдѣла составляли полкъ молодыхъ казаковъ, которымъ командовалъ войсковою старшина Березовскій. Третій подъ № 5 полкъ шестисотеннаго состава находился подъ командой войсковаго старшины Павла Калачева.

Въ первомъ отдѣлѣ Цесаревичъ долженъ былъ имѣть двѣ продолжительныхъ остановки: въ поселкѣ Новоры-

бинскомъ для завтрака и въ Прѣсногорьковскомъ станичномъ поселеніи для обѣда и ночлега.

Въ Ниворыбинскѣ урядникъ Чернигинъ и казаки братья Бородавкины приняли всѣ расходы по устройству помѣщенія для Его Высочества въ зданіи поселковой школы. Они же предложили своихъ верховыхъ лошадей Августѣйшему Атаману и его свитѣ для обѣзда войскъ на смотру въ городѣ Омскѣ и дали лошадей ученикамъ своей школы, вооруживъ ихъ пиками укороченнаго размѣра.

Ученики школы имѣли значекъ, на одной сторонѣ котораго было вышито: «*Храни Господь въ пути Августѣйшаго Атамана*», а на другой—«*Вѣрнопреданные Ниворыбинцы*».

Наружный видъ зданія школы былъ украшенъ флагами, щитами и вензелями, а двѣ его классныя комнаты обращены въ столовую и гостинную. Убранство столовой обращало на себя особенное вниманіе. Здѣсь съ большимъ вкусомъ были развѣшены по стѣнамъ разныхъ системъ ружья, шашки, сабли и пистолеты, бывшіе на вооруженіи казаковъ. Но особенно былъ красиво составленъ двуглавый орелъ, въ срединѣ котораго помѣщался портретъ Августѣйшаго Атамана. Всѣ эти работы были исполнены казаками оружейной мастерской 1-го отдѣла подъ руководствомъ сотниковъ Петрова и Калачева.

Они же устроили въ Прѣсногорьковскѣ двѣ арки и красиво декорировали площадь передъ домомъ казака Кладенова, въ которомъ останавливался Его Высочество.

Въ половинѣ іюня въ Омскѣ съѣхались Войсковые, полковые и станичные депутаты. Тогда же были отправлены въ городъ Томскъ 9 урядниковъ сопровождать Цесаревича по Западной Сибири. Отъ перваго отдѣла въ составѣ этого конвоя находились вахмистры: Панкра-

тій Воропаевъ, Василій Воронкинъ, Павелъ Кучковскій, Ефимъ Колесниченко и старшій урядникъ Ѳедоръ Тютинъ.

Наконецъ настало 14-е іюля, день прибытія въ Омскъ Государя Цесаревича. Задолго до назначеннаго часа, народъ собрался у устья Оми, гдѣ долженъ былъ пристать пароходъ, на которомъ слѣдовалъ Высокій путешественникъ изъ Томска. Сюда же съѣхались городскія депутаціи и представители городского общества съ генераль-губернаторомъ.

Въ 4 часа дня подошелъ пароходъ. Принявъ почетный рапортъ отъ генерала барона Таубе, Государь Цесаревичъ прослѣдовалъ къ павильону, гдѣ принялъ хлѣбъ-соль отъ горожанъ и казаковъ Омской станицы, а затѣмъ, при восторженныхъ кликахъ народа, направился въ экипажъ къ Ильинской церкви.

Изъ церкви Его Высочество прошелъ ко дворцу, гдѣ, при почетномъ караулѣ, его ожидали начальники частей и управленій округа, въ числѣ которыхъ находились старшіе представители Сибирскаго и Семирѣченскаго казачьихъ войскъ. Всѣ эти лица были представлены Его Высочеству.

Въ тотъ же день состоялся смотръ казачьей бригадѣ, Омскому баталіону и кадетамъ Сибирскаго корпуса.

Къ 7½ часамъ войска выстроились впереди лагеря. На правомъ флангѣ стояли кадеты, лѣвѣе ихъ баталіонъ, а возлѣ него казаки въ полковыхъ сомкнутыхъ колоннахъ. Всѣми войсками командовалъ атаманъ 2-го отдѣла генераль-маіоръ Русиновъ. Къ этому времени впереди войскъ собралась многотысячная толпа народу.

Около 8 часовъ перебаты «ура» возвѣстили о приближеніи Цесаревича; онъ ѣхалъ съ Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ барономъ Таубе. Лишь только остановилась коляска, раздалась команда. Дружно, почти

безъ звука кадеты и солдаты вскинули ружья; у казаковъ колыхнулись пики, сверкнули клинки и все на минуту замерло.

Когда Его Высочество сѣлъ на вороного коня, присланнаго урядникомъ Чернигинымъ, генераль Русиновъ командовалъ «на караулъ» и, подъ звуки марша, поскакалъ на встрѣчу съ рапортомъ.

Глаза всѣхъ устремились на Цесаревича. Вотъ онъ подѣхалъ къ кадетамъ: „*Здравствуйте господа!*“—слышится всюду. „Здравія желаемъ Вашему Императорскому Высочеству“, отвѣчаютъ дѣтскіе голоса и вслѣдъ за тѣмъ ихъ же звучное «ура» раздается въ воздухѣ.

„*Здравствуйте братцы!*“—слышится тотъ же отчетливый привѣтъ, обращенный къ баталіону.

Трубачи 4-го полка играютъ «встрѣчу». „*Здорово казаки!*“—опять раздается покрывающій трубные звуки голосъ. «Ура» казаковъ идетъ перекатами отъ полка къ полку. По мѣрѣ того какъ Августѣйшій Атаманъ медленно ѣхалъ по фронту и внимательно осматривалъ казаковъ, восторженные клики все усиливались и, наконецъ, слились въ одинъ общій гулъ войскъ и народа.

Церемоніаломъ войска проходили два раза. Сначала казаки шли шагомъ по сотенно, а во второй разъ—также по сотенно, но перемѣнными аллюрами по сигналамъ.

Стройно, молодцами проходили станичники, за что и удостоились благодарности Августѣйшаго Атамана. По окончаніи смотра Государь Цесаревичъ еще разъ объѣхалъ полки и благодарилъ казаковъ, послѣ чего пересѣлъ въ коляску; офицеры полковъ сопровождали Его Высочество до дворца.

На другой день въ 9 часовъ утра 1 сотня 4-го полка съ хоромъ музыки и Войсковыми знаменами выстроились у Войскового собора. Къ этому же времени на

казачьей площади и по Дворцовой улицѣ построились казаки въ пѣшемъ строю.

Въ 10-ть часовъ Государь Цесаревичъ, въ мундирѣ Атаманскаго полка, вышелъ изъ дворца съ Войсковымъ Атаманомъ и направился къ собору. Ему предшествовали 6 станичныхъ атамановъ съ насѣтками, а шестіе замыкали всѣ войсковые депутаты.

Когда Августѣйшій Атаманъ подошелъ къ собору, знаменная сотня отдала ему установленную честь, послѣ чего Его Высочество прослѣдовалъ въ храмъ, куда были внесены и знамена.

По окончаніи литургіи Государь Цесаревичъ осмотрѣлъ знамя дружины Ермака, а затѣмъ, выйдя изъ церкви и пропустивъ мимо себя сотню со знаменами, направился въ скверъ, гдѣ къ этому времени выстроились депутаты отъ станицъ, воспитанники Войскового пансіона и учащіяся дѣти Омской станицы. По другимъ аллеямъ и на площадкахъ сквера у столовъ, заставленныхъ явствами, стояли казаки полковъ. Проходя по аллеямъ, Государь Цесаревичъ осчастливилъ многихъ станичниковъ милостивою бесѣдой.

У зданія Войскового Правленія Августѣйшій Атаманъ былъ встрѣченъ представителями Сибирскаго и Семирѣченскаго войскъ съ иконами и хлѣбомъ-солью. Выслушавъ привѣтствіе депутатовъ и принявъ отъ нихъ иконы и хлѣбъ-соль, Его Высочество вошелъ въ зданіе Правленія. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ полковникомъ Катанаевымъ, который имѣлъ счастье давать объясненія на всѣ вопросы, которыми интересовался Высокій путешественникъ.

Для его обзора были выставлены планы войсковыхъ и юртовыхъ земель, альбомы, блюда, на которыхъ подносились хлѣбъ соль и серебряныя фигуры казаковъ 1-го отдѣла. Посвятивъ цѣлый часъ знакомству съ Вой-

скомъ въ его прошломъ и настоящемъ по картамъ, рисункамъ и фотографіямъ, Его Высочество прошелъ въ столовую, гдѣ уже было все готово къ завтраку, распорядителемъ котораго былъ войсковой старшина Чириковъ.

Почетный столъ былъ поставленъ такъ, чтобы Цесаревичъ сидя на одномъ концѣ его подъ сѣнью Войсковыхъ знаменъ и своимъ портретомъ, пожалованномъ Войску въ 1881 году, могъ видѣть всѣхъ участниковъ въ завтракъ, на который были приглашены начальники частей и управленій края и всѣ Войсковые и станичные депутаты.

У прибора Государя Цесаревича лежало плато изъ цвѣтовъ съ инициалами Его Высочества и меню завтрака съ виньеткою изъ казачьяго быта, художественно исполненное Каразинымъ акварельными красками.

Первый тостъ, восторженно встрѣченный, былъ тостъ Войскового Атамана за Государя Императора и Государыню Императрицу.

Второй, имъ же предложенный,—за Государя Цесаревича и Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ.

Слѣдующій тостъ былъ провозглашенъ Августѣйшимъ Атаманомъ, громко и ясно сказавшимъ: *„Пью за славное Сибирское казачье войско и представителей родственнаго ему Семирѣченскаго. Ура!“*.

Долгими несказанно радостными кликами было встрѣчено это „ура“, впервые раздавшееся среди Сибирскихъ казаковъ изъ устъ Августѣйшаго атамана.

Послѣ завтрака Государь Цесаревичъ еще долго бесѣдовалъ съ представителями войска, а затѣмъ прошелъ на балконъ, гдѣ его появленіе было восторженно встрѣчено казаками и народомъ, находившимся въ скверѣ и на казачьей площади.

Отсюда Его Высочество прослѣдовалъ въ павильонъ,

гдѣ разрѣшилъ фотографу снять съ себя одинъ пояс-ной портретъ и другой въ группѣ съ старшими представителями Войска¹⁾ .

О восторженныхъ чувствахъ, воодушевлявшихъ казаковъ Сибирскаго войска по случаю пребыванія въ ихъ средѣ Августѣйшаго Атамана, было по телеграфу донесено Государю Императору. На эту депешу 16-го іюля Войсковой Атаманъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: *„Императрица и я искренно благодаримъ Сибирское и Семирѣченское казачьи войска за выраженные чувства. Радуюсь, что Атаманъ лично могъ видѣть казаковъ и вполне уверены, что при случаѣ они окажутся достойными своихъ славныхъ предковъ. Александръ“*.

Въ тотъ же день Августѣйшій Атаманъ выѣхалъ на Прѣсногорьковскую линію, а 17-го числа молодые казаки выступили изъ Омска на Семипалатинскъ въ Джаркентъ на службу въ первоочередные 1-й и 2-й полки. Эта молодежь пошла съ традиціонной пѣсней, которую обыкновенно Сибирскіе казаки поютъ при выступленіи въ походъ изъ своихъ станицъ:

Засвистали казаченьки въ походъ съ полуночи;

Заплакала Марусенька свои ясны очи;

— Не плачь, не плачь, Марусенька, не плачь, не кручися,
За своего миленькаго Богу помолися.

Стоитъ мѣсяцъ надъ горою, хуторъ освѣщаетъ;

Мать сыночка въ дороженьку слезно провожаетъ.

— Прощай, милый мой сыночекъ, тамъ не забавляйся,
Сколь возможно, поскорѣе домой возвращайся.

— Я бы съ радостью, родная, скоренько вернулся,

Да вотъ бѣда: конь мой вѣрный въ воротахъ споткнулся;

Теперь Господь знаетъ, когда домой возвращуся—

Пускай твоей дочкой будетъ голубка Маруся!

Прими ее, матусенька, — всѣ мы въ Божіей волѣ:

Кто же знаетъ, живъ вернуся, или лягу въ полѣ.

— Ой, рада бы я Марусеньку за дочку принять,
Да нѣтъ, не будетъ она меня должно почитать....
— Ой, не плачьте, не тоскуйте, въ печаль не вдавайтесь:
Заигралъ мой конь ретивый!.. назадъ дожидайтесь.

Въ тотъ же день направились по своимъ станицамъ
и казаки льготныхъ полковъ. Ихъ пѣсня изъ конца въ
конецъ неслась по улицамъ города:

Маршъ станичники домой,
Вольно, въ разсыпную;
Смотръ окончили и пой
Съ мѣста удалую!

Трай, рай! Съ мѣста удалую!
Атаманъ, вѣдь, самъ смотрѣлъ,
Молвилъ намъ спасибо.
Полкъ предъ нимъ не оробѣлъ,
Онъ прошелъ на диво.

Трай, рай! Онъ прошелъ на диво.
Громче, музыка, гуди,
Весело съ тобою....
Ретивое бьетъ въ груди,
Словно рвется къ бою.

Трай, рай! Словно рвется къ бою.
На пути вездѣ народъ,
Въ окнахъ видны лица,
Казакъ, право, не уродъ,
Взгляньте, молодежи!

Трай, рай! Взгляньте молодежи!

На Прѣсногорьковской линіи Его Высочество имѣлъ
семь продолжительныхъ остановокъ. Первый обѣдъ и
ночлегъ были въ поселкѣ Покровскомъ, второй—въ
станіицѣ Полуденной, третій—въ поселкѣ Становскомъ
и четвертый—въ станіицѣ Прѣсногорьковской. Для завт-
рака Государь Цесаревичъ останавливался въ поселкѣ
Лебяжемъ, въ городѣ Петропавловскѣ и въ поселкѣ

Новорыбинскомъ. На всемъ пути слѣдованія Его Высочества по линіи и особенно въ мѣстахъ остановокъ для ночлега, поселки были переполнены казаками, крестьянами и киргизами изъ сосѣднихъ хуторовъ, деревень и ауловъ. Въ поселкѣ Новорыбинскомъ этотъ съѣздъ начался 18-го іюля. На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, были приведены учащіяся дѣти сосѣднихъ поселковыхъ школъ и поставлены у крыльца Новорыбинской школы; возлѣ нихъ заняли мѣсто представители поселка съ хлѣбомъ-солью и депутаты Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ съ своимъ подношеніемъ—серебряной фигурой, которая была привезена сюда изъ Омска. По другую сторону крыльца выстроились казаки почетнаго караула и полусотня малолѣтковъ Новорыбинской школы со своимъ значкомъ.

Ровно въ 11 часовъ утра экипажъ Цесаревича, при восторженныхъ кликахъ народа, остановился у школы. Выйдя изъ коляски, Его Высочество обошелъ почетный караулъ и полусотню казачатъ, здороваясь съ каждой частью. Пропустивъ затѣмъ обѣ полусотни церемоніаломъ и поблагодаривъ ихъ за прохожденіе, Государь Цесаревичъ подошелъ къ представителямъ станицъ. Въ это время дѣти запѣли народный гимнъ, по окончаніи котораго десятилѣтняя ученица Новорыбинской школы подала Его Высочеству полотенце, работы ученицъ. Эта малютка, по характеру очень рѣзвая дѣвочка, теперь настолько растерялась, что не могла сказать и нѣсколько словъ привѣтствія. Ласково улыбувшись, Государь Цесаревичъ принялъ полотенце, а затѣмъ поблагодаривъ станичниковъ за подношенія, вошелъ въ зданіе школы.

Къ завтраку были приглашены Войсковой Атаманъ, атаманы 1-го и 2-го отдѣловъ, предсѣдатель Войскового Правленія, начальникъ почетнаго караула и ординарецъ.

Войдя въ столовую, Государь Цесаревичъ внимательно осмотрѣлъ убранство этой комнаты и особенно работу орла, впереди котораго было его мѣсто за столомъ. По окончаніи завтрака Его Высочество перешелъ въ гостиную, гдѣ еще нѣкоторое время бесѣдовалъ съ представителями поселка.

Въ часть дня Цесаревичъ отбылъ изъ Новорыбинска. За его коляской сейчасъ же вынеслись казачата со значкомъ, который держалъ 13-лѣтній мальчикъ Владиміръ Бородавкинъ, а сбоку и нѣсколько въ сторонѣ скакали казаки конвойнаго взвода.

Въ Прѣсновскѣ Его Высочество остановился у церкви, на паперти которой его ожидало духовенство. Приложившись ко кресту, Государь Цесаревичъ подошелъ къ станичникамъ, привѣтствовавшимъ его хлѣбомъ-солью.

Наградивъ конвоировъ казачатъ, Государь Цесаревичъ, напутствуемый благопожеланіями Прѣсновцевъ, выѣхалъ дальше. Какъ только его экипажъ тронулся съ мѣста, Бородавкинъ со значкомъ присоединился къ конвойному взводу. Такъ онъ скакалъ 60 верстъ на одной лошади до поселка Кабановскаго. Здѣсь Бородавкинъ пересѣлъ на другого коня, высланнаго ему отцомъ и еще проскакалъ 48 верстъ до Прѣсногорьковска.

Этотъ мальчикъ былъ замѣчательный наѣздникъ. Отлично управляя лошадей, онъ въ то же время красиво сидѣлъ въ сѣдлѣ; 108 верстъ Бородавкинъ проскакалъ при шести небольшихъ остановкахъ въ попутныхъ поселкахъ, гдѣ производилась перепряжка лошадей и смѣна конвоевъ. Чтобы въ полной мѣрѣ судить о его пробыгѣ, необходимо замѣтить, что линейные казаки везли своего Августѣйшаго Атамана со скоростью 20—22 верстъ въ часъ и 108 верстъ сдѣлали въ 7 часовъ времени.

Ко времени прибытія Государя Цесаревича въ Прѣс-

ногорьковскъ, у дома Кладенова стали представители станицы съ хлѣбомъ-солью; правѣе ихъ учащіяся дѣти, а по другую сторону крыльца выстроился почетный карауль; тутъ же стояла и другая полусотня, составленная изъ кавалеровъ урядниковъ и казаковъ, участниковъ Хивинскаго и Коканскаго походовъ. Эти почетные старики, украшенные крестами и медалями, положительно привлекали къ себѣ вниманіе всѣхъ.

Около 8-ми часовъ вечера Государь Цесаревичъ прибылъ въ Прѣсногорьковскъ. Рядомъ съ его коляской скакалъ Бородавкинъ со значкомъ. Обойдя полусотни и поздоровавшись съ казаками, Его Высочество пропустилъ ихъ церемоніаломъ. Нужно было видѣть какими молодцами проходили старики кавалеры и какъ они были счастливы, когда Августѣйшій Атаманъ сказалъ имъ: *„Спасибо молодцы“*. На эти милостивыя слова, они отвѣтили восторженнымъ „ура“, которое было подхвачено народомъ.

Принявъ отъ станичниковъ хлѣбъ-соль и обойдя учащихъ дѣтей, Его Высочество прошелъ въ домъ, куда на обѣдъ были приглашены всѣ начальствующія лица.

Въ это же время площадь передъ домомъ Кладенова освѣтилась огнями. Гирлянды цвѣтныхъ фонарей, флаги, вензеля и транспоранты придавали этому уголку красивый видъ. Между тѣмъ въ павильонѣ и на столахъ разставленныхъ на этой же площади, началось угощеніе народа чаемъ, сластами, пивомъ и медомъ. По временамъ раздавалось „ура“. То были здравицы за Государя Императора, Матушку Царицу и Августѣйшаго Атамана. Еще не окончился обѣдъ, какъ станичники собрались въ кружокъ и запѣли свои пѣсни; ихъ примѣру послѣдовали казачки,— онѣ составили хороводъ. Нѣсколько въ сторонѣ кто-то отхватывалъ «казачка» подъ скрипку съ бандурой и трензелемъ. Только ближе

къ дому, молча, безъ шапокъ, стояли глубокіе старики; они не принимали участія въ общемъ весельѣ, оно ихъ не занимало; ихъ мысли были сосредоточены на окнахъ дома, въ которомъ находился Наслѣдникъ престола. Они его ждали и не напрасно — послѣ обѣда Его Высочество вышелъ на крыльцо. Какимъ могучимъ „ура“ встрѣтилъ его народъ и какъ были счастливы эти убѣленные сѣдиной станичники, что еще разъ имъ представился случай видѣть дорогого, желаннаго гостя; они молились и благословляли его.

На другой день, передъ выѣздомъ изъ Прѣсногорьковска, Государь Цесаревичъ подарилъ на память свои портреты генералу барону Таубе, полковникамъ Катанаеву, Симонову. Такіе же портреты были подарены въ Омскѣ генералу Русинovu, войсковымъ старшинамъ Чирикову, Ерковскому, Березовскому и Калачеву; урядники конвоя получили серебряные часы съ Государственнымъ гербомъ и по 50 рублей деньгами, а малолѣтокъ Бородавкинъ золотые часы. Перстни, золотые и серебряные часы были пожалованы депутатамъ отъ Атбасарской, Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ.

Около 7¹/₂ часовъ утра Государь Цесаревичъ выѣхалъ изъ Прѣсногорьковска. До границы Оренбургскаго войска оставалось около 50 верстъ. Весь этотъ путь у коляски Цесаревича снова скакалъ Бородавкинъ со значкомъ на второй своей лошади. Кромѣ конвойныхъ взводовъ, съ половины дороги, приняли участіе въ сопровожденіи Его Высочества киргизки, въ своихъ національныхъ костюмахъ. Эти степныя амазонки, мчавшіяся во весь опоръ, представляли замѣчательно красивую картину. Тутъ же скакали казаки — станичники, крестьяне, киргизы, обгоняя другъ друга, чтобы скорѣе добраться до границы и еще разъ взглянуть на свое „красное солнышко“.

Часовъ въ 11 утра поѣздъ остановился у юртъ, выставленныхъ у границы. Здѣсь наши казачки снова имѣли счастье угощать Высокаго гостя чаемъ съ домашнимъ печеньемъ.

Передъ выѣздомъ Его Высочество приказалъ снять съ дрезки значекъ Новорыбинцевъ и уложить его въ ящикъ своей коляски.

Попрощавшись съ начальствующими лицами, Государь Цесаревичъ отбылъ въ Оренбургское войско.

Долго еще казаки оставались на мѣстѣ и только когда послѣдній экипажъ скрылся изъ виду, они начали расходиться по степи, чтобы подѣлиться другъ съ другомъ впечатлѣніями незабвенныхъ дней.

XIV.

Пѣсни Сибирскаго войска и его Ермака Тимофеева полка.

Нигдѣ лучше не обрисовываются разныя стороны народной жизни, подвиги отдѣльныхъ общинъ и ихъ вождей, какъ въ пѣняхъ и былинахъ. Къ сожалѣнію, въ нашъ вѣкъ забыты на Руси многія старыя пѣсни. Даже въ войскахъ перѣдко приходится теперь слышать, какъ воспѣваются разнаго рода „стрѣлочки“ или какъ она „шлейфомъ ушцу мела“. А еще такъ недавно мы гордились, что „Русь и въ пѣняхъ-то могуча“.

Въ Сибирскомъ войскѣ не мало глубоко содержательныхъ пѣсней, но часть ихъ тоже забыта или настолько передѣлана, что пѣтъ возможности добраться до смысла.

Чтобы сохранить уцѣлѣвшія въ Войскѣ пѣсни, я помѣстилъ ихъ на страницахъ Исторіи полка и, притомъ въ тѣхъ главахъ, въ которыхъ описаны воспѣваемые ими событія. Тѣ же пѣсни, которыя, по своему содержанію, не соотвѣтствуютъ внесеннымъ въ Исторію событіямъ или касаются ихъ только отчасти, помѣщены въ этой главѣ.

Въ главѣ III-ей на страницѣ 26-й записана старинная пѣсня „Рано утромъ весной“... Она называлась „семиверетной“. И дѣйствительно, чтобы пропѣть ее отъ начала до конца, можно сдѣлать цѣлый переходъ. Вотъ ее продолженіе: 1)

Лишь одинъ не кричать,
Одинокій стоять
Онъ, опершись на саблю стальную.
То казакъ молодой
И любимый женой
И любившій жену молодую.
Когда холоетъ онъ быль,
Онъ кутить и рубить
И въ степяхъ гарцевать съ удалцами.

Онъ бы радъ на войну,
Жаль оставить жену
Съ голубыми, какъ небо, очами.
Вотъ къ вечернѣ звонять,
Казакъ мигомъ въ рядъ
И пошли въ Божью церковь молиться,
Да поклономъ земнымъ
Поклониться святымъ
И къ честному кресту приложиться.
Но казакъ молодой,
Не спѣшитъ за толпой
Помолиться святымъ не радѣеть.
Онъ стоитъ молчаливъ,
И не мертвъ и не живъ,
Кровь въ груди то кипитъ, то хладѣеть.
Вотъ, одѣтый въ стихарь,
Зазвонитъ пономарь
На высокой звоницѣ собора.
И казакъ задрожать,
Жгучей пекрой запать
Червь укора въ душѣ беспокойной.
Онъ во храмъ не спѣшитъ,
И боится вступитъ,
И стоитъ одинокъ у порога.
Онъ глядитъ на народъ
И креста не кладетъ
И не молится Господу Богу.
Освѣщенъ Божій храмъ
И святой ѳиміамъ
Будто ризой народъ одѣвается.
И казаки поютъ,
Да поклоны кладутъ,
Атаманъ съ ссауломъ читаютъ.
Службу кончили, вотъ

Атаманъ напередъ.
А за нимъ молодцы осаулы:
Приложась къ образамъ,
Казаци по домамъ
Разошлись, говоря про аулы.
А казакъ молодой
Съ неспокойной душой
Въ церковь Божію робко встукаетъ.
Къ алтарю онъ идетъ,
Тихо старца зоветъ
И съ слезами къ ногамъ припадаетъ.
Мой отецъ поспѣши,
Тяжкій грѣхъ разрѣши,
Погибаю я, грѣшный, душою.
„Сколь-бы грѣхъ не великъ“, —
Говоритъ духовникъ,
„Не утай ничего предо мною“.
А казакъ отвѣчалъ:
Атаманъ приказалъ
Намъ идти на киргизцевъ войною.
Мой отецъ, я женатъ,
И хотѣю нѣту ребятъ,
Да вѣдь жалко разстаться съ женою.
Я на Бога ропталъ
И своихъ проклиналъ
И не шелъ съ казаками молиться.
И пришедши потомъ,
Не крестился крестомъ,
Не хотѣлъ къ образамъ приложиться.
„Чадю! грѣхъ твой великъ“,
Говоритъ духовникъ,
„Омрачился ты тяжелой виною.
„Но и бездну грѣховъ
„Богъ очистить готовъ,

„Прибѣгай лишь къ нему съ покаяньемъ.
„Какъ Христовъ іерей,
„Я по власти своей
„Отъ грѣховъ всѣхъ тебя разрѣшаю.
„И подь знаменъ креста,
„Супротивныхъ Христа
„Поражай, я тебя посылаю.
„Мужемъ будь, не жалѣй
„Крови грѣшной своей
„И за братію жертвуй собою.
„Знай, убитыхъ въ конецъ
„Ждетъ петлѣнный вѣнецъ,
„Поѣзжай сынъ мой, миръ надъ тобою“.
И казакъ молодой
Съ облегченной душой
Божій храмъ, помолясь, оставляетъ.
Онъ приходитъ къ женѣ,
Говоритъ о войнѣ
И печальну жену утѣшаетъ.
Не тоскуй, не кручись,
„Лучше Богу молись,
Чтобъ отъ смерти меня Онъ избавилъ.
Чтобы насъ, казаковъ,
Сохранилъ отъ оковъ
И великой побѣдой прославилъ.
За стѣсьми, говорятъ,
Камней груды лежатъ
И песокъ при рѣкахъ золотистый.
„Что мнѣ въ илатьяхъ цвѣтныхъ,
„Что въ камняхъ дорогихъ,
„Когда нѣту тебя ненаглядный!
„Отъ разлучнаго дня
„Не утѣшитъ меня
„Ни серебро, ни жемчугъ прекрасный.

„Кто-то мнѣ говорить:
„Мужъ твой будетъ убитъ,
„Вотъ ужъ по три я слышу все ночи.
„Видно мнѣ сиротой
„Вѣковать вѣкъ вдовой,
„Не видать твои свѣтлыя очи;
„Не крутить черныхъ усь,
„Не лобзать алыхъ усть,
„Не прижать ко груди бѣлоснѣжной.
„Твой сынокъ подростеть,
„Тятю кликать начнетъ,
„Что мнѣ дѣлать тогда безнадежной?“
И съ сердечной тоской,
Тутъ казакъ молодой
Молодую жену обнимаетъ.
Не тоскуй, говоритъ,
Я не буду убитъ,
Вѣдь не всякій въ войнѣ погибаетъ.
И недѣль черезъ пять
Ворочусь я опять
И съ добычей къ тебѣ боевою.
Я тебя обниму,
Крѣпко къ сердцу прижму
И у сердца тебя успокою.
Коль паду на войнѣ,
Ты не плачь обо мнѣ,
Пожалѣй свои ясныя очи.
Ожидай ты меня
Не среди бѣла дня,
И вернуся обратно средь ночи.
У воротъ я сойду,
Тихо въ хату войду
И махну посинѣлой рукою.
Ты не бойся меня,

А садись на коня,
Мы поѣдемъ, другъ милый, съ тобою.
Тутъ казакъ замолчалъ,
Три свѣчи засвѣчалъ
И собираться онъ началъ на битву.
Онъ осѣкъ три кремня,
Изготовилъ коня,
Наточивъ свою саблю, какъ бритву.
На другой день съ зарей,
Грянулъ гулъ вѣстовой...
Казакъ лошадей выводили.
Гуль второй разнесло,
Казакъ на сѣдло
И за третьимъ -- на площадь сгѣшили.
Шумно строятся въ рядъ,
Громко сабли гремятъ...
Развиваютъ казацкое знамя.
Кони борзые бьютъ,
Пыль копытами вьютъ
И въ глазахъ ихъ свирѣпое пламя.
Вотъ раздался сигналъ,
Атаманъ прискакалъ
И церковны врата отворились.
Кивера всѣ долой,
Закричалъ удалой...
Кивера тутъ у всѣхъ опустились.
Тихо старцы пошли,
Образа понесли
И святую хоругвь къ окропленію.
А за ними идетъ
Весь церковный причѣтъ,
Позади іерей въ облаченіи.
Призывалъ Бога силъ,
Іерей возгласилъ

И всемирную славу зашѣли.
Онъ по ряду ходить,
Казаковъ окропиль
Освященной водою въ купели.
„Родъ избранный возстань,
„Ополчайся на брань,
„Покоряй супротивныхъ подъ ногу.
„Укрѣпитъ Богъ боговъ
„Васъ на вашихъ враговъ,
„Я вручаю васъ Господу Богу“.
И покончивъ обрядъ,
Повернуть онъ назадъ
И слезами глаза омрачились.
Тихо старцы пошли,
Образа понесли
И церковныя врата закрылись.
Весь какъ пламя огня,
Атаманъ на коня
И тяжелыми брякнулъ ножнами.
Вдругъ сверкнулъ, какъ стекло,
Длинный мечъ наголо
И летитъ молодцомъ предъ рядами.
Онъ ряды обскакалъ,
„Съ Богомъ, дѣти!“ сказалъ;
Казаки на сѣдлѣ поднялися.
Засверкали мечи
И орломъ казаки,
Какъ на пиръ, на войну понеслися.

— — — —

Слѣдующія четыре пѣсни: „Дикарь“ „Иртышъ“, „Настала священная брань на враговъ“ и „Казакъ“, относятся къ тому періоду жизни Войска, когда ссыльные въ Сибири зачислялись въ казаки. Одни изъ этихъ ссыльныхъ были разнаго рода уголовные преступники, а дру-

гюе-иноземцы, взятые въ плѣнъ рускими послѣ неудачныхъ для нихъ войнъ.

Тоска по дикой Кореліи, воспитая въ „Дикарѣ“, несомнѣнно относится къ жизни плѣнныхъ шведовъ, попавшихъ въ Сибирь послѣ Петровскихъ побѣдъ надъ Карломъ XII и принимавшихъ участіе въ заложениіи крѣпостей на Иртышской линіи. Последнія двѣ пѣсни занесены въ Сибирское войско вѣроятно Донцами, попавшими въ его ряды тоже не по доброй волѣ.

ДИКАРЪ.

Какъ въ кованой клѣткѣ дубровая птица,
Все жажду я грустный свободнаго дня.
Напрасно мнѣ блещутъ привѣтныя лица
И добрые люди ласкаютъ меня.

Мнѣ больно встрѣчаться съ улыбкою ясной,
Мнѣ больно смотрѣть, какъ играетъ заря.
Ахъ, добрые люди, напрасно, напрасно
Хотите вы сдѣлать ручнымъ дикаря.

Вы сами видали, какъ странно и тщетно,
Скрывая улыбку, притворствовалъ я;
Какъ въ обществѣ чинномъ бывало замѣтна,
Глухая лѣсная природа моя.

Природа была мнѣ въ притворствѣ уликой,
Скрывая свою вѣковую красу.

Я росъ на раздольѣ Кореліи дикой,
При озерѣ бурномъ, въ дремучемъ лѣсу.

Со мной вы разстались деревья родныя,
Я помню минуты прощальной поры,
Какъ слезы катились у васъ емоляныя,
Густымъ янтаремъ изъ подъ черной коры.

Какъ вы мнѣ, прощаясь, главами кивали,
Даря свой послѣдній улытый привѣтъ;

И какъ ваши листья по вѣтру шептали:
Куда ты уходилъ, тамъ счастья нѣтъ.
Но я разорвалъ-бы печали завѣсу,
Свободною грудью вздохнулъ-бы вполнѣ,
Лишь дайте мнѣ лѣсу, дремучаго лѣсу,
Лишь дайте мнѣ волю, свободную мнѣ.
Чтобъ могъ я по своему горе размыкать,
Объятья природѣ опять размахнуть:
И праздно-бродячую радость закликать
Хотя на минуту въ разбитую грудь.

•••••

И Р Т Ы Ш Ъ.

Пѣвецъ молодой, судьбой гонимый,
При брегахъ быстрыхъ водъ сидѣть,
И грустью скорбною гонимый,
Разлуку съ родиною нѣтъ.

Припѣвъ: { Шуми Иртышъ, струитесь воды,
Несите грусть мою съ собой,
А я, лишенный здѣсь свободы,
Дышу для родины драгой.

Для родины, для сердца милой,
Я въ нихъ все счастье имѣть,
Въ кругу родныхъ, всегда любимый,
Гдѣ радости одинъ я нѣтъ.

Припѣвъ.

Теперь пою одну разлуку,
Судьбой расторгнутыхъ сердець
И грусть свою ввѣряю звуку....
Ужъ не на родинѣ пѣвецъ.

Припѣвъ.

•••••

Настала священная брань на враговъ,
И въ битву помчала Сибирь сыповъ.
Одинъ изъ казаковъ наѣздникъ лихой,
Лишь годъ одинъ живши съ женой молодой,
Любя ея страстно и страстно любимъ,
Быть долженъ разстаться съ блаженствомъ своимъ.
Прощаяся съ женою, сказать: „будь вѣрна!“ ---
„Вѣрна до могилы“, - сказала она.
Три года за родину бился съ врагомъ,
Разилъ супостата кошемъ и мечемъ.
Безстрашный наѣздникъ всегда впереди. ---
Свидѣтели раны и веѣ на груди.
Окончились битвы, онъ ѣдетъ домой.
Все страстный, все вѣрный женѣ молодой.
Уже достигаетъ родныхъ городовъ
И видитъ на встрѣчу идущихъ отцовъ.
Казакъ нашъ объемлетъ отца своего:
„Повѣдай родитель, повѣдай ты мнѣ
О матери родной, о милой женѣ?“
Старикъ отвѣчаетъ: „здорова семья,
„Но, сынъ мой, случилась бѣда у тебя:
„Тебѣ измѣнила младая жена:
„За то отъ печали изсохла она.
„Раскаянъе видя, простили мы ей,
„Прости-же ты, сынъ мой, мы просимъ объ ней“.
Ни слова отвѣта, идетъ онъ съ отцомъ
И вотъ уже входитъ въ родительскій домъ.
Упала на грудь его мать въ слезахъ,
Жена молодая лежала въ ногахъ.
Онъ мать обнимаетъ, иконамъ святымъ,
Какъ быть, поклонился съ поклономъ земнымъ.
Вдругъ сабля взвилася могучей рукой,
Глава покатиася съ жены молодой.
Безмолвно онъ голову тихо беретъ

И молча къ народу на площадь несетъ.
Свое преступленіе онъ всѣмъ объявилъ
И требовалъ казни, и казнь получилъ.

***

К А З А К Ъ.

Разъ, полуночной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Тихо ѣхалъ надъ рѣкою
Удалой казакъ.
Черна шапка на бекренѣ,
Весь челнакъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.
Вѣрный конь, узды не чую,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся въ даль.
Вотъ предъ нимъ двѣ—три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь дорога къ деревушкѣ,
Тамъ --въ дремучій боръ.
Не найду въ лѣсу дѣвицы,—
Думалъ хватъ Денисъ:
Ужъ красавицы дѣвицы
На ночь убралнсь.
Шевельнуть казакъ уздою,
Шпорой прикольнуть
И помчался конь стрѣлою—
Къ избамъ завернуть.
Въ облакахъ луна серебрила
Дальни небеса:
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица краса.

Храбрый видитъ красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ;
Конь тихонько къ лѣсу, къ лѣсу—
Вотъ ужъ подь окномъ.
Ночь становится темнѣе,
Скрылася луна.
„Выйди, коханочка, скорѣе,
„Напой коня“.
—Нѣтъ, къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды.
„Ахъ, небось, дѣвица красна,
„Съ милымъ подружись!
„Ночь красавицамъ опасна?
„Радость, не страшись!
„Вѣрь, коханочка, пустое,
„Ложный страхъ отбрось!
„Тратишь время золотое.
„Милая, небось!
„Сядь на борзаго: съ тобою
„Въ дальній ѣду край;
„Будешь счастлива со мною:
„Съ другомъ всюду рай!“
Что же дѣвица? склонилась,
Побѣдила страхъ.
Робко ѣхать согласилась,
Счастливы стали казакъ!
Поскакали, полетѣли:
Дружку другъ любить:
Быль ей вѣренъ три недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

— * * * —

Эти пять пѣсенъ мнѣ приходилось слышать въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтїя на Ирѣногорьковской линїи у командира 3-го полкового округа С. В. Пашкова, въ городѣ Омекѣ въ Войсковой учебной сотнѣ П. М. Путищева и въ Сыртъ-Дарьинской области въ № 1 Сибирскомъ казачьемъ полку С. А. Елганшина. Тогда же пѣлись: „На границѣ мы стояли“, „Не лазорево красно солнышко“, „Соберемтесъ-ка казаченьки во единый во кружокъ“, „Какъ изъ далека, далеча“, „Полно, маменька, тужить“, „Въ рѣкѣ бѣжитъ могучїй валь“. Но эти пѣсни теперь забыты и только иногда старики—станичники, сидя на лавкахъ у своихъ домовъ, тихо, какъ-бы про себя, напѣваютъ отрывки изъ нихъ.

Пѣсня „Въ рѣкѣ бѣжитъ могучїй валь“, есть передѣлка черкесской пѣсни А. С. Пушкина: она пѣлась со слѣдующими измѣненїями:

Въ рѣкѣ бѣжитъ могучїй валь:

Въ степи безмолвіе ночное;

Казакъ усталый задремалъ,

Склоняясь на коніе стальное.

Не спи казакъ: во тьмѣ ночной

Киргизецъ ходитъ за рѣкой.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,

Влача по дну рѣчному сѣти:

Казакъ, утопешъ ты въ рѣкѣ,

Какъ тонуть маленькія дѣти.

Купаясь жаркою порой:

Киргизецъ ходитъ за рѣкой.

На берегу Цртышскихъ водъ

Взросли лилейныя станицы:

Веселый пляшетъ хороводъ:

Бѣгите русскія дѣвицы,

Сибѣшите, красныя, домой:

Киргизецъ ходитъ за рѣкой.

Въ 1883 году въ Ермака Тимофеева полку появилась новая пѣсня:

Проявился въ Сибири славный крѣпкій казакъ,
Славный — крѣпкій казакъ, по прозванью Ермакъ.
Ужъ какъ этотъ-то Ермакъ, онъ сражался не робѣть,
Онъ сражался не робѣть, всей Сибирью завладѣть.
Завладѣвши всей Сибирью, онъ царю послалъ поклонъ:
„Ой ты гой еси, надежда православный царь!
„Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
„Какъ и я-то Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
„Какъ и я-то воровскою Донскою атаманушка,
„Какъ и я-то гулять по сию — морю,
„Что по сию — морю по Хвалынскому,
„Какъ и я-то разбивать вѣдь бусы корабли,
„Какъ и тѣ-то корабли все неорленные:
.. А теперича, надежда — православный царь,
„Приношу тебѣ буйную головушку
„И съ буйной головой царство Сибирское!

ИСТОЧНИКИ.

Стран.

ГЛАВА I.

1) Н. Симоновъ. Очеркъ службы № 1 Сибирскаго казачьяго Ермака Тимофеева полка. Изд. 1901 г.	1
2) Е. Тихомировъ. Ермакъ Тимофеевичъ, покоритель Сибири. Изд. 1886 года	4
3) Н. Симоновъ. Тотъ-же очеркъ	7
4) Приказы Сибирскому казачьему войску 1903 г.	8
5) Тоже 1906 года	9

ГЛАВА II.

1) Г. Катанасевъ. Краткій очеркъ службы Сибирскаго казачьяго войска. Военный сборникъ 1903 г. №№ 7 и 8	10
2) Тоже	11
3) Н. Путинцевъ. Хронологическій перечень событий изъ Исторіи Сибирскаго казачьяго войска. Изд. 1891 г.	11
4) Тоже	11
5) Тоже	12
6) Г. Катанасевъ. Тотъ-же очеркъ	12
7) Н. Путинцевъ. Тотъ-же перечень	13
8) Г. Катанасевъ. Тотъ-же очеркъ	13
9) Н. Путинцевъ. Тотъ-же перечень	14
10) Г. Катанасевъ. Тотъ-же очеркъ	14
11) Тоже	14
12) Н. Путинцевъ. Тотъ-же перечень	15
13) Тоже	15
14) Тоже	16
15) Отчетъ о Сибирскомъ войскѣ за 1903 годъ	17
16) Н. Путинцевъ. Тотъ-же перечень	17

ГЛАВА III.

1) Г. Катанасевъ. Тотъ-же очеркъ	22
2) Тоже	23
3) Тоже	23
4) Н. Путинцевъ. Тотъ-же перечень	24
5) Тоже	25
6) Тоже	26

II.

	Стран.
8) Рассказъ отставного есаула Александра Семеновича Симонова, записанный въ 1889 году, а имъ слышанный отъ своего дѣда, служившаго на Иртышской линіи въ концѣ XVIII вѣка	28
9) Н. Путинцевъ. Тотъ-же перечень	29
10) Тоже	30
11) Тоже	30
12) Тоже	31
13) Тоже	32

ГЛАВА IV.

1) Катанаевъ. Тотъ-же очеркъ	37
2) Н. Путинцевъ. Тотъ-же перечень	38
3) Тоже	40
4) Тоже	41
5) Тоже	42
6) Тоже	43

ГЛАВА V.

1) Приказы войскамъ Туркестанскаго округа и Сыръ-Дарьинской области 1873 г.	49
2) Военный Сборникъ 1874 г. №№ 8 и 11	52
3) Тоже	56
4) Приказы войскамъ Туркестанскаго округа и архивъ штаба 1-го полка 1873 и 1874 годовъ	60

ГЛАВА VI.

1) Н. Симоновъ. Тотъ-же очеркъ	64
2) Тоже	67
3) Военный Сборникъ 1876 г. № 1	70
4) Приказы войскамъ Туркестанскаго округа 1875 г.	72

ГЛАВА VII.

1) Приказы войскамъ Туркестанскаго округа и архивъ штаба 1-го полка 1875 г.	77
2) Военный Сборникъ 1876 г. № 8	79
3) Приказы войскамъ Туркестанскаго округа и архивъ штаба 1-го полка 1875 г.	84

ГЛАВА VIII.

- 1) Военный Сборникъ 1876 г. № 8 и архивъ штаба 1-го полка 1876 г. 93

ГЛАВА IX.

- 1) Приказы войскамъ Туркестанскаго округа и архивъ штаба 1-го полка 1878 г. 104

ГЛАВА X.

- 1) Приказъ войскамъ Туркестанскаго округа 1879 г. . . . 106
2) Архивъ штаба 1-го полка 1880 и 1881 годовъ 116

ГЛАВА XI.

- 1) Архивъ штаба 1-го полка 1882 и 1883 г.г. 123

ГЛАВА XII.

- 1) Архивъ штаба 1-го полка, приказы войскамъ Семиръ-ченской области 1883, 1884, 1885 и 1886 г.г. 134

ГЛАВА XIII.

- 1) Кн. Ухтомскій. На Востокъ. Т. VI. 143

ГЛАВА XIV.

- 1) Сообщено Н. Г. Путинцевымъ 150

О П Е Ч А Т К И.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Читать:
1.	9 снизу	Ли вы	Л и вы
3.	7 „	касаки	казаки
8.	15 сверху	войсковый	войсковой
29.	15 снизу	компектовать	комплектовать
42.	1 сверху	пи свѣту	па свѣту
46.	17 снизу	въ числѣ	въ чинѣ
50.	11 „	Манамджаелѣ	Манамджамѣ
57.	6 „	покалась	показалась
125.	2 сверху	убили вы	убили бы
131.	11 „	сибирца	сибишца
159.	7 „	Прощаяся	Прощаясь
